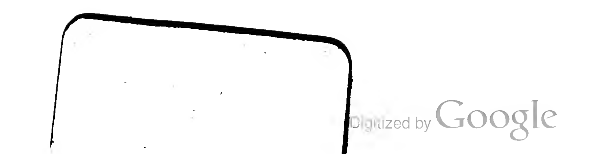

ИСТОРІЯ
ДОНСКАГО ВОЙСКА,

ОПИСАНІЕ

ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ

И

КАВКАЗСКИХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Мая 11 дня 1833.

Цензоръ П. Гаевскій.

0

ИСТОРІЯ

ДОНСКАГО ВОЙСКА,

Владиміра Броневскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

1834.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тяжкая болѣзнь принудила меня отправиться на Кавказъ. Первый курсъ лѣченія Пятигорскими минеральными водами, хотя не оказалъ большаго дѣйствія; но по совѣту медиковъ я рѣшился взять другой курсъ. Ѣхать въ Петербургъ и къ веснѣ назадъ возвращаться, было слишкомъ далеко и убыточно; оставаться на зиму въ горахъ, слишкомъ холодно и скучно; и такъ 15го Сентября 1831 года отправился я въ Новочеркаскъ, гдѣ родной мой братъ жилъ по службѣ съ своимъ семействомъ.

Осьмимѣсячное мое пребываніе въ главномъ городѣ Донскаго войска, доставило мнѣ случай познакомиться со многими почтенными особами Донскаго края. Бесѣдуя съ просвѣщеннѣйшими изъ нихъ, я съ уваженіемъ слушалъ пристрастныя ихъ сужденія о бываломъ, о

рыцарскихъ ихъ подвигахъ; слушалъ со вниманіемъ и съ разборчивостію, отмѣчалъ въ памяти моей главныя черты, изучилъ много словесныхъ преданій; и, — любовь ко всему отечественному, отсвѣчивавшаяся во всѣхъ ихъ разсказахъ, понравилась мнѣ. Я хотѣлъ поближе познакомиться съ ихъ бытомъ, съ ихъ Исторіею, и мнѣ радушно было доставлено столько свѣденій о Донской землѣ, что я, получивъ позволеніе воспользоваться ими, рѣшился привесть ихъ въ порядокъ. Одинъ изъ патріотовъ, Генералъ-Маіоръ Хрис. Пав. Кирсановъ, доставилъ мнѣ множество отдѣльныхъ историческихъ актовъ, замѣчаній объ обычаяхъ, обрядахъ и другихъ любопытныхъ сказаній, относящихся къ Донскому быту. Другія особы также, въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ собиравшія разныя свѣденія, доставили мнѣ нѣсколько списковъ съ древнихъ Грамотъ, Донесеній Войсковыхъ Атамановъ, Указовъ Посольскаго Приказа, и разныхъ историческихъ и статистическихъ извѣстій; такъ что для связи собственно историческихъ

произшествій, я имѣлъ уже почти всѣ нужные матеріалы. При чтеніи и разборѣ сихъ матеріаловъ, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онѣ могутъ составить нѣчто цѣлое, отдѣльное, самобытное, содержащее въ себѣ множество предметовъ любопытныхъ, занимательныхъ, нигдѣ ненапечатанныхъ, и потому совершенно неизвѣстныхъ любителямъ отечественныхъ древностей и историческихъ познаній. Въ послѣдствіи увѣрившись, что въ Словесности нашей не достаетъ Исторіи Донскаго Войска, имѣя досугъ и добрую волю, я рѣшился пополнить этотъ недостатокъ; и по возвращеніи въ С. Петербургъ, приступилъ къ тому съ ревностію и усердіемъ. Дабы не упустить ничего, что до моего предмета относилось, я старался собранные мною матеріалы на Дону, пополнить, повѣрить и объяснить всѣмъ тѣмъ, что можно было отрывками и разсѣянно отыскать въ печатныхъ книгахъ; изъ нихъ тѣ, которые служили мнѣ главнымъ руководствомъ, и изъ которыхъ я что-либо заимствовалъ, суть слѣдующія:

1. **Исторія Государства Россійскаго.** ***Н. Карамзина.***

2. **Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ.**

3. **Древняя Россійская Вивліоѳика.** ***Г. Новикова.***

4. **Древнее Сказаніе объ Азовѣ.** ***Г. Тауберта.***

5. **О началѣ и происхожденіи Казаковъ.** ***Миллера.***

6. **Исторія Малой Россіи.** ***Г. Бантышъ-Каменскаго.***

7. **Журналъ Петра Великаго.**

8. **Исторія походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи.** ***Соч. Бутурлина.***

9. **Записки Манштейна и Журналъ семилѣтней и первой Турецкой войнъ.**

10. **Руская Старина** ***Г. Корниловича,*** **гдѣ въ статьяхъ** ***Г. Сухорукова,*** **уроженца Донскаго края, нашелъ я много любо-**

пытнаго, относящагося къ рыцарскимъ временамъ, старымъ обычаямъ и быту Донцовъ.

Исторія о Донскомъ войскѣ, начатая и неконченная *Г. Поповымъ*, Донскимъ уроженцемъ, по очевидному недостатку въ исторической критикѣ, хотя не могла мнѣ служить руководствомъ, но при другихъ матеріалахъ, я могъ объяснить себѣ встрѣчавшіяся въ ней противурѣчія и несообразности; и могъ извлечь изъ нее нѣсколько свѣденій нужныхъ и полезныхъ.

Я не упоминаю здѣсь о множествѣ другихъ книгъ, въ которыхъ по истиннѣ нашелъ мало нужнаго, и еще менѣе любопытнаго; но книги сіи помогли мнѣ раздробленные и разсѣянныя въ нихъ отрывки, къ предмету моему относившіеся, соединить въ одно цѣлое и дать сему цѣлому жизнь новую, самобытную. Наконецъ, послѣ труда утомительнаго, могу теперь представить соотечественникамъ моимъ и любителямъ сего рода чтенія, *Исторію*

Донскаго Войска, и довольно подробное *Описаніе Донской земли*, какого нѣтъ еще на Русскомъ языкѣ. Описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ, составитъ отдѣльную и послѣднюю часть подъ заглавіемъ: *Поѣздка на Кавказъ*.

Дабы не увеличить книгу огромнымъ прибавленіемъ, гдѣ Читатель не нашелъ бы большаго удовольствія разбирать старыя сказанія, отписки, допросы, граматы и другіе документы, на коихъ основано мое повѣствованіе; и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить въ ней историческую достовѣрность, я по возможности старался перенесть въ самый текстъ, древнія слова и выраженія, которыя еще не совершенно устарѣли, и въ новомъ нашемъ языкѣ не потеряли еще своей силы и смысла. Впрочемъ, дабы сохранить форму, принятую для историческихъ книгъ, вездѣ, гдѣ только было необходимо, я показалъ источники, изъ коихъ что-либо почерпалъ, или заимствовалъ.

При всемъ стараніи и тщательности, сочиненіе сіе предлагаю, какъ опытъ еще несо-

вершенный, не совсѣмъ полный; ибо нѣкоторыхъ актовъ и свѣденій мнѣ не доставало: изъ нихъ часть истреблены небреженіемъ, другіе пожаромъ, испепелившемъ Войсковой архивъ въ 1744 году; иные, быть можетъ, таятся въ разныхъ государственныхъ Архивахъ и частныхъ библіотекахъ. Но какъ утраченное невозвратимо, а принадлежащее многимъ лицамъ трудно отъискать и собрать, то я принялъ на себя обязанность привесть въ порядокъ мнѣ доставшееся; и — будучи увѣренъ въ пользѣ такого труда, трудился прилѣжно, надѣясь успѣха всегда меня ободрявшаго. Достигну ли цѣли своей? рѣшитъ читатель, предъ которымъ не похвалюся трудомъ, но похвалюся стараніемъ угодить ему. Впрочемъ дѣлаю что̀ могу: полнѣйшее описаніе предоставляю послѣдователямъ моимъ, которые успѣютъ собрать болѣе матеріаловъ, и будутъ имѣть болѣе досуга, терпѣнія и умѣнья привесть ихъ въ лучшій порядокъ. Занимающихся критикою для пользы Словесности, приглашаю и покорнѣйше прошу обратить вни-

маніе на трудъ мой. Зная, что чрезъ столкновеніе мнѣній познается истинна, я приму всякое дѣльное ихъ замѣчаніе съ благодарностію; но не буду отвѣчать на бранчивыя и грубыя статьи тѣхъ литтературныхъ юношей, которые не уважаютъ никакихъ законовъ приличія, и вообще сердятся не для пользы общей, а изъ барышей, вычисленныхъ по особливой торговой системѣ, ими принятой.

ИСТОРІЯ ДОНСКАГО ВОЙСКА.

Краткое обозрѣніе Исторіи народовъ, обитавшихъ на Дону.

Баснословные Гиппербореи, и Амазонки. Хвалисы, Тавры и Киммеріане, обладавшіе южною Россіею. Скиѳы. Построеніе Греками Танаиса. Сарматы. Алане. Гунны. Угры и Болгаре. Авары. Козары. Печенеги. Россіяне. Половцы. Походы В. К. Мономаха, Мстислава и Всеволода. Пораженіе Игоря на Каялѣ. Татары. Положеніе Донскаго края въ 1389 году. Тамерланъ на Дону. Раззореніе Азова. Междоусобія въ Ордѣ. Запорожскіе Казаки. Ордынскіе Казаки. Совершенное опустошеніе Донскаго края. Азовъ подъ властію Турокъ.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію Исторіи Донскаго Войска, для связи происшествій и объясненія начала и происхожденія Донскихъ Казаковъ, нахожу необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на Исторію, или, лучше, на прехожденіе и переселеніе народовъ, въ свою чреду обладав-

шихъ и другъ другу уступавшихъ землю, нынѣ Донскому войску принадлежащую. Разсмотрѣніе сіе ясно покажетъ, что Донскіе Казаки суть люди прямо Русскіе; а не смѣсь народовъ, до прихода ихъ жившихъ на Донской землѣ.

Гипербореи и Амазонки.

Въ баснословныя времена, когда за незнаніемъ письменъ, историческія происшествія основывались на однихъ изустныхъ преданіяхъ, темныхъ и невѣрныхъ; живое воображеніе Грековъ изобрѣло Гиппербореевъ, людей совершенно добродѣтельныхъ и питавшихся сокомъ цвѣтовъ и росою, въ такой странѣ, гдѣ и по нынѣ цвѣты рѣдки, а всякая влажность, отъ жестокаго мороза, большую часть года пребываетъ въ видѣ камня. Подвиги Амазонокъ, которыхъ нѣкоторые писатели приводили даже на Донъ, столь же сомнительны, какъ и самое существованіе Гиппербореевъ. Въ исторіи сихъ героинь только одно событіе походитъ на правду: во время войны съ Скиѳами, полководецъ Скиѳскій выставилъ противъ нихъ въ передовую стражу отличныхъ красотою юношей, которые, какъ учтивые кавалеры, не наносили, а только отражали удары, и война, столь вѣжливая, кончилась тѣмъ, что побѣдительницы влюбились— и сдѣлались супругами милыхъ враговъ. Одно происшествіе, принадлежащее къ симъ временамъ, о которомъ упоминается въ путешествіи Аргонавтовъ въ Клохиду (вѣковъ за XII. до Р. Х.), можно назвать вѣроятнымъ, есть то, что Хвалисы, Тавры и Киммеріане обладали нынѣшнею южною Россіею.

Не входя въ изслѣдованіе человѣческихъ дѣлъ сей отдаленной, туманной древности, приступимъ къ описанію случившихся на Дону произшествій болѣе достовѣрныхъ, болѣе историческихъ.

Скиѳы.

Киммеріане, жившіе по западную сторону моря Хвалынскаго (нынѣ Каспійскаго), были изгнаны изъ своего отечества Скиѳами, которые, въ свою очередь будучи вытѣснены оттуда Массагетами, раззоривъ прежде великую часть Персіи и Малой Азіи, перешли Волгу, и наконецъ утвердились между Дономъ и Дунаемъ, гдѣ Дарій, Персидскій Царь тщетно старался отмстить имъ за опустошеніе Мидіи. Въ семъ походѣ, за 507 лѣтъ до Р. Х. случившемся, Дарій, гоняясь за Скиѳами, потерялъ большую часть многочисленнаго войска и, вѣроятно, нѣкоторая часть онаго легла головою на Донской землѣ. Скиѳы вели жизнь кочевую, болѣе всего любили свободу, не знали никакихъ искусствъ, кромѣ одного: „вездѣ настигать непріятелей и вездѣ отъ нихъ скрываться.“

Построеніе Танаиса.

Вѣковъ за пять до Р. Хр. Азійскіе Греки построили многіе города въ Тавридѣ и по сѣвернымъ берегамъ Евксинскаго понта, въ томъ числѣ и *Танаисъ*, въ 3 миляхъ отъ моря, при устьѣ рѣки Тана. Сіи пришлецы, какъ говоритъ Геродотъ, писавшій за 445 лѣтъ до Р. Хр., производили значительную торговлю съ сосѣдственными племенами и получали отъ нихъ: невольниковъ, звѣриныя кожи, хлѣбъ и соленую рыбу; а привозили имъ сукна, виноградныя вина и другія свои

произведенія. Отъ Танаиса, въ разстояніи ста стадій, вверхъ по рѣкѣ, находился островъ *Алопекія* [a], на которомъ дикіе народы, коимъ въ Греческомъ городѣ жить не позволялось, для торговъ поселились.

Страбонъ утверждаетъ, что Танаисъ былъ общимъ купеческимъ городомъ Азійскихъ и Европейскихъ народовъ, и отправлялъ богатый торгъ съ Трапезонтомъ, Ираклією, Коринѳомъ, и по разореніи сего послѣдняго Римлянами, съ островомъ Делосомъ и городомъ Византіею, почитавшимися тогда первостепенными торговыми пристанями. Донъ, со многими впадающими въ него рѣками, недалекое разстояніе Волги и Меотическаго моря, доставляли Европейскимъ купцамъ великія удобства и выгоды. Скиѳы терпѣли Греческихъ поселенцевъ въ странѣ своей, во первыхъ потому, что могли сырыя свои произведенія мѣнять на нужнѣйшія для нихъ манифактурныя издѣлія, во вторыхъ потому, что научась отъ нихъ сѣять, могли отъ нихъ же заимствовать и другія первыя начала Гражданскаго образованія.

Таврическіе Греки, не имѣя силы противустоять утѣснявшимъ ихъ Скиѳамъ, отдались подъ покровительство Митридата, Понтійскаго Царя. Митридатъ, съ помощію Сарматовъ, жившихъ по восточ-

---

[a] Алопекія долженъ быть тотъ островъ, который образуется Мертвымъ Донцемъ, повыше Недвиговки, гдѣ былъ Лютикъ; онъ называется нынѣ Лисьимъ островомъ.

ную сторону Дона, изгналъ Скиѳовъ изъ Тавриды и основалъ тамъ Босфорское царство. Танаисъ, покоренный (за 115 лѣтъ до Р. Х.) Митридатомъ, съ сего времени зависѣлъ отъ Босфорскаго Царства. Наконецъ Сарматы вступили въ Скиѳію, и, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, истребили ея жителей, или присоединили къ своему народу, такъ, что особенное бытіе Скиѳовъ, за нѣсколько лѣтъ до Рождества Христова, исчезло изъ Исторіи; осталось одно только славное ихъ имя.

Сарматы, въ началѣ Христіанскаго лѣтосчисленія, господствовали отъ Азовскаго моря на Западъ до береговъ Дуная, къ Югу до Кавказскихъ горъ, и состояли изъ двухъ главныхъ племенъ, Роксоданъ и Язиговъ. Первые утвердились въ окрестностяхъ Азовскаго [a] и Чернаго морей, слѣдственно жили на нынѣшней Донской землѣ. Сарматы.

Полемонъ, Понтійскій Царь, получивъ отъ Августа Цесаря Босфорское Царство, за 14 лѣтъ до Р. Х. взялъ Танаисъ, раззорилъ и вновь его построилъ. При Императорѣ Діоклитіанѣ Сарматы обладали Босфорскимъ Царствомъ въ прежнихъ его предѣлахъ; но Танаисъ, какъ свободный Греческій городъ, въ крѣпкихъ стѣнахъ своихъ производилъ богатую торговлю на прежнемъ основаніи. Сарматы, также какъ и Скиѳы, не хотѣли

(a) Земли вдоль Меотическаго моря, до устья Дона и далѣе на Востокъ, назывались *Евлизіею*.

покоренiемъ Танаиса лишиться выгодной для нихъ торговли, которую сами вести не умѣли.

Алане. Алане, происходящiе отъ древнихъ Массагетовъ, жили между Каспiйскимъ и Чернымъ морями. Сей кочующiй народъ скитался по степямъ Азiи, даже до Индiи Сѣверной, грабилъ Арменiю, Мидiю и Кавказскiй край; отважно искалъ смерти въ битвахъ и славился отмѣнною храбростiю. Алане были и врагами и союзниками Римлянъ; и наконецъ, вытѣснивъ Сарматовъ изъ юго-восточной Россiи, слѣдственно и изъ земель Донскаго войска, отчасти заняли и Тавриду.

Гунны. 377 г. Гунны, народъ кочующiй, свирѣпый и безобразный, отъ полунощныхъ областей Китая, и отъ береговъ Восточнаго океана, прошли чрезъ неизмѣримыя степи Азiи и, достигнувъ юго-восточной Россiи, около 377 года истребили Аланъ на Дону. Донская земля представляла тогда пустыню, гдѣ скитались одни бѣдные остатки прежнихъ ея обитателей. Аттила, грозный Царь Гунновъ, гордившiйся названiемъ *Бича Божiя*, предшествуемый ужасомъ, покорилъ всѣ страны между Волгою и Рейномъ, и отъ Македонiи до острововъ Балтiйскаго моря. На семъ пространствѣ погубилъ онъ цѣлыя племена людей, разрушилъ города и селенiя; и присоединя къ себѣ остатки побѣжденныхъ народовъ, съ многочисленнымъ войскомъ перешелъ Рейнъ. Тамъ сразившись съ Франками и съ Римскими легiонами подъ Шалономъ, возвратился въ Италiю, гдѣ все предавъ огню и мечу,

пощадилъ только Римъ; и наконецъ въ 454 году, въ Аквилеѣ, на берегу Адріатическаго моря, какъ грозное привидѣніе, исчезъ. Съ жизнію сего варвара, но великаго человѣка, кончилось владычество Гунновъ. Народы, порабощенные Аттилою, какъ случается послѣ всѣхъ завоевателей, свергнули съ себя иго несогласныхъ сыновей его. Гунны сначала отошли въ Венгрію, наконецъ между Днѣстромъ и Дунаемъ остановились; другія орды Гунновъ возвратились за Волгу, иныя же между Дономъ и Кавказскими горами утвердились. Отъ Заволжской орды Гунновъ произошли Киргизы, отъ Задонской Калмыки(1). Славяне, составлявшіе храбрѣйшіе полки *Бича Божія*, поселились въ Славоніи, Кроаціи, Далмаціи и Крайнѣ, и тамъ, подъ именемъ Иллирійскихъ Славянъ, не смотря на смѣшеніе съ Сарматами и Готѳами, не смотря на всѣ превратности судьбы своей, и до нынѣ сохранили языкъ, обычаи и храбрость нашихъ предковъ. Немногіе, и то уступая насилію, измѣнили своему закону и приняли Католическую вѣру.

Гунны, при нашествіи своемъ, какъ должно думать, раззорили Танаисъ; ибо Константинопольскіе Императоры, владѣвшіе и при Гуннахъ, почти всѣми Греческими городами въ Крыму, о возстановленіи и защитѣ Танаиса, по отдаленности его, уже не помышляли; а посему и Византійскіе Историки о немъ чрезъ долгое время не упоминаютъ.

Угры и Болгары, оставивъ древнія свои жилища близъ Волги и горъ Уральскихъ, гдѣ нынѣ — Угры и Болгаре. 474 г.

обитаютъ Башкирцы, завладѣли берегами Азовскаго и Чернаго морей и Тавридою, и съ 474 года, по Р. Х., начали опустошать западные берега Чернаго моря, даже до предмѣстій Константинопольскихъ. Царь Угорскій и Болгарскій, Органасъ, въ началѣ VII вѣка, принялъ Христіанскую вѣру, а племянникъ его, Кувратъ, другъ и союзникъ Римлянъ, въ 635 году, свергнулъ съ себя иго Аваровъ. Сыновья Кувратовы раздѣлили области между собою, изъ коихъ старшему, Ватваю, достались земли, на правомъ берегу Дона лежащія.

Авары. 568 г.

Въ сіи времена, весь извѣстный тогда міръ былъ театромъ чудеснаго волненія народовъ, которые, выходя изъ Азіи, подобно волнамъ моря разливались по Европѣ и, тамъ одинъ за другимъ погибали. Такъ на короткое время, явились Турки и Огоры, проникшіе до Чернаго моря, и уступили мѣсто Аварамъ, которые въ 568 году владычествовали между Волгою и Эльбою. Хотя Ханъ Аварскій, свирѣпый Баянъ, завоевалъ Моравію, Богемію, побѣдилъ Сигисберта, Короля Франковъ, и возвратившись къ Дунаю, овладѣлъ Далмаціею, Венгріею и частію Дакіи; но и сіи столь могущественные Авары, подобно Гуннамъ разсѣялись, и утратили въ лѣтописяхъ даже имя свое.

Козары. Отъ VII до X вѣка.

За Аварами, скоро явились другіе завоеватели. Козары, единоплеменные съ Турками, жившіе на западномъ берегу моря Каспійскаго, и участвовавшіе въ нашествіи Гунновъ на Европу, въ VII

вѣкѣ являются въ Исторіи съ великимъ блескомъ. Они покорили Фанагорію, Босфоръ и большую часть Тавриды, и всѣ земли, отъ устья Волги до Азовскаго и Чернаго морей, назвали *Козаріею.* Каганы ихъ помогали Греческимъ Императорамъ противу Персіянъ, свирѣпствовали въ Арменіи, Иверіи, Мидіи; вели кровопролитныя войны съ Аравитянами, и не разъ побѣждали знаменитыхъ ихъ Калифовъ. Наконецъ, отъ береговъ Днѣпра достигнувъ до Оки, и обложивъ Славянъ данію по бѣлкѣ съ дома, просили отъ Греческаго Императора Θеоθила, искусныхъ зодчихъ, которые около 834 года построили имъ противу Россіянъ, уже тогда храбростію прославившихся, крѣпость *Саркелъ* (2), коей развалины и донынѣ еще видны, противу Цымлянской станицы, на южномъ берегу Дона. Козары, имѣя уже нѣкоторое образованіе, въ 858 году приняли Христіанскую вѣру, которую проповѣдывалъ имъ Св. Кириллъ, присланный по желанію ихъ Греческимъ Императоромъ Михаиломъ III. Остатки разрушенныхъ временемъ церквей, около Кубани и въ Осетіи, должны принадлежать къ сему времени. Кромѣ Саркела, по 981 годъ существовали на Дону построенныя Козарами города *Рукомъ* и *Суборъ*, коихъ остатки должно искать между развалинами земляныхъ городищъ, еще примѣтныхъ по нагорной сторонѣ Дона и Донца.

Построеніе Саркела. 834 г.

Часть Россійской Монархіи, гдѣ текутъ рѣки Иртышъ, Тоболь, Уралъ и Волга, въ продолженіе

Печенеги. X и XI столѣтіе.

многихъ столѣтій ужасала Европу грознымъ явленіемъ народовъ, различныхъ языкомъ, но сходныхъ нравомъ, образомъ жизни и свирѣпостію. За Козарами явились новые враги, сильные числомъ, страшные дерзостію и грабительствомъ. Печенеги, единоплеменники Туркомановъ, вытѣсненные Узами изъ степей Саратовскихъ, перешли Донъ, выгнали Угровъ изъ Лебедина и Харьковской Губерніи; нѣсколько лѣтъ опустошали Бессарабію, Молдавію, Валахію; въ 896 году принудили Угровъ переселиться оттуда въ Венгрію, и въ началѣ X столѣтія, начали господствовать отъ рѣки Дона до Алуты. Владѣнія ихъ состояли изъ 8 областей, изъ коихъ 4 находились на восточной, а другія 4 на западной сторонѣ Днѣпра, въ Молдавіи, Трансильваніи, на Бугѣ и близъ Галиціи. Восточныя области находились между Россіянами и Козарами, изъ коихъ послѣднія, удержавшись въ Тавридѣ, владѣли на Дону Саркеломъ и Танаисомъ, снова являющимися въ Исторіи, вѣроятно потому, что города сіи, обнесенные каменными стѣнами, не были покорены Печенегами, которые искали сосѣдовъ не для покоренія ихъ, а для грабительства. Не зная земледѣлія, обитая въ кибиткахъ, они славились быстротою коней своихъ; вооруженные копьями и луками, мгновенно окружали они непріятеля, и мгновенно скрывались отъ глазъ его; бросались на лошадяхъ въ глубокія рѣки, и для переправы чрезъ оныя употребляли большія кожи.

Берега Оки, Дона и Волги, были свидѣтелями первыхъ воинскихъ подвиговъ героя Святослава, нашего крѣпкаго витязя, нашего Баярда. Печенеги, бодрые въ разбояхъ, трусливые въ битвахъ, какъ народъ кочевой, не могли остановить шествія Россійскаго Князя. Вятичи еще признавали себя данниками Козаръ: одною жестокою, рѣшительною битвою, въ которой самъ Каганъ лично предводительствовалъ своимъ войскомъ, Святославъ освободилъ Вятичей отъ постыднаго ига, и симъ власть Козаровъ надъ подданными Россіи навсегда уничтожилъ. Въ 965 году взялъ онъ на Дону принадлежавшую Козарамъ Бѣлую Вежу [a], искуствомъ Грековъ сильно укрѣпленную. Къ сожалѣнію, Несторъ не оставилъ намъ никакихъ подробностей о семъ славномъ походѣ, сказывая только, что Святославъ побѣдилъ еще Яссовъ и Касоговъ, изъ коихъ первые, смѣшавшись съ Аланами, и нынѣ, подъ именемъ Осетинцевъ, обитаютъ среди горъ Кавказскихъ. Касогами же, въ X вѣкѣ, по свидѣтельству Императора Константина Порфиророднаго, назывались Черкесы. Слѣдственно, Святославъ, покоривъ или выгнавъ Печенеговъ изъ Донской земли, завоевалъ тогда всѣ владѣнія Козарскія, на восточномъ берегу Азовскаго моря, въ томъ числѣ городъ Таматарху, нынѣшнюю Фанагорію; ибо сія часть древняго Царства Босфорскаго, по свидѣтельству Нестора, была Россіяне. 965—1094 г.

(a) Саркелъ, по окружавшимъ его мѣловымъ горамъ, назвали В. Князья Бѣлою Вежею, Бѣлымъ городомъ.

уже при Владимірѣ собственностію Россіи. Столь отдаленное завоеваніе, или лучше нашествіе, кажется удивительнымъ, но бурный духъ Святослава веселился опасностями и трудами. Нашъ Князь, рожденный героемъ, искалъ войны и побѣды, и любя славу, любилъ предаваться опаснѣйшимъ предпріятіямъ: такъ явился онъ предъ вратами Константинополя, такъ на берегахъ Дуная, будучи окруженъ войсками Императора Іоанна Цимисхія, заслужилъ безсмертіе, сказавъ при семъ случаѣ дружинѣ своей: „*Ляжемъ здѣ костьми, мертвіи бо срама не имуть;*" и съ десятью тысячами разбилъ сто тысячь Грековъ, нѣгою и пороками разслабленныхъ.

Владиміръ Святославовичъ, наше солнце, освѣтившее Россіянъ свѣтомъ Христіанской Вѣры, счастливыми своими предпріятіями и побѣдами, наконецъ унялъ дерзость Печенеговъ, снова явившихся на мѣстахъ (въ Екатеринославской и Херсонской Губерніяхъ), прежде ими занимаемыхъ; унялъ такъ, что до кончины Князя, Печенеги не смѣли грабить наши Украйны. Должно полагать, что Владиміръ, владѣя Саркеломъ, владѣлъ и Танаисомъ и другими укрѣпленными городами на Дону; ибо крѣпостями только можно было обезпечить свободное сообщеніе съ завоеванными Святославомъ странами, далеко къ Югу отъ Печенежскихъ владѣній находившихся. Завоеванія сіи, не только въ продолженіе царствованія Владиміра удержаны, но подъ именемъ Тмутараканскаго Княжества, отданы въ удѣлъ сыну его Мстиславу.

Политическая ошибка Владиміра, раздѣлившаго Россію на 12 удѣловъ, разрушила могущество Государства: самодержавіе Великихъ Князей, бывшее источникомъ силы, кончилось; начались междоусобія, смуты, раздоры, первымъ плодомъ коихъ было то, что около 1094 года Тмутараканское Княжество, которымъ Россійскіе Князья владѣли въ теченіе 129 лѣтъ, исчезло такъ какъ бы его и не было. Въ сіе же время (отъ 965 до 1094 г.) должно думать, что и большая часть земли Донской принадлежала Россіи.

Вмѣсто Печенеговъ явились новые варвары, дотолѣ неизвѣстные въ Исторіи міра. Половцы, (которые называли себя Кипчаками и коихъ Греки переимяновали Команами), единоплеменные съ Печенегами, и вѣроятно съ нынѣшними Киргизами, вели кочующую жизнь въ степяхъ Азійскихъ, близъ моря Каспійскаго. Не зная ни земледѣлія, ни искуствъ, они также какъ и предшественники ихъ, занимались однимъ грабежемъ и кровопролитіемъ. Постепенно вытѣснивъ Торковъ и Печенеговъ изъ Донскаго края, изъ Екатеринославской и Херсонской Губерніи, около 1050 года, заняли они Сѣверныя берега Азовскаго и Чернаго морей по Днѣстръ. Печенеги, выгнанные Половцами изъ своихъ земель въ 1036 году, явились подъ Кіевомъ уже въ послѣдній разъ: на голову разбитые Великимъ Княземъ Ярославомъ, навсегда удалились они за Днѣстръ; и тамъ, снова побѣжденные Греческимъ Императоромъ Константиномъ

Половцы. 1036–1224 г.

Мономахомъ, какъ плѣнные, поселены въ Молдавіи и Валахіи. Луцій утверждаетъ, что они прозваны потомъ Валахами.

Въ 1055 году, при первомъ нашествіи Половцевъ на Россійскіе предѣлы, Князь ихъ Болушъ заключилъ миръ съ Великимъ Княземъ Всеволодомъ. Миръ съ такими варварами могъ быть только опаснымъ перемиріемъ: болѣе дерзновенныя нежели Печенеги, они почти безпрерывно нападали на пограничныя наши области; часто поражаемые, не теряли однакожъ бодрости, и можно сказать, что въ теченіе 174 лѣтъ, жили одною добычею, пріобрѣтаемою въ Россіи. Къ несчастію, честолюбивые Удѣльные Князья, нападая на родныхъ братьевъ своихъ, нанимали Половцевъ и такимъ образомъ раззоряли собственное свое отечество. Я укажу здѣсь только на тѣ битвы, которыя произошли на Донской землѣ, и сего будетъ достаточно, чтобы бѣдствіями нашихъ предковъ растерзать сердце.

Танаисъ названъ Азовымъ. 1067 г.

Въ слѣдствіе трехъ жестокихъ пораженій Россійскихъ Князей (1061—1068—1093 г.) Половцы овладѣли всею Донскою землею. Рукомъ, Суборъ и другіе укрѣпленные города на Дону, принадлежавшіе Россіянамъ, пали, и въ 1067 году Половецкій Князь Азупъ покорилъ Танаисъ, который по имяни его названъ Азупомъ или *Азовомъ*. Великій Князь Владиміръ Мономахъ, по видимому, намѣревался возвратить потерянное; ибо въ 1093 году, въ первый разъ, разбилъ онъ Половцевъ на

собственной ихъ землѣ, и въ 1101 году Половцы претерпѣли ужасное пораженіе отъ соединенныхъ войскъ Россійскихъ Князей, на Дону, близъ мѣста, называемаго *Сутенъ.* 20 Хановъ, въ томъ числѣ и Азупъ, пали въ семъ сраженіи. Не смотря на сію неудачу, Половцы удержали за собою завоеванныя ими земли, ибо въ Танаисѣ, уже подъ именемъ Азова сдѣлавшагося извѣстнымъ, въ 1103 году торговали Генуезцы. Хитрыя сіи республиканцы, сначала признавали надъ собою власть Половцевъ; но потомъ, укрѣпивъ городъ каменными стѣнами и башнями, объявили себя независимыми.

Въ 1109 году Мономахъ снова явился на Дону, гдѣ раззоривъ Вежи Половецкія, безъ потери возвратился со множествомъ скота и невольниковъ. Наконецъ, дабы сокрушить всѣ главы гидры, Великій Князь, соединивъ силы Удѣльныхъ Князей, предпринялъ знаменитый походъ на Донъ. Въ 1111 году, на берегахъ Ворсклы Россійскія Князья торжественно дали клятву Великому Князю служить ему и умереть за отечество великодушно. 19 Марта Россіяне увидѣли Донъ, пощадили покорившійся имъ безъ сопротивленія городъ *Осеневъ* (онъ же Руканъ и Шаруканъ), другой, именемъ *Сугровъ*, осмѣлившійся защищаться, обратили въ пепелъ. Сіи города, основанные Козарами [a], которые строили лучше нашихъ предковъ, существовали до самаго нашествія Татаръ. При семъ

Походъ Мономаха на Донъ. 1111 г.

(a) Ист. Гос. Росс.

должно замѣтить, что Половцы, занявъ нѣкоторое образованіе отъ оставшихся на Дону Козаръ, въ сіе время начали привыкать къ жизни осѣдлой и нѣкоторые уже обитали въ домахъ; но городовъ, т. е. крѣпостей, они не строили. Сіи крѣпости, какъ по соображенію полагать можно, были только переименованы, по именамъ Половецкихъ Князей. 24 Марта послѣдовало первое сраженіе, кончившееся побѣдою и бѣгствомъ враговъ; но чрезъ два дня, на берегахъ Салы, Владиміръ былъ окруженъ многочисленнымъ ополченіемъ Половцевъ. Не смотря на превосходство числа, битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россіянъ въ искуствѣ воинскомъ. Мономахъ, сражался какъ герой; сломленный имъ непріятель, оставя поле сраженія, покрытое 10,000 убитыхъ, бѣжалъ стремглавъ. Сія столь рѣшительная побѣда осталась однакожъ безъ слѣдствія: Россійскіе Князья, довольные множествомъ плѣнныхъ, добычею и славою, уже не думали о возвращеніи завоеваній своихъ на берегахъ Азовскаго моря; ибо каждый изъ нихъ не имѣлъ довольно силы, чтобы удержаться въ столь отдаленной странѣ; а всѣ вмѣстѣ ни на что не могли согласиться. Несчастное отечество подобно было тогда изможденному тѣлу безъ души, ума и воли: такъ жестоко предки наши поплатились за утрату самодержавія.

Въ 1116 году, третій сынъ Мономаха, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона, и взялъ три города Половецкихъ: *Балинъ*, *Чешлюевъ* и *Сугровъ*

и плѣнилъ множество Яссовъ, тамъ обитавшихъ. Около сего же времени Великій Князь выгналъ изъ Россіи Торковъ и Берендѣевъ, коимъ, по изгнаніи ихъ съ Дона Половцами, позволено было кочевать въ окрестностяхъ Переяславля, но, любя грабежъ, они не могли жить тамъ спокойно. Однако же многіе изъ нихъ, оставя кочевую жизнь, поселились на Днѣпрѣ, и служили Россіи подъ общимъ именемъ *Черныхъ Клобуковъ*, называясь также и *Черкесами* и *Казаками* [a]. Лѣтопись сего времени упоминаетъ объ остаткахъ тѣхъ Козаровъ, которые, по изгнаніи своемъ съ Дона, удержались въ Саркелѣ. Сіи Бѣловежцы, спасаясь отъ свирѣпости Половцевъ, принуждены будучи оставить послѣднее свое убѣжище, основали новый городъ въ Верховьѣ рѣки Осетра и назвали его имянемъ прежняго. Развалины сей новой Бѣлой Вежи и донынѣ существуютъ въ 40 верстахъ отъ Батурина. Въ окрестности и на самыхъ развалинахъ города нынѣ построены шесть деревень, населенныхъ иностранными колонистами.

По смерти Мономаха, Половцы, пользуясь междоусобіями Князей, съ большею отвагою грабили и разоряли пограничныя селенія. Въ 1127 году Великій Князь Мстиславъ Владиміровичъ разбилъ Половцевъ на-голову и загналъ ихъ не только за Донъ, но и за Волгу; такъ, что они долго не осмѣливались безпокоить наши предѣлы. Въ 1162

Походъ Мстислава на Донъ. 1127 г.

(a) Ист. Гос. Росс.— Миллеръ о Казакахъ.— Ист. Малорос.

году, войска Великаго Князя Андрея Юрьевича снова побили Половцевъ на Дону; а Великій Князь Всеволодъ въ 1167 году разбилъ ихъ на Донцѣ. Въ 1181 году Удѣльныя Князья Южной Россіи, подъ предводительствомъ Святослава Кіевскаго, одержали надъ Половцами, на берегахъ Орели, двѣ знаменитыя побѣды. Они взяли 7000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 417 однихъ Князьковъ, и самаго Хана Кончака разбили близъ Хороля и отбили у него множества скота и другой добычи.

Пораженіе Игоря на Каялѣ. 1185 г. 5 Маія.

Въ 1185 году, Князья Сѣверскіе Игорь и Всеволодъ Святославичи, съ племянниками ихъ Святославомъ и Володиміромъ Ольговичами, не имѣвъ участія въ побѣдахъ Святослава Кіевскаго, и желая услужить отечеству подвигомъ важнѣйшимъ, по слѣдамъ Мономаха пустились къ Дону. Игорь съ своею дружиною, 13 Апрѣля выступилъ изъ Новгорода-Сѣверскаго и слѣдуя чрезъ Трубчевскъ, Путивль, гдѣ разстался съ своею супругою, чрезъ Суджу и Корочу по Изюмскому Шляху, 1 Маія прибылъ къ кургану на Донцѣ, гдѣ нынѣ городъ Изюмъ построенъ. Здѣсь, не устрашась случившагося солнечнаго затмѣнія, переправился на правый берегъ Донца и, пришедъ къ устью Оскола, ожидалъ тутъ брата Всеволода два дни. Всеволодъ шелъ изъ Курска, по лѣвому берегу Оскола чрезъ Валуйки, и въ четвертокъ, 2 Маія, переправившись черезъ Донецъ, соединился съ Игоревою дружиною. Соединенное воинство немедленно выступило къ рѣкѣ *Сальницѣ* (нынѣ Торецъ), гдѣ

передовые Русскіе посты встрѣтились съ непріятельскими, опрокинули и, погнали ихъ передъ собою. Игорь, желая напасть на непріятеля врасплохъ, дабы не дать ему время собраться съ силами, далъ повелѣніе удвоить шаги. Слѣдуя чрезъ всю ночь, на утро въ пятокъ, въ обѣденное время, Россіяне нагнали Половецкіе полки на оной сторонѣ рѣки *Сюурлія* (нынѣ Торъ), немедленно напали на нихъ, разбили, и прогнавъ, нѣсколько времени перестрѣливались черезъ рѣку и, наконецъ, перешедъ ее, овладѣли ихъ вежами съ богатою добычею, такъ что по выраженію *вѣщаго Баяна*, бархатами, златыми паволоками и всякими нарядами Половецкими, можно было мосты мостить. Игорь, замѣтивъ, что Половцы уже успѣли собрать значительныя силы, предложилъ братьямъ и воеводамъ своимъ, въ ночь отступить назадъ; но Князья хотѣли отдыха, говоря, что кони и всадники ихъ устали. Игорь сказалъ, что онъ не боится смерти, — и согласился ночевать. Въ субботу, на разсвѣтѣ, разбитые Половцы, соединившись съ новыми толпами, изъ глубины степей къ мѣсту битвы притекшими, отрѣзали Россіянъ отъ Донца и принудили ихъ отступить чрезъ безводную степь къ сторонѣ Азовскаго моря. Игорь, въ осторожность, дабы конница пробившись не оставила пѣхоту (черныхъ людей), одну на мѣстѣ сѣчи, приказалъ всадникамъ, сошедъ съ коней, биться пѣшими, сказавъ притомъ: *„умремъ, или живы будемъ; но все вмѣстѣ!* Весь день и слѣдующую ночь, томяся жаждою, Россіяне шли сража-

ясь, и прибывъ къ *быстрому Каялу* (нынѣ Калміусъ), (3) остановились, были окружены и стѣснены чрезмѣру превосходными силами. На разсвѣтѣ воскреснаго дня, (5 Маія), Половцы напали со всѣхъ сторонъ, и началась битва на-смерть. Русскіе, не смотря на истому и малочисленность свою, сомкнувъ ряды, бились мужественно, отчаянно. Поле покрылось трупами, и какъ говоритъ лѣтописецъ, рѣка крови напоила изсохшую землю. Всѣ предводители сражались въ рядахъ своей пѣхоты пѣшія, одинъ Игорь, раненый въ лѣвую руку, разъѣзжалъ на конѣ. Русскіе полки стояли твердо и шагу не уступали врагу; Ковуи же, единоплеменныя съ Черными Клобуками, издавна поселившіеся въ Черниговскомъ Княжествѣ, дрогнули, побѣжали; — но Игорь снялъ съ себя шлемъ, показалъ имъ свое лицо, остановилъ, и снова устроивъ, приковалъ ихъ къ землѣ, которая вскорѣ сдѣлалась ихъ могилою. Мужественный Князь, раненный и утомленный, бросившись въ сѣчу, на одинъ перестрѣлъ отъ своего полка, взятъ былъ въ плѣнъ нѣкіимъ Чулбукомъ Тарголовымъ. Въ полдень пали знамена Игоревы; Всеволодъ, изломавъ копье и мечь, оставшись безъ оружія, не хотѣлъ сдаться, и вскорѣ погибъ. Погибли всѣ: ибо не болѣе 15 воиновъ Русскихъ и менѣе Ковуевъ спаслись; всѣ прочія легли на мѣстѣ, или съ Князьями отведены въ неволю. Возстеналъ, говоритъ Баянъ, Кіевъ отъ печали, а Черниговъ отъ напасти; убійственная тоска рѣкою протекла посреди земли Русской. Игорь при дѣлежѣ до-

стался Кончаку: благосклонно содержимый въ плѣну въ Вежахъ, на правомъ берегу Донца расположенныхъ, Русской Князь, наскучивъ неволею, вскорѣ съ помощію одного Половчанина Лавера, переправясь на лѣвый берегъ Донца, бѣжалъ и чрезъ 11 дней прибылъ счастливо въ первый пограничный городокъ Донецъ. Достопамятное сіе несчастіе сохранено въ древнѣйшей на Русскомъ языкѣ поэмѣ, подъ заглавіемъ: *Слово о полку Игореве.*

Походъ Всеволода на Донъ. 1198 г.

Въ 1198 году Великій Князь Всеволодъ Георгіевичь, желая утвердить безопасность границъ своихъ, которыя отъ нынѣшней Слободско-Украинской до Саратовской Губерніи, особенно Рязанскія области, подвергались хищенію Половцовъ, съ сильнымъ ополченіемъ выступилъ, и до того устрашилъ варваровъ, что покоривъ Донскую землю и разоривъ всѣ ихъ Вежи, принудилъ бѣжать отъ береговъ Дона къ Азовскому морю, гдѣ и скрылись они отъ преслѣдованія во глубинѣ степей. И сей, не менѣе другихъ знаменитый походъ, остался безполезнымъ для общаго блага: Россія, раздѣленная на малые участки, уже не могла думать о завоеваніяхъ и пріобрѣтеніяхъ; Князья могли только мстить врагамъ и довольствоваться одною добычею и охраненіемъ границъ своихъ.

Татара. 1224—1506 г.

Наконецъ перехожденіе народовъ изъ Азіи въ Европу заключилось нашествіемъ Татаръ, къ несчастію въ такое время, когда Россія, ослаблен-

нная междоусобіями и терзаемая раздорами, не могла имъ противиться. Въ нынѣшней Монголіи, въ степяхъ, скитались дикія орды Моголовъ, и въ одной изъ сихъ ордъ таился 13 лѣтній отрокъ, который долженъ былъ удивить міръ геройствомъ и счастіемъ своимъ. Тимучинъ получилъ въ наслѣдіе только 40,000 подданныхъ, зависѣвшихъ отъ Татаръ Ніучей; но какой-то пророкъ возвѣстилъ, что Богъ отдалъ ему всю землю и наименовалъ его *Чингисханомъ*, или Великимъ Ханомъ; и Тимучинъ, чрезъ 25 лѣтъ, покорилъ почти всю Азію, кромѣ Аравіи и Анатоліи, и всю Европейскую Россію, кромѣ Литвы и части великой Польши, такъ что, (какъ онъ увѣрялъ другихъ) Богомъ данная ему земля ограничилась пространствомъ отъ устья Амура до Дуная, и отъ Ледовитаго до Южнаго океана включительно. Два его полководца, Судай и Чена, покоривши Кавказскіе народы (1223 г.), разбили Русскихъ Князей (1224 г.) на Калкѣ, и достигнувъ Днѣпра, на возвратномъ пути покорили Крымъ, утвердили за собою всѣ Половецкія владѣнія, въ томъ числѣ и Донскую землю.

Батый въ Россіи. 1237 г.

Въ 1237 году Татары, въ числѣ 600,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Хана Батыя, внука Чингисъ-хана, вновь явились на берегахъ Яика, потомъ перешли къ Волгѣ, и оттуда вошли въ Россію съ южныхъ предѣловъ Рязанской области. Грозный Батый сжегъ Москву, взялъ приступомъ Рязань и Владиміръ, и разбилъ на го-

лову В. Князя Георгія Владиміровича на Сити (4 мар. 1238 г.), взялъ Волоколамскъ, Тверь, Торжокъ, и не дошедъ ста верстъ до Новагорода, испуганный природою, лѣсами и болотами, обратился къ Козельску, который, одинъ изъ городовъ Россійскихъ защищался семь недѣль. Такимъ образомъ, проникнувъ въ сердцѣ Россіи, разрушивъ, погубивъ огнемъ и мечемъ, все что встрѣтилось ему на пути, отошелъ къ Дону въ землю Пловецкую.

Котянъ, знаменитый Половецкій Ханъ, разбитый въ степяхъ Астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ Король принялъ его въ подданство, и 40,000[мъ] пришедшимъ съ нимъ воинамъ, далъ земли для населенія. Батый, опустошивъ окрестности Волги и Дона, вторично устремился на Россію, завоевалъ Мордовскую землю, Муромъ, Гороховецъ, разгромилъ южные предѣлы нашего отечества; взялъ Переяславъ, сожегъ Черниговъ и обратилъ Кіевъ въ кучу развалинъ. Потомъ пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую на Волыни, обративъ и сіи области въ пустыню, вступилъ въ Венгрію. Батый, покоривъ Венгрію, Кроацію, Сербію, Булгарію, Молдавію и Валахію и приведши въ ужасъ Европу, благоразумно возвратился къ берегамъ Волги и основалъ тамъ новое царство, извѣстное подъ именемъ *Кипчака*, которое Русскіе называли Золотою Ордою.

Изгнаніе Половцевъ. 1240 г.

Причину столь быстрыхъ успѣховъ приписать должно великому превосходству силъ, которыя до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, были вѣр-

нѣйшимъ ручательствомъ за побѣду. Многія другія причины еще болѣе благопріятствовали Татарамъ. Войско ихъ, везя за собою все свое имущество, женъ и дѣтей, находило пищу повсюду, гдѣ могли пастись ихъ стада; одна добыча служила наградою храбрости, и потому, будучи подвижны, ведя жизнь кочевую, любили они войну, какъ единственное средство, которое могло доставить содержаніе ихъ семействамъ, могло обогатить ихъ; ибо все принадлежащее непріятелю почиталось собственностію воина. При томъ, по мѣрѣ распространенія завоеваній, войско ихъ умножалось присоединеніемъ къ нему побѣжденныхъ. Въ Европѣ не было тогда войскъ постоянныхъ, всегда готовыхъ на службу, не было ни одного Государства, которое могло бы воспротивиться силѣ сихъ новыхъ завоевателей. Россія менѣе другихъ была къ тому способна, а потому, подобно обреченной жертвѣ почти безъ сопротивленія пала. Въ сіи времена варварства, сообщенія были затруднительны; Государи рѣдко между собою пересылались; нападали другъ на друга безъ объявленія войны; а потому не прежде узнавали о появленіи непріятеля, какъ уже онъ находился предъ вратами столицы. Европа спаслась только тѣмъ, что у Татаръ скоро начались внутренніе безпорядки и смуты.

Уже въ 1262 году Ногай, одинъ изъ воеводъ Татарскихъ, отложился отъ Хана Волжской орды и сдѣлался владѣтелемъ независимымъ. Отъ сего

Ногая, произошли Ногайскіе Татары, и донынѣ между Дономъ и Кубанью живущіе.

Танаисъ подъ властію Генуезцевъ.

Татара, имѣя нѣкоторое просвѣщеніе, болѣе другихъ варваровъ покровительствовали торговлю, и потому всѣ торговые города, въ Тавридѣ и на берегахъ Чернаго моря построенные, въ томъ числѣ и Азовъ, при общемъ разореніи остались не прикосновенными. Генуезцы, поселившіеся въ Азовѣ въ началѣ XIII вѣка, назвали его прежнимъ именемъ *Тана*, а Азовское море Mare di Tana. Слѣдуя своей политикѣ, при нашествіи Татаръ, признавали ихъ своими повелителями; но во время возникшаго между ними междоусобія, отказались отъ зависимости и часто Ханамъ противились. Стеклянныя, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, полотна, бумажныя и шелковыя матеріи и сукна, промѣнивали они на хлѣбъ, соль, воскъ, кожи, рыбу и икру.

Положеніе Донскаго края въ 1389 г.

Изъ путешествія Митрополита Пимена изъ Москвы въ Царьградъ, въ 1389 году, девять лѣтъ спустя послѣ славной Куликовской битвы, видно, что Донской край представлялъ тогда пустыни голыя, необозримыя, гдѣ не было ни людей, ни селеній. Звѣри безъ страха приближались къ путешественникамъ, и смотрѣли на нихъ съ изумленіемъ какъ на явленіе рѣдкое; птицы также безъ робости и во множествѣ парили надъ головами ихъ. Развалины городовъ знаменитыхъ, едва уже были примѣтны. Приплывъ къ устью Тихой Сосны, путешественники увидѣли на берегахъ ея рядъ бѣлыхъ каменныхъ столповъ; далѣе, ниже

устья Медвѣдицы, близъ нынѣшней Качалинской станицы, представились имъ развалины другаго неизвѣстнаго города. Отсюда по обѣимъ берегамъ Дона кочевали Татара Сарыкозина, Вулатова и Акбугина Улусовъ. Въ Азовѣ властвовали Генуезцы, которые служили посредниками между Россіею и Италіею; отъ нихъ Московскіе купцы получали тогда самыя драгоцѣнныя ткани, баркаты и парчи Венеціанскихъ фабрикъ.

Тамерланъ. 1393 г. Въ 1393 году, на сценѣ міра явился новый завоеватель, Тимуръ или Темиръ-Аксакъ, названный Европейцами Тамерланомъ. Сей необыкновенный человѣкъ, бывъ сыномъ одного ничтожнаго бѣднаго Князька Чагатайскихъ Моголовъ, не имѣя ничего, кромѣ тощаго коня и верблюда, вздумалъ подобно Тимучину покорить вселенную. Первымъ подвигомъ Темира было возвращеніе независимости Чагатайской державѣ, за что на 35 году отъ рожденія былъ провозглашенъ народомъ Монархомъ Чагатайскимъ и Сагебъ-Керемомъ, то есть, Владыкою міра. Овладѣвъ остальными берегами моря Каспійскаго, покорилъ онъ Персію, гдѣ раздробленно господствовали многіе Князья Чингисова рода. За симъ покорилъ онъ Индію и отъ береговъ Гангеса устремился къ Средиземному морю; тамъ, овладѣвъ Сиріею и Египтомъ, взялъ въ плѣнъ Турецкаго Султана Баязета (1402 г.) и посмѣявшись надъ безобразіемъ [a] знаменитаго своего плѣнника, представ-

[a] Тамерланъ, взглянувъ на тучнаго и криваго Баязета, разсмѣявшись сказалъ: „Дивлюсь, что Богъ, отдалъ свою землю такому кривому какъ ты, и такому хромому какъ я."

леннаго предъ него въ цѣпяхъ, отпустилъ, наложивъ на него и на Греческаго Императора дань. Оскорбленный неблагодарностію Тохтамыша, подвластнаго ему Хана Волжской орды, Тимуръ изъ Самарканда, столицы своей, прошелъ чрезъ Киргизскую степь къ Тоболю, и оттуда, достигнувъ Волги, на Астраханскихъ степяхъ разбилъ Тохтамыша, и тѣмъ же путемъ чрезъ 11 мѣсяцовъ возвратился въ Самаркандъ.

По удаленіи Тамерлана, Тохтамышъ снова началъ господствовать надъ ордою Канчацскою, и снова послалъ войско разорять Сѣверную Персію. Тимуръ прибылъ въ Дербентъ для наказанія гордаго Вассала. Въ 1395 году, между Терекомъ и Курою, близъ нынѣшняго Екатенинодара, потомки Чингисхана встрѣтились, сразились и послѣ ужаснаго кровопролитія, Аксакъ побѣдилъ и гналъ врага своего до Волги. Оттуда, чрезъ Саратовскія и Донскія степи, вступилъ въ Россію, взялъ Елецъ, и вдругъ, неизвѣстно почему, 26 Августа обратился на Югъ. Великое Тамерланово ополченіе, степями и по теченію Дона, прошло къ устью рѣки, и явилось предъ Азовымъ. Европейскіе купцы, тамъ торговавщіе, отправили къ нему Посольство съ дарами и ласками; Тамерланъ успокоилъ ихъ милостивымъ пріемомъ, и въ то же время внезапнымъ приступомъ взялъ Азовъ. Богатство и сокровища его исчезли. Ограбя лавки и домы, умертвя или забравъ въ плѣнъ жителей, которые не успѣли спастися на судахъ, Моголы городъ сожгли (1395 г.) и разметали до основанія. По

Разореніе Азова въ 1395 г

удаленіи страшнаго завоевателя, Генуезцы снова обстроились и подъ покровительствомъ Татаръ, утвердившихся въ Крыму и на Дону, хотя продолжали торговать въ Кафѣ и Танѣ; но власть и торговля ихъ въ семъ краю начала упадать вмѣстѣ съ возрастающимъ могуществомъ Турковъ на Черномъ морѣ. Тамерланъ завоевалъ землю, Черкесамъ и Яссамъ принадлежавшую, покорилъ самыя неприступныя крѣпости въ Грузіи, и увѣдомленный о непокорствѣ жителей Астраханскихъ, зимою взялъ сей укрѣпленный городъ, срылъ его до основанія, и сожегши Сарай, столицу Ханскую, наконецъ удалился къ границамъ своей Имперіи.

Междоусобія въ Ордѣ.

Три Хана спорили о господствѣ надъ Капчакскою ордою: Тохтамышъ, Койрачикъ и Тимуръ-Кутлукъ. Въ слѣдствіе междоусобной, кровопролитной войны между сими соперниками, Батыева Имперія раздѣлилась (1415 г.) на два царства, никогда болѣе несоединявшіяся. Тохтамышевымъ дѣтямъ досталась Волжская страна, иначе Золотою Ордою называемая; Ази-Гирею, Крымъ и Черноморскіе улусы. Донская земля досталась Золотой Ордѣ. Въ сіе время знаменитый Витовтъ, Литовскій Князь, помогая Тохтамышу, въ 1399 году въ окрестностяхъ Азова плѣнилъ цѣлый Татарскій улусъ, и поселилъ его близь Вильны, гдѣ потомство его живетъ и донынѣ.

Запорожскіе Казаки.

По покореніи Россіи Татарами, жители нашихъ южныхъ Губерній, желая избавиться отъ притѣ-

сненій, въ 1340 [a] году удалились къ низовьямъ Днѣпра, гдѣ, еще до нашествія Батыева, съ 1121 г. обитали Торки и Берендеи, подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ, издавна въ Россіи извѣстныхъ. Сіи Черные Клобуки называясь Черкесами, назывались и Казаками [4], то есть воинами, служащими на конѣ. Казакъ означалъ вмѣстѣ вольницу, наѣздника, удальца [5]. Малороссіяне, смѣшавшись съ остатками народовъ, подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ извѣстныхъ, подъ именемъ *Казаковъ*, составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно Русскимъ, тѣмъ легче, что предки ихъ, съ X вѣка обитая въ области Кіевской, уже сами были почти Рускими. Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, питая духъ независимости и братства, Казаки образовали Христіанскую Республику, и между низовьями Днѣпра и Днѣстра утвердившись, построили селенія и крѣпости; взялись быть защитниками Литовскихъ владѣній отъ Крымцевъ, Турковъ и снискали особенное покровительство Сигизмунда I (1507 г.), давшаго имъ многія гражданскія вольности вмѣстѣ съ землями выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ построенный ими городъ названъ ихъ именемъ *Черкасы*. Стефанъ Батори раздѣлилъ ихъ на полки (1576), далъ имъ главу или Гетмана (голова-человѣкъ по Нѣм.), который въ знакъ уваженія получилъ отъ Короля знамя, бунчукъ, булаву и печать.

---

[a] Миллеръ о происхожденіи Казаковъ. — Ежемѣсяч. Акад. изд. Томъ I. тр. 293.

До временъ Баторія имя Запорожцевъ еще не употреблялось, но когда Сигизмундъ III, по жалобамъ Турковъ, запретилъ имъ кормиться грабежемъ, лишилъ ихъ многихъ вольностей, данныхъ его предшественниками, и началъ принуждать къ Уніи, и къ принятію Католической вѣры; тогда для защиты вѣры и преимуществъ, и въ Малороссіи учредились казачьи полки, и сіи Казаки также стали называться *Черкесами*. Въ 1516 году [a], сіи Казаки въ первой разъ являются на сценѣ міра; подъ предводительствомъ нѣкоего Преслава Ланскоронскаго, они ходили противу Турковъ подъ Аккерманъ, т. е., Бѣлъ-городъ на Днѣстрѣ. Прежніе-же Казаки съ сего времени стали называться *Запорожскими*. Сѣча ихъ, или крѣпость, огражденная рубленнымъ частоколомъ, сдѣлалась жилищемъ холостыхъ Казаковъ, не имѣвшихъ никакого промысла, кромѣ войны и грабежа. По примѣру сихъ первоначальныхъ Запорожскихъ, а потомъ Украинскихъ Казаковъ, всегда вооруженныхъ и готовыхъ встрѣтить непріятеля, и въ Русскихъ пограничныхъ городахъ составилось подобное земское войско.

Ордынскіе Казаки. 1500—1550 г.

При началѣ междоусобія, когда по свидѣтельству Митрополита Пимена, Донской край въ верховыхъ своихъ частяхъ представлялъ пустыню безлюдную, являются на Дону *Казаки*, называвшіеся безразлично Азовскими и Ордынскими, по-

---

(a) Миллеръ, о Казакахъ; стр. 306.

тому, что жили въ низовыхъ мѣстахъ рѣки, около Азова и происходили отъ Татаръ, которыхъ Русскіе называли общимъ именемъ Ордынцевъ; казаками же Татара и другіе Азіатцы именовали вообще, легкое конное войско. Сіи Ордынскіе Казаки въ теченіе 150 лѣтъ славились разбоями, требовали дани съ Азова, воевали Нагаевъ, Астрахань, Тавриду и, скитаясь въ Донскихъ степяхъ, грабили проѣзжавшихъ изъ Москвы въ Астрахань, Азовъ и Кафу купцовъ, и внезапно, малыми партіями, нападали на наши пограничные города. Начальниками сего войска были нѣкто Агусъ и Адигъ, родомъ изъ Черкесовъ, Карабай изъ Татаръ, болѣе другихъ прославившихся разбоями, которые производили свои набѣги даже до Воронежа. Одинъ изъ предводителей Ордынскихъ или Азовскихъ казаковъ, по имяни Сарыазманъ, нападавшій и собиравшій дани съ Азова, уже назывался подданнымъ Великаго Князя Іоанна Васильевича III (1462-1505): такъ власть Татаръ надъ Россіею и надъ сими странами ослабѣла. Великій же Князь Василій Іоанновичъ (1505-1534 г.) нанималъ для службы своей сихъ Татарскихъ Казаковъ и употреблялъ ихъ для посылокъ въ Крымъ.

Кромѣ хищеній и разбоевъ, Исторія молчитъ о другихъ дѣяніяхъ Ордынскихъ казаковъ, по сему полагать можно, что число ихъ было весьма незначительно и неопасно для сосѣдей. Небольшое ихъ общество состояло изъ Черкесовъ, Татаръ, Калмыковъ и другихъ Мусульманскихъ народовъ,

поселившихся въ окрестностяхъ Азова и на дорогѣ въ Астрахань, именно для грабежа. Сіи Казаки, также какъ и Украинскіе, назывались *Черкасами* (a) вѣроятно потому, что между ими много было Черкесовъ. Татарскіе Ханы, озабоченные поддержаніемъ владычества своего, клонившагося къ упадку, по видимому, не думали о нихъ; напротивъ Русскій Царь, для обезпеченія своей торговли, позволялъ имъ называться своими подданными.

Опустошеніе Донскаго края. 1465 г.

Мудрый В. Князь Іоаннъ Васильевичь III, раздѣленіемъ Батыевой Имперіи и послѣдовавшими отъ того между Татарскихъ Хановъ междоусобными войнами, искусно воспользовался. Въ Крымскомъ Ханѣ Ази-Гиреѣ, Іоаннъ имѣлъ друга вѣрнаго и надежнаго и не боялся угрозъ Хана Золотой Орды. По сему-то въ 1465 году, когда Ахматъ, повелитель Волжскихъ Улусовъ, желая принудить Іоанна платить себѣ прежнюю дань, рѣшился прибѣгнуть къ оружію, то Ази-Гирей встрѣтилъ Ахмата на берегахъ Дона. Кровопролитная война между сими двумя Ханами кончилась совершеннымъ опустошеніемъ низовыхъ частей Донскаго края, кромѣ Азовскихъ окрестностей, гдѣ еще скитались бѣдные остатки Ордынскихъ казаковъ. Во свидѣтельство сего несчастнаго событія можно привесть два слѣдующія показанія: 1) Въ 1476 году Венеціанскій Посолъ, Контарини, про-

(a) См. Миллера о Казакахъ, стр. 314.

ѣзжая изъ Астрахани Донскими и Воронежскими степями, не видалъ ничего кромѣ неба и земли, часто имѣлъ недостатокъ въ водѣ, и на всемъ семъ пространствѣ не нашелъ ни одной хижины, ни дорогъ, ни мостовъ и до самой Москвы встрѣтилъ только два города: Рязань и Коломну. 2) Турецкій Султанъ, встревоженный могуществомъ Россіи и паденіемъ Могольскаго владычества, въ намѣреніи остановить быстрые успѣхи Іоанна и по возможности помочь природнымъ своимъ союзникамъ, сѣвернымъ Магометанскимъ народамъ, желалъ поближе познакомиться съ Іоанномъ, его политикою и получить другіе нужныя для него свѣдѣнія. Въ семъ предположеніи, долго медливъ, Султанъ рѣшился наконецъ, отправить къ Царю чрезвычайнаго своего Посла, Князя Мангупскаго. Въ 1514 году, сей первый Турецкій Посолъ, отправленный въ Москву, проѣзжая изъ Азова чрезъ Донскія и Воронежскія степи, терпѣлъ голодъ, и лишившись коней, шелъ до Ряжска пѣшкомъ.

Въ 1475 году, при Крымскомъ Ханѣ Менгли-Гиреѣ, Турецкій Визирь Ахметъ Паша прибывъ на флотѣ, взялъ Кафу и покорилъ весь Крымъ власти Султана Магомета II. Менгли-Гирей, сдѣлавшись данникомъ Султана, былъ вторично выгнанъ изъ Крыма, Ахметомъ, Ханомъ Золотой Орды; но Кафа осталась за Турками. Въ слѣдующемъ же 1476 году, Ахметъ Паша взялъ Тану, назвалъ ее по прежнему Азовомъ (*Адзакомъ*) и на стѣнахъ поднялъ Магометово знамя. Такимъ обра- Азовъ подъ властію Турковъ. 1476 г.

зомъ два могущественныхъ властителя Сѣвера и Юга встрѣтились на самыхъ своихъ границахъ; послѣдствія покажутъ чего стоило народамъ столь сильное столкновеніе двухъ тяжелыхъ массъ. При взятіи города Генуезцы не были ограблены, но отъ притѣсненія Пашей и Турецкой неурядицы, въ послѣдствіи принуждены были одинъ за другимъ возвратиться въ свое отечество. Съ сего времени Азовъ уже не возставалъ; могущество Генуезцевъ въ Италіи начало упадать, и потому они принуждены были отказаться отъ всѣхъ покушеній на торговлю и заведенія по Черному морю. Азовъ подъ Турецкимъ правленіемъ утратилъ и торговлю и богатство, и сдѣлался такимъ мѣстечкомъ, въ которомъ только масло, соленую рыбу и невольниковъ продавали. Крѣпостныя строенія однако же были сохранены; они состояли изъ каменной цитадели, снаружи обнесенной землянымъ валомъ. По удаленіи Генуезцовъ и другіе иностранные купцы рѣже стали пріѣзжать въ Азовъ, страшась притѣсненій и произвольныхъ взятокъ, которые и донынѣ корыстолюбивые Паши называютъ подарками. Притѣсненія сіи должны быть очень велики, потому что Державный В. Князь Іоаннъ Васильевичь III, въ 1491 году, жаловался Султану, что въ Азовѣ и Кафѣ Турецкіе Паши обижаютъ купцовъ нашихъ.

Въ 1480 году, Ханъ Золотой Орды Ахматъ, сдѣлалъ послѣднее нашествіе на Россію. Великій Князь Іоаннъ Васильевичь III, поставивъ Хана

Крымскаго, друга своего, противу Польскаго Короля, и пославъ особую рать подъ Казань, съ многочисленнымъ войскомъ на берегахъ Угры, встрѣтилъ Ахмата, но въ бой съ нимъ не вступилъ, велъ переговоры, медлилъ. Ахматъ, узнавъ о разореніи Казанскихъ Улусовъ, недождавшись помощи обѣщанной Польскимъ Королемъ, бѣжалъ. Шибанскій или Тюменскій Князь Ивакъ съ Ногайскими Мурзами и съ 16,000 Азовскихъ Казаковъ, желая отнять у Ахмата добычу, преслѣдовали его до береговъ малаго Донца; а близь Азова, гдѣ Ахматъ остановился зимовать, Казаки и Ногаи напали на него ночью, отняли всю его добычу и самаго Хана убили. Такимъ образомъ Азовскіе или Ордынскіе Казаки, кромѣ разбоевъ, ознаменовали существованіе свое важнѣйшею услугою Россіи; ибо смертію Ахмата, врага предпріимчиваго и еще сильнаго, зависимость Россіи отъ Татаръ навсегда кончилась.

Сыновья Ахматовы, нѣсколько времени скитались въ Донскихъ степяхъ; одинъ изъ нихъ, Муртоза, при наступленіи жестокой зимы (въ 1485 году) искалъ убѣжища отъ голода въ окрестностяхъ Тавриды. Ханъ Менгли-Гирей вооружился, плѣнилъ его, отослалъ въ Кафу, и раззорилъ еще Улусъ Золотой Орды, принадлежавшій Князю Темиру. Великій Князь, какъ истинный другъ Менгли-Гиреевъ, отрядилъ войско на улусы Ахматовыхъ сыновей и прислалъ къ Таврическому Хану многихъ Крымскихъ плѣнниковъ, выученныхъ Рос-

*

сіянами. Въ сіе время столица Батыева на берегахъ Ахтубы уже лежала въ развалинахъ; Донская земля представляла совершенную пустыню.

Въ 1487 году, въ Исторіи Государства Россійскаго опять упоминается о *Казакахъ* (?), которыхъ Царь Іоаннъ Васильевичъ, подъ предводительствомъ Нордоулата Татарскаго Царевича, посылалъ на Улусы Золотой Орды. И сихъ Казаковъ, если они не Касимовскіе, наудачу назову я Ордынскими.

Въ 1499 году Угу Черкасъ и Карабай, предводители Ордынскихъ Казаковъ, ограбили подъ Козельскомъ сельцо Олешню, но Перемышльскими и Одоевскими Князьями были разбиты и взяты въ плѣнъ.

Наконецъ, Азовскіе Казаки являются въ Исторіи въ 1500 году уже въ послѣдній разъ. Въ семъ году, сообщеніе между Крымомъ и Москвою было весьма не вѣрно, ибо Азовскіе казаки ограбили въ Воронежской степи Князя Кубенскаго, а Князя Ромадановскаго плѣнили. Далѣе объ Азовскихъ и такъ называемыхъ Ордынскихъ казакахъ нѣтъ въ Исторіи никакихъ извѣстій; они исчезли съ лица земли, какъ бы ихъ никогда и не бывало. Вѣроятно, при первомъ появленіи Донскихъ Казаковъ, въ верховыхъ или на среднихъ частяхъ Дона, Ордынскіе Казаки, будучи уже слабосильны, не могли у новыхъ пришлецовъ перебивать добычи, а потому разсѣялись, и сбродъ сей разошелся

по домамъ: Черкесы ушли за Кубань, Татара къ Ногаямъ или Калмыкамъ пріютились; болѣе же другихъ привыкшіе къ грабежу, къ праздной и разгульной жизни, поселились близъ Азова и, вступя въ соперничество съ Русскими Казаками, продолжали заниматься прежнимъ своимъ ремесломъ, находясь подъ покровительствомъ Султана.

Въ 1502 году, союзникъ Іоанна, Крымскій Ханъ Менгли-Гирей съ 25,000 стоялъ на Дону близъ устья Тихой Сосны подъ Дѣвичьими горами, противу Хана Золотой Орды, Шихъ-Ахмета, разбилъ и загналъ его въ Ногайскія степи, откуда онъ пробрался въ Литву, гдѣ и умеръ въ неволѣ. Такъ кончилось Царство основанное Батыемъ.

Въ 1534 году Ногайскіе Ханы жаловались В. Князю на разбои Мещерскихъ Казаковъ, поселенныхъ на границѣ Рязанской области, грозя нападеніемъ на Москву съ 300 тысячь конницы. Дѣйствительно въ семъ же году Крымскіе и Азовскіе Татара на берегахъ Прони были на голову побиты воеводами Гатевымъ и Княземъ Пунковымъ.

ИСТОРІЯ ДОНСКАГО ВОЙСКА.

НАЧАЛО И ПРОИСХОЖДЕНІЕ

ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

1520 — 1540.

Въ опустѣвшихъ улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодоносныхъ, гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ Европу, явилась новая Республика; или, сообщество людей, искавшихъ дикой вольности и добычи. Республика сія подобно Римской, составилась изъ вольницы разнаго званія людей, вышедшихъ на Донъ, изъ ближайшихъ къ южной границѣ Россійскихъ областей. Переселенію сему много способствовала свобода крестьянъ, ежегодно переходившихъ тогда въ Юрьевъ (осенній) день, отъ помѣщика къ помѣщику. Право сіе произвело въ Россіи многочисленный классъ бездомковъ, привыкшихъ къ кочевой жизни, и полюбившихъ лѣ-

ливую, буйную праздность, легко вовлекавшую простой народъ въ преступленія. Въ сношеніяхъ В. Князя Василія и Царя Іоанна IV съ Ханомъ Крымскимъ, между 1520 и 1540 годахъ, въ одной Царской грамотѣ сказано: „Нашихъ Казаковъ на Дону нѣтъ никого; а живутъ на Дону изъ нашего Государства бѣглыя люди.“ Въ другой: „А которые на Дону живутъ, давно бѣгая изъ Нашего Государства,“ и пр. Слѣдственно, начало существованія Донскихъ Казаковъ должно полагать между сими годами.

Въ 1559 году, Донскіе Казаки, уже именуясь подданными Іоанна IV, имѣли нѣсколько селеній, построенныхъ ими на развалинахъ старыхъ городищъ, или близь оныхъ. Не извѣстно, гдѣ первые удальцы поселились; но въ послѣдствіи, когда число ихъ увеличилось новыми выходцами, и они отъ среднихъ частей Дона спустились ниже по рѣкѣ, то первое селеніе или городокъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ, названъ ими *Раздоры* (a). Городки сіи, не составляли однакожъ постоянныхъ жилищъ; ибо первые поселенцы земледѣлія не знали, хозяйствомъ не занимались, и переходя съ мѣста на мѣсто жили одною добычею; при нашествіи непріятелей удалялись во глубину степей,

(a) Нынѣ Раздоринская станица, во 128 верстахъ отъ Азова и въ 70 верст. отъ Ст. Черкаска находящаяся. Положеніе сей станицы на острову, образовавшемся сліяніемъ Донца съ Дономъ, по правую сторону обѣихъ сихъ рѣкъ, при подошвѣ крутой горы, представляло для первыхъ поселенцовъ мѣсто, весьма удобное для обороны.

и строили землянки тамъ, куда обстоятельства ихъ приводили. Городки свои строили они въ крѣпкихъ мѣстахъ, въ лѣсу, позади болотъ, въ камышахъ; укрѣпленія же ихъ состояли изъ плетня, или частокола, извнѣ неглубокимъ рвомъ огражденнаго. Своевольная жизнь и привольныя мѣста служили приманкою всѣмъ удальцамъ, какихъ въ Россіи было тогда много. Необходимость вести безпрерывную войну, съ воинственными своими сосѣдами, вскорѣ содѣлала ихъ первыми между знаменитыми наѣздниками того времени; а какъ добыча состояла наиболѣе въ скотѣ, то скотоводство было ихъ первымъ занятіемъ и доставляло имъ безбѣдное содержаніе. Стада ихъ пасли плѣнники, за которыми надзирали жены и старики; а всѣ прочіе ходили за добычею къ сосѣдамъ и упражнялись въ звѣроловствѣ и рыбной ловлѣ.

По мѣрѣ умноженія народонаселенія, постепенно распространяясь и внизъ и вверхъ по теченію Дона, Казаки вскорѣ почти всею рѣкою до самаго ея устья завладѣли; утѣснили Азовъ, воевали Ногаевъ, Калмыковъ, Крымскихъ Татаръ и Черкесовъ и особенно не щадили Турокъ. Такимъ образомъ, водрузивъ знаменіе креста на предѣлахъ Оттоманской Имперіи, составили они передовую стражу своего древняго отечества, и поставили грань Россійской державы въ виду у Султана, который, предвидя грозу, только въ сіе время началъ помышлять о безопасности сѣверныхъ Магометанскихъ владѣній. Казаки, при пер-

вомъ появленіи своемъ на сценѣ міра, заслужили добрую и худую славу, возникли изъ ничтожества, и вскорѣ сдѣлались врагамъ вѣры опасными, а для политики Царей нужными. Не смотря на своевольства ихъ, они были терпимы и употребляемы, какъ горькое лекарство, какъ противуядіе, иногда полезное, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимое.

Имя Казаковъ, происходитъ отъ *Касоговъ*, народа, обитавшаго, по нашимъ лѣтописямъ, между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Страну сію Императоръ Константинъ Багрянородный называетъ *Казахіею*; Оссетинцы же и нынѣ именуютъ Черкесовъ *Косахами*. Слово *Казакъ*, между всѣми пограничными съ Россіею Азійскими племенами, означаетъ вольнаго человѣка и легко-вооруженнаго воина, служащаго на конѣ. Такъ Половцы во время междоусобій, нанимаемые Россійскими Князьями, назывались *Казаками* [a]; такъ и нынѣ Киргизы называютъ себя *Кайсаками*, а Татарское племя въ 50 верстахъ отъ Тифлиса за Саганлугскимъ хребтомъ обитающее, именуетъ себя *Казахами*. Казаки вообще служили изъ платы: посему-то всѣ наемные люди и теперь въ Малороссіи называются *Казаками*. Во время Татарскаго владычества, Баскаки ихъ содержали при себѣ на жалованьи по нѣскольку сотъ конныхъ Татаръ, кои также назывались *Казаками*. Съ ихъ образца,

---

(a) См. Истор. Словарь Всеволодскаго стр. 117 и слѣд.

во многихъ Россійскихъ пограничныхъ городахъ завели Казаковъ, которые, употреблялись сначала для посылокъ, въ послѣдствіи составили первое постоянное и всегда готовое на службу войско. Въ области Рязанской наиболѣе подверженной нападенію Ордынскихъ хищниковъ, находимъ первыхъ въ Россіи казаковъ (1444 г.); когда же по уничтоженіи удѣловъ Самодержавные Цари начали заводить постоянныя войска, то подъ именемъ Стрѣлецкихъ, Пушкарскихъ, были также и Казачьи, которые при пограничныхъ городахъ поселялись особыми слободами, и донынѣ существующія, и по имени войскъ, какія тамъ жили, называющіяся. Донскіе выходцы назвалися Казаками, конечно по той причинѣ, что званіе сіе уже было имъ извѣстно въ Россіи, и потому еще, что всѣ служившіе въ конномъ Царскомъ войскѣ назывались уже Казаками.

Донцы, преданные вѣрѣ и обычаямъ предковъ своихъ, принимали въ сообщество свое иностранцевъ Христіанскаго закона, и не иначе, какъ крестившихся вновь по Греческому обряду. Сосѣдственные съ Донцами народы Магометанскаго исповѣданія, еще болѣе ихъ были тверды въ своей религіи, такъ что и по нынѣ въ обычаяхъ и обрядахъ вѣры Татаръ и Калмыковъ, со временъ Петра Великаго, приписанныхъ къ Донскому войску, не замѣтно и малѣйшаго измѣненія; посему при первой встрѣчѣ Магометанъ съ Русскими перемѣны Религій и предполагать не возможно. Въ на-

чалѣ XVI столѣтія перекрещенцовъ изъ Магометанъ конечно не было; ибо и въ наше время случаи сіи весьма рѣдки. Лѣтописцы, при владѣній Царей Іоанна IV и Θеодора, ясно описавшіе объ обращеній въ Христіанскій законъ Пятигорскихъ Черкесовъ и Грузинцовъ [a], вѣроятно не умолчали бы о крещеніи значительнаго числа Татаръ Донскихъ; посему утвердительно сказать можно, что при началѣ поселенія Русскихъ на Дону, они не приняли Татарскихъ перекрещенцовъ въ свое сообщество. Къ тому, послѣдователи Магомета, не имѣли нужды искать сообщества Христіанскихъ Казаковъ, когда свободно могли заниматься Казачьимъ ремесломъ, приписавшись къ ордѣ Азовскихъ Казаковъ. Въ подтвержденіе сего можно привесть, что между Казаками и до нынѣ нѣтъ ни одного рода достовѣрно происходящаго отъ Магометанскаго перекрещенца; напротивъ, нѣсколько фамилій Греческихъ, Польскихъ и Нѣмецкихъ есть и нынѣ между Казаками, но въ столь маломъ числѣ, что все Донское войско должно почитать прямо Русскими выходцами, не смѣшавшимися, ни съ первобытными жителями Дона, и ни съ какими иноплеменцами. Несомнѣннымъ доказательствомъ происхожденія Казаковъ отъ Русскихъ служитъ то, что въ числѣ ихъ Атамановъ, Старшинъ и рядовыхъ Казаковъ, отъ первой грамоты до послѣдней, и во всѣхъ періодахъ исторіи ихъ до насто-

---

(a) Миллеръ о Казакахъ, стр. 315.

ящаго времени, не встрѣчается ни одного, носившаго чужеземное имя. Всѣ безъ исключенія называются именами, изъ Греческаго календаря взятыми; а прозвищами зовутся по именамъ отцовъ, какъ то водится у насъ между простымъ народомъ.

Къ подтвержденію мнѣнія Г. Попова, Полеваго и немногихъ другихъ, смѣло производящихъ своихъ Донскихъ Казаковъ отъ Амазонокъ и Сармато-Скиѳовъ и прочихъ первобытныхъ обитателей Дона; равно и къ подтвержденію намековъ другихъ писателей, которые Азовскихъ Казаковъ съ ихъ Агусами, Сарыазманами и другими Магометанскими вождями, принимаютъ или смѣшиваютъ съ нашими Донцами, я не нашелъ въ Исторіи ни одного достовѣрнаго довода. Изъ предъидущихъ произшествій читатели уже видѣли, что Азовскіе, или такъ называемые Ордынскіе Казаки, состояли изъ смѣси Магометанскихъ народовъ въ сосѣдствѣ Дона жившихъ; и хотя они назывались подданными Іоанна и служили ему, но Русскими не были. О разбояхъ Ордынскихъ Казаковъ, въ послѣдній разъ упоминается въ 1500 году, а на ихъ мѣсто, въ запустѣлой, безлюдной степи, гдѣ хищники сіи для грабежа скитались около 150 лѣтъ, спустя полвѣка, являются въ Исторіи новые Казаки, подъ названіемъ Донскихъ. Сіи, будучи Русскими и потому подданными Іоанна, имѣли нашу вѣру, нашъ языкъ, нашъ обликъ и наши обычаи. Изъ нихъ Низовые Казаки, долго оби-

тая на крайней чертѣ Россійской границы, въ обликѣ своемъ представляютъ смѣсь Русской физіономіи съ Азіатскими чертами, по той единственно причинѣ, что они добывали себѣ женъ, красавицъ отъ Черкесовъ и Турокъ; не столь прелестныхъ, но рукодѣльныхъ отъ Татаръ; иные же женились на безобразныхъ, но болѣе трудолюбивыхъ Калмычкахъ.

Самое правленіе Донскаго войска подтверждаетъ ихъ происхожденіе: оно составилось по образцу Русской мірской сходки. Всѣ общественныя дѣла рѣшались на *Кругу*, такъ называлось ихъ вѣче, гдѣ каждый казакъ, отъ Атамана до послѣдняго, имѣлъ равный голосъ. Въ семъ собраніи, народъ по общему согласію, иногда же по большинству голосовъ ежегодно избиралъ и смѣнялъ Атамановъ и Старшинъ своихъ, чинилъ судъ словесный и приговаривалъ къ казни обвиненныхъ. Безъ согласія сего круга, Войсковые Атаманы, ничего важнаго, или общественнаго предпринять не могли. Власть Атамановъ, ограниченная волею толпы была бы ничтожна, если бы посредствомъ потворства и послабленія не успѣвали они выходить изъ предѣловъ своего долга, такъ что, и менѣе хитрые изъ нихъ, почти всегда управляли самовластно. Власть въ рукахъ народа необразованнаго, воинственнаго и жившаго добычею, производила, какъ вообразить можно, безпорядки весьма вредныя для общества; самовластіе же Атамановъ, увеличивая всякое начало зла, производило еще большія замѣшательства. По сему-то, съ

одной стороны вѣчное волненіе и тревога; съ другой, дѣйствія совершенно произвольныя и беззаконныя, существовали на Дону до самаго уничтоженія ихъ Круга. Что касается до судебной расправы, то, не имѣя письменныхъ законовъ и никакихъ точныхъ постановленій, казаки вмѣсто оныхъ управлялись обычаями, старыми повѣрьями, на совѣсти и здравомъ смыслѣ основанными; а въ семъ послѣднемъ столько преизбыточествовали, столько были смѣтливы, что въ самыхъ скользкихъ дѣлахъ правленія, въ сношеніяхъ съ грозными Царями, выходили, какъ говорится, изъ воды сухими. На Дону, не было закона или власти, для удержанія вольности въ надлежащихъ границахъ, такъ что, при начальномъ ихъ образованіи, правленія или управы въ полномъ значеніи сего слова между ими не было. Доселѣ сохранившееся старинное выраженіе: *казачья неурядица*, нѣкоторымъ образомъ объясняетъ управу, бывшую во все продолженіе рыцарской ихъ жизни. Замѣчательно то, что когда при такомъ безпорядкѣ, вольность ихъ обращалась въ буйство, тогда Атаманы ничего уже между ими не значили, и одна Царская власть могла возвращать ихъ на путь истины. Посему-то въ нужныхъ случаяхъ, Казаки сами прибѣгали подъ руку Царя, просили его суда и воли; ибо будучи Русскими, они привыкли покоряться Царскому слову, и благоговѣть предъ лицемъ и властію его.

Донцы всегда и безусловно признавали себя подданными Россійскихъ Монарховъ: они состав-

ляли въ сущности, какъ бы колонію нашу, или нѣчто отдѣльное, живщее собственною своею жизнію; но обитая, на границахъ Государства могущественнаго и будучи Русскими, мысль, оставить Отечество, отдѣлиться, образовать Республику самобытную и независимую, никогда и въ голову имъ не приходила, хотя политическія обстоятельства, до возшествія на Престолъ Алексѣя Михайловича, весьма могли имъ въ томъ благопріятствовать. Россійскіе Самодержцы, довольствуясь выгодами, доставляемыми Россіи Донскими казаками, которые мужественно защищали южные ея предѣлы отъ набѣговъ Татаръ и другихъ враговъ и зломысленниковъ нашихъ, дѣйствительно предоставили Казакамъ нѣкоторую свободу, нѣкоторыя преимущества и права; но народъ простой и необразованный, какъ то всегда было и будетъ, полагалъ вольность въ свободѣ дѣлать что вздумается; а посему, согласно понятіямъ своимъ, пользовался волею такъ, что при первомъ шагѣ, на поприщѣ историческаго бытія своего, Донцы наши, безъ указа нападали на дружественныя Государства, не слушались Царя, не повиновались и собственному своему правленію, воевали, охотились, ходили за добычею по своему произволу, когда и куда имъ вздумывалось.

Исторію Донскаго войска, я раздѣляю на четыре періода. Въ первой, включаю то время, когда казаки вели рыцарскую жизнь, своевольствовали. Второй періодъ, ограничиваю тѣмъ временемъ,

когда въ правленіи ихъ виднѣется нѣкоторый порядокъ; когда Петръ Великій все у нихъ переиначилъ, устроилъ, учредилъ и сильною рукою подвинулъ ихъ къ просвѣщенію. Въ третій періодъ, включаю то время, когда нравы и правленіе ихъ уже много измѣнились и вѣче уничтожено. Наконецъ, въ четвертый періодъ включаю то время, когда Казаки, наровнѣ съ прочими подданными, стали управляться по общимъ законамъ Имперіи.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ 1520 года, до возшествія на престолъ Царя Алексѣя Михаиловича по 1646 годъ (126 лѣтъ.)

ГЛАВА I.

Царствованіе Іоанна Васильевича IV.

Первый подвигъ Донскихъ Казаковъ. Погибель Турецкой арміи на Дону и подъ Астраханью. Построеніе Черкаска. Первая грамота Донскому войску. Первая опала на Казаковъ. Ермакъ на Волгѣ разбойникомъ. Происхожденіе Гребенскихъ, Терскихъ, Волжскихъ и Яицкихъ Казаковъ. Ермакъ покоряетъ Сибирь. Смерть Ермака.

по 1584 годъ.

Образованію, умноженію и самому своевольству Донскаго Казачества; буйнаго, вольнаго и безстрашнаго, благопріятствовали тогдашнія политическія отношенія Россіи къ сосѣдственнымъ Государствамъ. Уже могущество Моголовъ исчезло. Въ Стокгольмѣ и Константинополѣ Пословъ на-

шихъ принимали съ уваженіемъ, торговля съ Ганзою доставляла купцамъ нашимъ великія выгоды. Литва, соблюдая перемиріе, не тревожила Россіи, старецъ Сигисмундъ доживалъ послѣдніе свои дни. Съ Турціею пересылались мы Послами только по торговымъ дѣламъ, такъ что гордый Солиманъ, въ 1538 году, просилъ Царя Іоанна Васильевича прислать къ нему Посла въ знакъ дружбы, и позволить его посланному купить въ Москвѣ для него нужное. Царства Казанское и Астраханское близки были къ паденію. Крымскіе Татара уже были не опасны для Россіи: хотя нечаянными набѣгами еще изрѣдка громили они наши предѣлы; но уже не безнаказанно: двѣсти тысячь хорошо обученнаго войска, могли разорить и самое гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Послы Задонскихъ Ногаевъ, одни за другими, являлись въ Москвѣ, предлагая Царю свои услуги и требуя единственно свободной торговли, какъ милости. Князья Черкесскіе, присягнули Государю въ вѣрности; земля Шавкальская, Тюменская, Грузинская хотѣли быть въ нашемъ подданствѣ. Въ окрестностяхъ Азова, въ которомъ Султанъ содержалъ небольшой гарнизонъ, блуждали остатки хищниковъ, бывшихъ Ордынскихъ Казаковъ; земля Донская представляла пустыню безлюдную.

При такомъ блестящемъ положеніи Государства, умный Царь рѣшился отодвинуть границу свою къ берегамъ Дона, дабы, ставъ твердою ногою, отнять у Султана и Татаръ возможность

поддержать колеблющуюся Казань и беззащитную Астрахань; и совершилъ сіе безъ усилія и издержекъ. Въ Россіи было тогда много бездомковъ, ежегодно отъ помѣщика къ помѣщику переходившихъ; сіи лѣнивые люди, привыкши къ скитающейся жизни, полюбили разбойническую жизнь. Государь, отворя, какъ догадываться можно, пограничныя къ Дону заставы, приказалъ воеводамъ съ ратными людьми преслѣдовать и истреблять разбойниковъ въ Россіи неослабно. Удалыя головы, одни волею, другіе неволею, очутившись въ степи безлюдной, но плодоносной, укрылись въ лѣсахъ, позади болотъ, въ камышахъ; и тамъ росли въ тишинѣ, питаясь охотою и рыбною ловлею. Такимъ образомъ, не нарушая съ сосѣдами дружбы, Государь вознамѣрился изъ безполезныхъ и вредныхъ для Государства людей, потихоньку, не торопясь, образовать на Дону Колонію и составить изъ вольницы надежную передовую стражу; — и, какъ увидимъ, не ошибся въ дальновидномъ своемъ намѣреніи. Для поддержанія сего новаго военнаго поселенія, Царь Іоаннъ Васильевичь Мещорскихъ (a) Казаковъ, жившихъ по разнымъ городамъ, перевелъ на Донъ. По сему сихъ Мещорскихъ Казаковъ и должно почитать родоначальниками Донскихъ Казаковъ. Въ то же время, нѣсколько семействъ Малороссійскихъ Казаковъ, построили Чугуевъ и укрѣпили его тыномъ. Такимъ образомъ, безъ шума и из-

(a) Примѣчанія на Исторію Леклерка Г-на Болтина, томъ I. стр. 342.

держекъ, граница далеко отодвинута на Югъ. При первомъ признакѣ жизни Исторической, Царь Іоаннъ Васильевичь, не упускалъ изъ виду новыхъ своихъ Донскихъ Казаковъ, управлялъ всѣми ихъ дѣйствіями, направлялъ оныя, къ пользѣ Россіи, и избавивъ ихъ отъ всякихъ податей, позволилъ дѣлать что̀ хотятъ, требуя только, чтобъ они охраняли южные, прилегающіе къ нимъ предѣлы отъ набѣговъ Татаръ и другихъ Мусульманскихъ хищниковъ. Ихъ употребляли противу Крымскихъ Татаръ и Ногаевъ, точно такъ какъ Султанъ употреблялъ сихъ послѣднихъ противу Россіи. Въ Москвѣ называли Казаковъ вольными людьми; въ Царѣ-градѣ бѣглыми, разбойниками.

Г. Поповъ, въ своей Исторіи Донскаго войска, утверждаетъ, что Донскіе Казаки уже служили при взятіи Казани (въ 1552 г.) и Астрахани (1553 г.). Въ Исторіи Государства Россійскаго, хотя при покореніи Казани и упомянуты Казаки; но какіе это Казаки? не означено; въ Россійской же Вивліоѳикѣ (часть 17 стр. 143 и слѣ.) сказано: „Въ семъ 1544 году, посланники Казанскіе въ Крымъ убиты *Царскими*, слѣдственно не Донскими Казаками; ибо Царскими вообще назывались при городахъ поселенные Казаки. Подъ 1550 годомъ упомянуто, что при занятіи Казани для Хана Шихалея было 300 Казаковъ Касимовскихъ Татаръ. Наконецъ въ 1552 году 6 Сентября, при взятіи Арска, были Стрѣльцы и Казаки изъ собственной Царской Дружины слѣдственно Донцовъ подъ Казанью рѣшительно не было. При взятіи

Астрахани также нигдѣ не встрѣчается имя Донцевъ; ибо Казаки, преслѣдовавшіе Хана Астраханскаго Ямчурчея, бѣжавшаго въ Азовъ, были подъ командою дворянина Тургенева, слѣдовательно то были Русскіе, а не Донскіе. Г. Поповъ утверждаетъ, что въ 1557 году Донскіе Казаки въ первой разъ служили подъ Астраханью, подъ начальствомъ Атамана Павлова, но откуда онъ взялъ сіе, не показываетъ? Соображая обстоятельства и время, я полагаю, что по малочисленности Казаковъ при первоначальномъ обзаведеніи ихъ на Дону, они не могли еще служить Царю при взятіи Казани и Астрахани; что же касается до службы ихъ въ преслѣдованіи Ямгурчея и взятія четырехъ его Царицъ съ сокровищами въ плѣнъ, то сего ни отвергать, ни утвердить не можно, ибо въ Исторіи не видно, какія собственно были дѣйствія Донскихъ Казаковъ отъ 1555 до 1557 года, а грамотъ и другихъ Историческихъ документовъ, симъ годамъ принадлежащихъ, мною не отыскано.

Наконецъ, въ 1559 году [a], при нашествіи Крымскаго Хана Девлетъ-Гирея, Донскіе Козаки въ первый разъ являются на ратномъ полѣ. Ханъ надѣялся напасть на Россійскіе предѣлы въ расплохъ, но обстоятельства перемѣнились: уже пограничные наши города оберегались войскомъ, всегда готовымъ встрѣтить врага. Ханъ, достигнувъ рѣки Мечи, свѣдалъ о семъ новомъ Первый подвигъ Донскихъ Казаковъ. 1559 г.

(а) См. Ист. Госу. Росс. Т. 8. стр. 294.

распоряженіи Царя, и не дерзнулъ итти далѣе. Гонимый однимъ страхомъ, стремглавъ бѣжалъ онъ назадъ, и поморилъ и коней и всадниковъ своихъ. Князь Воротынскій съ войскомъ шелъ за нимъ до Оскола по трупамъ, и не могъ его догнать. Между тѣмъ Донскіе Казаки, наскоро собравшись, зашли въ тылъ Крымской рати и близъ Перекопа разгромили улусы Ногаевъ, ушедшихъ отъ Ислама, и отогнали у нихъ 15,000 лошадей. Сей первый походъ къ Перекопу, вѣроятно, совершенъ былъ Донскими Казаками, по повелѣнію Царскому; ибо въ первыхъ грамотахъ, Цари подтверждали имъ одно и то же приказаніе: „какъ скоро Крымцы пойдутъ къ Окѣ, Донцамъ итти имъ въ тылъ къ Перекопу."

При первомъ, такъ сказать, откликѣ Казаковъ, политическія обстоятельства еще болѣе благопріятствовали утвержденію ихъ на Дону. Кромѣ Ногаевъ Задонскихъ, Царь имѣлъ въ Князьяхъ Черкесскихъ усердныхъ слугъ. Послѣдніе просили у Царя Полководца, чтобы завоевать Тавриду, и Церковныхъ пастырей, для просвѣщенія ихъ ученіемъ Евангельскимъ. Государь, дабы Татарскій Ханъ не имѣлъ времени образумиться отъ неудачнаго поиска на Меги, приказалъ храброму Князю Вишневецкому съ пятью тысячами легкихъ воиновъ итти на Донъ, построить суда, плыть къ Азову и съ сей стороны тревожить нападеніями Тавриду. Вишневецкій, въ семъ же 1559 году, прислалъ къ Государю 14 языковъ Крымскихъ, извѣстивъ Его, что онъ разбилъ на

Идарѣ, близъ Азова, партію изъ 250 Татаръ, шедшихъ къ Казани для смуты покореннаго народа, а Донскіе Казаки, подъ начальствомъ Михайлы Черкашенина (т. е. Малороссіянина), истребили еще другой отрядъ Ханскій. Отъ Азова Князь перешелъ за Кубань, и тамъ, въ дебряхъ Кавказскихъ горъ, съ помощію данныхъ ему Священниковъ построилъ Церкви, обновилъ древнее Христіанство, и тѣмъ утвердилъ власть Русскаго Царя.

Погибель Турецкой Арміи на Дону и подъ Астраханью. 1569 г.

Султанъ Селимъ, устрашась появленія военнаго поселенія на Дону, вознамѣрился уничтожить Казаковъ при самомъ рожденіи ихъ общества, рѣшился возстановить Царство Музульманское на берегахъ Ахтубы и оттуда пройти для покоренія Персіи. Изъявляя дружбу Царю Іоанну Васильевичу, Селимъ открылъ свои дѣйствія безъ объявленія войны. Весною 1569 года Паша Кассимъ съ 17,000 Спаговъ и Янычаровъ и Крымскій Ханъ Девлетъ-Гирей съ 50,000 Татаръ, и множествомъ рабочихъ людей, сошлися въ нынѣшней Качалинской станицѣ, и ждали судовъ, которыя отъ Азова плыли Дономъ, съ тяжелымъ снарядомъ, съ богатою Казною, имѣя для защиты своей только 500 воиновъ и 2500 гребцовъ невольниковъ Христіанскихъ, окованныхъ цѣпями. За маловодіемъ, Турки выгружали пушки, и влекли ихъ берегомъ съ трудомъ неописаннымъ; тысячи двѣ Россіянъ, могли бы безъ большой потери взять снарядъ и казну. Но Донскіе Казаки, уступя столь сильной арміи, вѣроятно, принуждены были скрыться въ дальнихъ степяхъ;

и суда 15го Августа безпрепятстзенно достигли переволоки. Тутъ Кассимъ велѣлъ рыть каналъ отъ Дона до Волги, на разстояніи 60 верстъ; увидя невозможность, велѣлъ тащить суда землею; и не успѣвъ въ томъ, отпустилъ тяжелый снарядъ назадъ въ Азовъ; а самъ съ 12 легкими орудіями пошелъ къ Астрахани, гдѣ жители готовились встрѣтить его какъ избавителя. 16го Сентября, Паша и Ханъ, стали ниже Астрахани, на Козарскомъ городищѣ. Здѣсь ждали ихъ наши измѣнники Астраханскіе съ судами, и Ногаи съ дружественными увѣреніями. Кассимъ началъ строить новую крѣпость на развалинахъ городища, ибо не отваживившись взять Астрахань приступомъ, онъ рѣшился зимовать подъ нею, дабы принудить ее къ сдачѣ голодомъ, или весною получа пособіе изъ Константинополя, покорить ее силою: надежда его не исполнилась. Воевода, Князь Петръ Серебряный, съ легкою дружиною, въ коей были и Донскіе Казаки, вступилъ въ Астрахань. 26 Сентября, Кассимъ, изнуривъ войска свои трудами и голодомъ, сжегъ сдѣланныя имъ деревянныя укрѣпленія, и вмѣстѣ съ Ханомъ бѣжалъ день и ночь, чрезъ безводную степь къ Азову. Кони и люди тысячами умирали отъ изнуренія; вѣрные намъ Черкесы стерегли ихъ въ засадахъ, и томныхъ, полумертвыхъ, брали въ плѣнъ. Князь Серебряный, удовольствовавшись спасеніемъ Астрахани, не преслѣдовалъ Кассима. Турки, претерпѣвъ великій уронъ, едва съ десятою частію войска, чрезъ мѣсяцъ достигли Азова.

Къ утвержденію нашей безопасности съ сей стороны, Азовская крѣпость, отъ нечаяннаго взорванія пороховаго погреба разрушена, и не только большая часть города, но и пристань съ военными судами обратились въ пепелъ. Такъ кончились Селимовы замыслы: безъ сраженія потерявъ войско, и не успѣвъ ни въ чѣмъ, онъ повелѣлъ возобновить Азовъ, укрѣпить его болѣе прежняго, и вмѣсто Татаръ, на которыхъ не очень полагался, прислалъ для защиты его Янычаровъ и Галерный флотъ. Въ сіе время 30,000 Ногаевъ, измѣня, отложились отъ Россіи, и поселены Султаномъ въ степяхъ около Перекопа. Царь Іоаннъ Васильевичь, съ своей стороны, для защиты тестя своего, Черкесскаго Князя Темрюка, и для утвержденія въ томъ краю своей власти, поставилъ городъ на Терекѣ.

Въ 1570 году, когда Турки укрѣпляли Азовъ, 5000 Запорожскихъ Черкасовъ вышли на Донъ, и тамъ разсѣявшись поселились при разныхъ станицахъ. Отважнѣйшія изъ нихъ, въ небольшемъ числѣ, въ 60 верстахъ отъ Азова, построили новый городокъ, назвавъ его своимъ именемъ *Черкаскимъ*[a]. Городокъ сей былъ ничто иное, какъ временное становищѣ, какъ укрѣпленный бивакъ, и долго оставался не значущимъ притономъ, гдѣ жили самые удалые Казаки. Близость Азова, гдѣ соби- Построеніе Черкаска. 1570 г.

(a) Малороссіяне, по смѣшенію съ черными Клобуками, какъ сказано выше, приняли отъ нихъ названіе Черкесовъ или Черкасовъ, по своему произношенію. Въ томъ же смыслѣ и нынѣ Донцы называютъ себя Черкесами, т. е. удалыми Казаками.

ралось много Татаръ и Турокъ для торга и грабежей, еще чрезъ долгое послѣдующее время, не позволяло учредить постоянныхъ жилищъ между Раздорами и Азовомъ. Впрочемъ мѣстное положенiе Черкаска, на острову образуемомъ протоками Дона, обезпечивало его отъ нечаяннаго нападенiя, и дѣлало его отъ наѣздовъ Татарской легкой конницы неприступнымъ.

Въ письмѣ, посланномъ въ 1570 году съ Ив. Пет. Новосильцовымъ къ Султану Селиму, Царь Iоаннъ Васильевичь ласково исчисляетъ всѣ дружественныя сношенiя Россiи съ Турцiею отъ временъ Баязета, укоряетъ Султана, что онъ, взошедши на престолъ, по обычаю, для любви и дружбы не прислалъ извѣстить о томъ, и въ прошломъ году рать его безъ объявленiя войны ходила подъ Астрахань. Мы удивляемся тому, писалъ Царь, что между нами начинается недружба невѣдомо за что; за тѣмъ Царь предлагалъ и миръ и дружбу, а есьли хочешь ссориться, то скажи за что; и съ тѣмъ пришли къ намъ своего человѣка. Но сiе Посольство и другое въ 1571 году съ Андреемъ Кузминскимъ, не имѣли желаемаго слѣдствiя, хотя Царь, въ угодность Селиму, согласился уничтожить новую крѣпость нашу въ Кабардѣ, и дать свободный пропускъ торговымъ людямъ изъ Астрахани въ Турцiю. Гордый Султанъ хотѣлъ Астрахани и Казани, или того, чтобъ Iоаннъ, владѣя ими, призналъ себя данникомъ Оттоманской Имперiи. Предложенiе столь нелѣпое осталось безъ отвѣта.

Первая грамота Донскому войску. 1771 г. Авг. 17.

Первую грамоту Донскому войску (первую, можетъ быть только потому, что предшествовавшія утрачены) выписываемъ [а] для образца отъ слова до слова: „Отъ Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Россіи на Донъ, Донскимъ Атаманомъ и Казакомъ. Послали есмя для своего дѣла, подъ Азовъ, Казачья Атамана Микиту Мамина да Молчана Яковлева съ товарищи; и какъ они на Донъ пріѣдутъ, и о которыхъ Нашихъ дѣлехъ Микита Маминъ вамъ учнетъ говорити, и вы бъ съ нимъ о Нашихъ дѣлехъ промышляли за одинъ; а какъ Намъ послужите и съ Микитою Нашими дѣлы учнете промышляти, и васъ пожалуемъ Своимъ жалованьемъ. Писана на Москвѣ лѣта 1571, Августа въ 17 день.“ Что учинили по сему Указу Донцы, и чѣмъ пожаловалъ ихъ Грозный Царь, о томъ не отыскано мною никакихъ свѣдѣній.

Въ 1572 году ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ Тавридѣ. Казаки Донскіе и Днѣпровскіе непрестанными набѣгами опустошали улусы ея: первые, нечаяннымъ нападеніемъ ворвались даже въ Азовъ, и хотя не могли въ немъ удержаться, но сею смѣлостію изумили Султана [б].

Первая опала на Казаковъ. 1577 г.

Вскорѣ Донскіе Казаки своею дерзостію удивили и Царя. Они при первыхъ подвигахъ своихъ заслужили и похвалу и опалу: то были честными воинами, то мятежниками и грабителями.

(а) Изъ собранія Государст. грамотъ и договоровъ. Часть 2. стр. 62.

(б) Исторія Государства Россійскаго, Томъ IX, стран. 212 и 213.

Гнѣвные отзывы Царя Іоанна Васильевича о сей вольницѣ, въ письмахъ къ Султанамъ и Ханамъ Таврическимъ, были, къ сожалѣнію, справедливы: ибо Казаки дѣйствительно разбивали купцевъ и Пословъ на пути ихъ въ Москву, грабили самую казну Государеву, нѣсколько разъ заслуживали опалу; нѣсколько разъ высылались дружины воинскія на берега Дона и Волги, чтобы разогнать сихъ хищниковъ. Такъ, въ 1577 году, Стольникъ Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя сильнымъ отрядомъ, многихъ изъ нихъ взялъ и казнилъ, но другіе не смирились; уходили на время въ пустыни, снова являлись и злодѣйствовали на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перевозахъ; въ быстромъ набѣгѣ взяли (1580 г.) даже столицу Ногайскую, Сарайчикъ, не оставили тамъ камня на камнѣ, и вышли съ знатною добычею, разкопавъ самыя могилы, обнаживъ мертвыхъ.

Въ 1578 году, Крымскій Ханъ Магметъ-Гирей, требовалъ, чтобы Царь свелъ Казаковъ съ Днѣпра и Дона. Ему отвѣчали, что первые служатъ Баторію; а вторые суть бѣглецы Россійскіе и Литовскіе, коихъ велѣно казнить, гдѣ явятся въ нашихъ предѣлахъ. Подобную политическую оттоворку, мы встрѣтимъ не одинъ разъ.

Ермакъ на Волгѣ, разбойникомъ. 1577 г.

Къ числу буйныхъ грабителей, прославившихся рѣдкимъ удальствомъ, не ослабно преслѣдованныхъ и жестоко наказанныхъ Стольникомъ Мурашкинымъ, принадлежали тогда Казаки: Ермакъ Тимофѣевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвей Мещерякъ. Ермаку, из-

бранному старшиною отъ Качалинской станицы, поручено было въ 1577 году охранять границы отъ Астрахани до рѣки Дона. Ермакъ, вмѣсто того, чтобы охранять, явился разбойникомъ на Волгѣ, навелъ ужасъ не только на мирныхъ путешественниковъ и купцовъ, но и на всѣ Улусы кочевыхъ народовъ, Россіи подвластныхъ. Неудовольствовавшись симъ, вошелъ онъ въ Каспійское море, и тамъ потопилъ суда Персидскихъ и Бухарскихъ Пословъ и завладѣлъ всѣмъ ихъ имуществомъ. Войсковой Атаманъ, по волѣ Царя, созвалъ народъ для совѣщанія на кругъ, гдѣ опредѣлено: Ермака, и всѣхъ его сообщниковъ взять и подъ стражею отослать въ Москву; рядовыхъ же Казаковъ служившихъ подъ начальствомъ его, при сборѣ наказать ослопьями. Государь осудилъ Ермака съ четырью его Атаманами на смерть лютую и позорную.

Въ 1579 году, въ разрядныхъ книгахъ упоминается о Донскихъ Казакахъ, которые въ числѣ 3000 человѣкъ служили въ Лифляндскомъ походѣ, за что отъ Государя Царя и жалованьемъ были награждены (a).

Происхожденіе Гребенскихъ, Терскихъ, Волжскихъ и Уральскихъ Казаковъ.

Въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ, Казаки, толпа за толпой, выходили съ Дона на добычу, на грабежъ своихъ соотечественниковъ, и промышляли въ окрестностяхъ Астрахани, по Волгѣ, Яику, по Кумѣ и Кубани. Но какъ Грозный Царь принималъ, какъ выше сказано, строгія мѣры къ прекращенію разбоевъ, и самое Войсковое Правитель-

(a) См. Миллера стр. 318.

ство въ томъ Царю по возможности способствовало, то многіе изъ нихъ, избѣгая казни, оставили свою родину, и искали новыхъ пустынь, откуда бы удобнѣе и безнаказанно, можно было производить грабительства. По отшествіи Ермака въ Сибирь съ первою разбойничьею шайкою; вторая, состоявшая изъ трехъ сотъ Донскихъ Казаковъ, подъ начальствомъ Атамана Андрея вышла изъ Волги на Каспійское море, гдѣ нѣкоторое время съ успѣхомъ продолжала свои поиски; но претерпѣвъ кораблекрушеніе, оставшіеся удальцы скрылись въ Кавказскихъ горахъ, и тамъ въ одномъ ущеліи нашедъ опустѣвшій городокъ, въ немъ засѣли и укрѣпились, назвавъ его по имени Атамана своего *Андреевскою* [a] деревнею, и понынѣ подъ именемъ *Ендери* и *Андре* извѣстной. Кумыки и Тавлинцы не могли никакъ ихъ оттуда выгнать. Сіи Казаки назывались *Гребенскими*, принявъ сіе названіе отъ гребней горъ, на которыхъ они поселились. Вскорѣ получивъ отъ Государя въ преступленіи своемъ прощеніе, Гребенскіе Казаки (около 1580 года) переведены на Терекъ къ Терскому городку, гдѣ въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ присоединенными къ нимъ Московскими Стрѣльцами, Донскими и Уральскими Казаками, названы *Терскими* Казаками. Третья ватага, грабительствовавшая близъ Сѣверныхъ береговъ моря Каспійскаго, и уже знакомая съ Сарайчикомъ, чрезъ который проходилъ главный

(a) Замѣчанія на Исторію Леклерка Г. Болтина, томъ I. стр. 344.

торговый путь изъ Азова[а], съ Атаманомъ Нечаемъ въ числѣ 800 человѣкъ, въ мѣстахъ привольныхъ для рыбной ловли и корму скота, въ 1584 году на Яикѣ поселилась. Сіи *Яикскіе* Казаки, въ послѣдствіи *Уральскими* названные, по 1711 годъ принадлежали къ составу Донскаго войска, и вмѣстѣ съ онымъ состояли въ вѣдомствѣ Посольскаго Приказа. Нѣсколько прежде должно полагать образованіе общества *Волжскихъ* Казаковъ, также отъ Донскихъ отшатившихся, которые при начальномъ своемъ поселеніи, только лѣтомъ жили при Волгѣ, а на зиму уходили на Донъ по своимъ городкамъ [б]. Надобно замѣтить, что сіе время было самымъ цвѣтущимъ въ Исторіи нашихъ Витязей-Казаковъ. Отъ Азова до Искера, гремѣла слава ихъ удальства: раздражая Султана, грозя Хану, смиряя Ногаевъ, они стремились утвердить власть Московскаго вѣнценосца надъ Сѣверомъ Азіи.

Хотя Татара Сибирскіе, признали Іоанна своимъ верховнымъ властителемъ, но господство наше надъ ними было слабо и ненадежно: они не только худо платили дань, но частыми набѣгами тревожили Великую Пермь, гдѣ былъ конецъ Россіи. Дабы утвердить спокойствіе нашихъ владѣній между Камою и Двиною, и упрочить власть надъ отдаленною Сибирью, Царь особою грамотою, богатымъ купцамъ Якову и Григорію Іоанн-

(а) Въ сіе время, торговые караваны изъ Азова ходили въ Астрахань, Сарайчикъ; а оттуда уже шли въ Урганачь, Отраръ, Бухарію, Хиву, и во многіе другіе города средней Азіи до самаго Пекина.

(б) Миллеръ о происх. Казаковъ стр. 319.

кеевымъ Строгоновымъ, позволилъ строить крѣпости, имѣть свое войско, свою Управу и вести войну съ измѣнникомъ Кучумомъ Салтаномъ Сибирскимъ.

Ермакъ покоряетъ Сибирь. 1579–1584 г.

„Строгоновы, слыша о разбояхъ производимыхъ на Волгѣ, предложили Атаману Ермаку и четыремъ его сообщникамъ службу честную; послали къ нимъ дары, написали грамоту, убѣждая ихъ отвергнуть ремесло, недостойное Христіанскихъ витязей, быть не разбойниками, а воинами Царя Бѣлаго, искать опасностей не безславныхъ и примириться съ Богомъ и Россіею. Мысль свергнуть съ себя опалу заслугою государстненною, и промѣнять имя разбойника на честное имя воина, тронула сердца грубыя, но еще не лишенныя угрызеній совѣсти. Ермакъ съ четырьмя товарищами, согласивъ изъ Казаковъ 540 отважныхъ бойцевъ, 21 Іюня 1579 года явились къ Строгоновымъ съ радостію и на радость, какъ говоритъ лѣтописецъ.

1581 г.

22 Іюля 1581 года, служа Строгановымъ, усердные Казаки разбили на голову Мурзу Бегулія, дерзнувшаго съ 700 Вогуличей и Остяковъ грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой; взяли его въ плѣнъ и смирили Вогуличей."

„Съ сего времени, Ермакъ, уроженецъ Качалинской станицы, родомъ неизвѣстный, начавшій поприще свое ремесломъ, обычнымъ его современникамъ, измѣнившись душею является героемъ. Строгоновы, собравъ изъ Казаковъ, Татаръ, Литвы и Нѣмцевъ, искупленныхъ ими изъ неволи у Ногаевъ, 840 ратниковъ, объявили походъ, Ермака Воеводою и Си-

бирь цѣлію. Нагрузивъ ладіи запасами и снарядами, легкими пушками, семипядными пищалями; взявъ вожатыхъ, толмачей и Іереевъ, 1 Сентября 1581 года, Ермакъ отплылъ рѣкою Чусовою въ міръ неизвѣстный, безлюдный и хладный, но ознаменованный разнообразнымъ величіемъ и богатствомъ естества. Къ удивленію потомства, три купца и преступный Атаманъ Волжскихъ разбойниковъ, безъ всякаго содѣйствія отъ Правительства, дерзнули на подвигъ славы, открыли *вторый новый свѣтъ* для Европы, и пріобрѣли новое Царство для Россіи."

„Завоеваніе Сибири во многомъ сходствуетъ съ завоеваніемъ Мексики и Перу; но нашъ Кортецъ, не менѣе Испанскаго счастливый, оказалъ и болѣе человѣколюбія и болѣе благоразумія. Въ Сибири, также какъ въ Америкѣ, горсть людей, вооруженная огнемъ и громомъ, побѣждала тысячи вооруженныя стрѣлами и копьями. Каждый воинъ Ермака, казался жителямъ богатыремъ чуднымъ, неодолимымъ; Казакъ смѣло шелъ на толпу непріятелей, смертоносною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и тридцать."

„Подвиги Ермака, какъ все необыкновенное, чрезвычайное, произвели многія басни, которыя смѣшались съ истинною и подъ именемъ лѣтописей, повѣстей, сказаній, обманывали самыхъ Историковъ. Такъ на примѣръ, въ Исторіи Донскаго войска, помѣщено любовное похожденіе Ер-

мака, (что и теперь на Дону почитается рѣдкостію) вмѣсто сотни Ермаковыхъ воиновъ поставлены тысячи, мѣсяцы дѣйствія обращены въ годы, плаваніе трудное въ чудесное. Оставляя баснословіе, слѣдуемъ въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ достовѣрнѣйшему современному повѣствованію, помѣщенному въ Исторіи Государства Россійскаго."

„Атаманы плыли четыре дни вверхъ по Чусовой, два дни рѣкою Серебряною, гдѣ, построивъ на Сибирскомъ пути земляное укрѣпленіе, и давъ ему имя *Кокуя городка*, перевезлися черезъ волокъ до рѣки Жаровли. Жаровлею и Тагиломъ вошли Атаманы въ рѣку Туру, уже въ область Сибирскаго Царства, гдѣ въ первый разъ обнажили мечь завоеванія. На мѣстѣ, гдѣ теперь Туринскъ, Князь Епанча, повелѣвая многими Татарами и Вогуличами, встрѣтилъ смѣлыхъ пришельцовъ тучею стрѣлъ съ берега, но бѣжалъ, устрашенный громомъ пушекъ. Опустошивъ Улусы внизъ по Турѣ, Атаманъ получилъ всѣ нужныя свѣденія о землѣ, отъ взятаго въ плѣнъ чиновника Кучумова, Тауазака, и не останавливаясь, внизъ по Тоболю спустился на Иртышъ, гдѣ Кучумъ, лишенный зрѣнія, собралъ войско изъ всѣхъ Улусовъ, и рѣшился стать мужественно за Царство и вѣру. Племянникъ его, Маметкулъ, выступилъ въ поле со многочисленною конницею. Ермакъ, стоя въ окопѣ, насыпанномъ на берегу Тоболя, при урочищѣ Бабасанѣ, нѣсколькими залпами остановилъ

стремленіе болѣе десяти тысячъ всадниковъ Сибирскихъ. Ермакъ выступилъ изъ окопа, самъ ударилъ на нихъ, и огнемъ своимъ принудилъ Маметкула открыть ему свободный путь къ устью Тобола. Второе менѣе важное дѣло было въ 16 верстахъ отъ Иртыша. Третья битва на Иртышѣ, жаркая, упорная, стоила жизни нѣкоторому числу Ермаковыхъ сподвижниковъ, доказавъ, что независимость Отечества мила и варварамъ. Сибирскіе защитники изъявили неустрашимость и твердость, однакожъ были побѣждены, и уступили Казакамъ городокъ Атикъ-Мурзы."

„Рѣшительная битва послѣдовала 23 Октября подъ Чувашьею горою, гдѣ самъ Кучумъ, засѣвъ въ укрѣпленіи, засѣкою обложенномъ, преграждалъ путь къ Искеру. Съ первыми лучами солнца, Казаки воскликнувъ: *съ нами Богъ!* устремились къ засѣкѣ. Непріятель въ трехъ мѣстахъ самъ раскидавъ засѣку, кинулся въ бой рукопашный, безвыгодный для малочисленной Ермаковой дружины, которая, ставъ крѣпкою стѣною, выдержала нападеніе, и бѣглымъ огнемъ своимъ прогнала толпы непріятельскія въ засѣку. Казаки бросились на приступъ, Ермакъ и подручникъ его Иванъ Кольцо мужествовали впереди. Къ счастію Россіянъ и къ ужасу Сибиряковъ, раненный Маметкулъ долженъ былъ оставить сѣчу, и войско безъ предводителя отчаялось въ побѣдѣ; Князья Остяцкіе дали тылъ, бѣжали и Татара. По взятіи засѣки, Кучумъ искалъ безопасности въ степяхъ Ишим-

скихъ. Сія главная битва, въ коей пало 107 добрыхъ Казаковъ рѣшила Господство Россіи отъ каменнаго хребта до Оби и Тобола."

„26 Октября 1581 года, Ермакъ торжественно вступилъ въ Искеръ, главный городъ Сибири, который стоялъ на высокомъ берегу Иртыша, и былъ укрѣпленъ съ одной стороны крутизною, съ другой тройнымъ валомъ и рвомъ. Тамъ побѣдители нашли великое богатство, но городъ былъ пустъ; и наши витязи, имѣя золото и соболей, не имѣли пищи. Но вскорѣ Остяцкій Князь Боаръ и множество Татаръ съ женами и дѣтьми явились съ дарами и запасами, прося милосердія и покровительства. Въ семъ случаѣ, нашъ Донской рыцарь превзошелъ Кортеса и Пизарру, за сто лѣтъ предъ тѣмъ опозорившихся при покореніи Мексики и Перу, жестокимъ, варварскимъ безчеловѣчіемъ. Ермакъ принялъ побѣжденныхъ милостиво, обласкалъ, успокоилъ, и не требуя злата, всѣхъ отпустилъ въ ихъ домы, обложивъ легкою даніею. Сей бывшій Атаманъ разбойниковъ оказалъ необыкновенный разумъ, и въ земскихъ учрежденіяхъ и въ соблюденіи воинской подчиненности: удалые сподвижники его, въ землѣ покоренной ими, на краю свѣта, не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Грозный, неумолимый Ермакъ, жалѣя воиновъ въ битвѣ, не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія, и казнилъ смертію за всякое ослушаніе, за всякое студное дѣло. Казаки его, по сказанію Тобольскаго лѣто-

писца, и въ походѣ и въ столицѣ, подражая ему вели жизнь цѣломудренную: „*сражались*, *молились и постились*,“ стараясь тѣмъ угодить и Царю Небесному и Царю земному.“

„Зимою два Князя Вогуличей: Ишбердей и Суклемъ, вызвались добровольно платить дань соболями, и присягнули Россіи въ вѣрности. Не имѣя слуха о Кучумѣ, Атаманы безъ опасенія занимались ловлею въ окрестностяхъ Искера, но Маметкулъ бодрствовалъ, и 5 Декабря внезапно напалъ на 20 Казаковъ, которые ловили рыбу, и всѣхъ умертвилъ до единаго. Въ Апрѣлѣ 1582 года, Атаманъ 1582 г.
узнавъ, что дерзкій Маметкулъ снова приблизился къ Иртышу съ малочисленнымъ отрядомъ, выслалъ противу его 60 удальцовъ, которые ночью подкравшись къ стану, напали въ расплохъ, умертвили многихъ сонныхъ Татаръ, и самаго Маметкула привели въ Искеръ. Ермакъ, великодушно забылъ о мести: знаменитаго своего плѣнника принялъ съ уваженіемъ, и содержа подъ крѣпкою стражею, честилъ его, какъ Царевича мужественнаго и врага неутомимаго.“

„По вскрытіи рѣкъ, оставивъ въ Искерѣ часть дружины, Ермакъ поплылъ Иртышемъ къ Сѣверу. Татара, засѣвъ въ крѣпости бывшей при устьѣ Аримдзянки, не хотѣли сдаться: Взявъ ее приступомъ, Атаманъ велѣлъ разстрѣлять главныхъ виновниковъ сего опаснаго упорства. Всѣ иные жители, смиренные ужасомъ, присягнули Россіи. Далѣе, на высокомъ берегу Иртыша, Князь

Кондинскихъ Вогуличей, Демьянъ, имѣя крѣпость и двѣ тысячи ратниковъ, отвергнулъ мирныя предложенія Ермака. Казаки одною стрѣльбою выгнали осажденныхъ. Въ Цынгальской волости собралось множество вооруженныхъ людей: одинъ пушечный выстрѣлъ разсѣялъ ихъ, и Казаки заняли городъ Нарымскъ, гдѣ захвачены были жены съ дѣтьми, въ страхѣ ожидавшія смерти. Ермакъ, обошелся съ ними столь ласково, что отцы и мужья, не замедлили придти къ нему съ данію. Покоривъ волость Тарханскую, Атаманъ, въ часъ разсвѣта, внезапно напалъ на станъ знатнѣйшаго Князя Остяцкаго, Самара. Хваляся мужествомъ и силою, Самаръ забылъ осторожность: спалъ крѣпкимъ сномъ вмѣстѣ съ войскомъ, и былъ убитъ первымъ выстрѣломъ; войско разбѣжалось. Сія побѣда рѣшила судьбу всей древней земли Югорской, коей жители обязались платить ясакъ Россіи. Завоевавъ еще главный Остяцкій городъ Назымъ, и многія иныя крѣпости на берегахъ Оби, Ермакъ не хотѣлъ идти далѣе: ибо видѣлъ предъ собою мертвую природу и однѣ хладныя пустыни, гдѣ и лѣтомъ, среди мерзлыхъ тундръ, представляется глазамъ образъ ужаснаго безплодія. Поставивъ Князя Остяцкаго Алача главою надъ Обскими Юртами, какъ побѣдитель и Владыка, какъ мужъ грозы и доблести, Ермакъ тѣмъ же путемъ благополучно возвратился въ Искеръ, тихій и спокойный.“

„Загнавъ Кучума въ Ишимскія степи, и поставивъ межевой столбъ Государства Московска-

го на берегахъ Оби, счастливый Ермакъ далъ знать Строгоновымъ о успѣхѣ своихъ подвиговъ; а въ Москву послалъ перваго по себѣ Атамана Ивана Кольцо, бить челомъ гнѣвному Государю, Царствомъ Сибирскимъ. У Казаковъ оставалось мало пороха, и если бы совершенно изошелъ оный, то вмѣстѣ съ нимъ уничтожился бы и призракъ непобѣдимости ихъ. Сіи и другія причины принудили Ермака въ письмѣ своемъ къ Царю Іоанну Васильевичу, просить прислать Воеводъ для принятія отъ него покореннаго имъ Царства, „а я, писалъ онъ, съ бѣдными опальными Казаками, угрызаемые совѣстію, исполненные раскаянія, готовы умереть, или въ новыхъ подвигахъ чести, или на плахѣ, какъ будетъ угодно Тебѣ и Богу. Иванъ Кольцо, съ письмомъ и дарами, состоявшими въ дорогихъ соболяхъ, черныхъ лисицахъ и бобрахъ, какъ оглашенный предсталъ предъ Царемъ и Боярами. Прочтя письмо, удивленный Государь воскликнулъ: „*новое царство послалъ Богъ Россіи!*“ и слова сіи съ живѣйшимъ восторгомъ повторились во дворцѣ и на Красной площади. Государь снялъ опалу съ Казаковъ, объявилъ имъ вѣчную благодарность Россіи, назвалъ посла ихъ добрымъ витяземъ, пожаловалъ Ермаку [a] двѣ бро-

---

[a] Сказанное въ рукописной Степенной книгѣ, или въ новомъ лѣтописцѣ: „а къ Ермаку повелѣ Государь написати не *Атаманомъ*, но *Княземъ Сибирскимъ*.“ подлежитъ большому сомнѣнію; ибо до того не было еще примѣровъ, чтобы жаловали кого въ Князи. Награждали по порядку чиноположенія, но никогда и никого, какъ то нынѣ ведется, въ Князья не производили.

ни, серебряной кубокъ и шубу съ плеча своего; всѣмъ другимъ Атаманамъ и Казакамъ отправилъ богатые дары сукнами, камками и деньгами. Воеводѣ Семену Дмитріевичу Болховскому приказано съ 500 стрѣльцовъ и 10 Священниками явиться къ Ермаку; Ивану Кольцу позволено на возвратномъ пути искать охотниковъ для переселенія въ новый край; а Строгоновымъ, истиннымъ виновникамъ столь важнаго для Россіи пріобрѣтенія, Іоаннъ пожаловалъ земли и право торговать во всѣхъ своихъ городахъ безпошлинно."

„Между тѣмъ завоеватели Сибири не праздно ждали добрыхъ вѣстей изъ Россіи: въ кровопролитномъ дѣлѣ, Ермакъ разбилъ Князей Татарскихъ, близъ устья Тавды, на берегу озера. Въ слѣдствіе сей побѣды робкіе Вогуличи Кошуцкой и Табаринской волости мирно дали ясакъ Атаманамъ. Достигнувъ болотъ и лѣсовъ Пелымскихъ, расширивъ свои владѣнія до рѣки Сосвы и включивъ въ предѣлы земли Югорской страну Кондинскую, Ермакъ возвратился въ Сибирскую столицу, гдѣ нашелъ уже Воеводу и Посла, и принялъ отъ нихъ за славные труды отличную награду."

1584 г. „Въ зиму 1584 года сподвижники Ермаковы пострадали отъ голода и цынги, люди гибли ежедневно, и въ числѣ многихъ умеръ и самъ Воевода Князь Болховской. Сіе бѣдствіе миновало весною; тогда Ермакъ исполняя указъ Іоанновъ, отправилъ въ Москву Царевича Маметкула, при чемъ просилъ

Государя о сильнѣйшемъ, немедленномъ вспоможеніи, дабы удержать взятое и взять еще болѣе. Но здѣсь счастіе оставило Ермака: лишась половины воиновъ отъ заразы и голода, потерялъ онъ 40 добрыхъ молодцовъ съ Атаманомъ Иваномъ Кольцомъ, вѣроломнымъ образомъ убитыхъ въ Тарскомъ улусѣ, Княземъ Карачаемъ, который, измѣнивъ своему Царю, вдругъ вздумалъ сдѣлаться избавителемъ своего Отечества. Слѣдствіемъ сего коварства, были мятежъ и бунтъ всѣхъ нашихъ данниковъ, которые, соединившись съ Карачею, стали необозримыми обозами вокругъ Искера, гдѣ Ермакъ увидѣлъ себя въ тѣсной осадѣ. Ермакъ, замѣтивъ намѣреніе Сибиряковъ принудить его къ сдачѣ голодомъ, рѣшился на дѣло отчаянное, и судьба благопріятствовола еще герою: Ермакъ оставшись самъ блюсти крѣпость, съ Атаманомъ Мещерякомъ, 12 Іюня, ночью отправилъ отрядъ Казаковъ, которые прокравшись сквозь обозы непріятельскіе, кинулись на станъ Карачая, особо по западную сторону Иртыша расположившагося, умертвили двухъ его сыновей, множество сонныхъ Татаръ и разогнали ихъ во всѣ стороны. Хотя утренній свѣтъ ободрилъ враговъ, хотя они сомкнулись и вступили въ бой; но Мещерякъ, засѣвъ въ обозѣ Карачая, а Ермакъ въ крѣпости, сильною ружейною стрѣльбою отразили всѣ ихъ нападенія. Карача въ ужасѣ снялъ осаду и бѣжалъ за Ишимъ, а Казаки въ полдень съ торжествомъ возвратились въ Искеръ; селенія же и юрты снова поддалися Россіянамъ. “

„Въ страхъ врагу и для будущей безопасности, Ермакъ пошелъ въ слѣдъ за Карачаемъ, вверьхъ по Иртышу и завоевалъ всѣ мѣста до Ишима, местію ужасая непокорныхъ, милуя безоружныхъ. Въ Саргацкой области, въ городкѣ Тебендѣ, Князь Еличай вмѣстѣ съ данію представилъ Ермаку юную, прекрасную дочь свою, невѣсту сына Кучумова; но цѣломудреный Атаманъ, велѣлъ ей удалиться съ ея опасными прелестями, и съ невинностію, какъ увѣряетъ лѣтописецъ. Ермакъ покоривъ еще городокъ Ташатканъ, не хотѣлъ, или не имѣлъ довольно силы взять крѣпость, построенную Царемъ Кучумомъ на берегу озера Аусаклу, и достигнувъ рѣки Шиша, возвратился въ Искеръ съ трофеями уже послѣдними!“

Смерть Ермака. 5 Авг. 1584 г.

„Около двухъ лѣтъ господствуя въ Сибири, Ермакъ успѣлъ завести торговлю съ самыми отдаленными Азіатскими странами. Уже Бухарскіе купцы, проходя Киргисъ-Кайсацкою степью, начали привозить въ пустынную Сибирскую столицу, въ обмѣнъ на мягкую рухлядь, плоды Восточнаго ремесла. Ожидая тогда Бухарскихъ каравановъ, и свѣдавъ, что изгнанникъ Кучумъ не даетъ имъ дороги въ степи Вогайской; пылкій Ермакъ съ 50 Казаками, спѣшилъ ихъ встрѣтить: искалъ цѣлый день, не видалъ ни каравана, ни слѣдовъ непріятеля, и на возвратномъ пути расположился ночевать въ шатрахъ, оставивъ лодки свои у берега, близъ Вогайскаго устья. Здѣсь надлежало погибнуть завоевателю Сибири; поги-

бнуть отъ своей оплошности, изъясняемой единственно дѣйствіемъ неотвратимаго рока. Ермакъ зналъ о близости врага, и, какъ бы утомленный жизнію, погрузился въ глубокій сонъ съ своими витязями, безъ наблюденія, безъ стражи. Лилъ сильный дождь, вѣтеръ шумѣлъ и рѣка волновалась, тѣмъ болѣе усыпляя Казаковъ; а непріятель бодрствовалъ на другой сторонѣ рѣки: его лазутчики переплыли [a] рѣку въ лодкѣ, тихо приблизились къ стану Ермакову, взяли у сонныхъ три ружья съ лядунками и представили своему Царю въ удостовѣреніе, что можно наконецъ побѣдить непобѣдимыхъ. Кучумъ съ радостнымъ сердцемъ, въ ночь на 5 Августа 1584 года напалъ на сонныхъ Россіянъ, и всѣхъ перерѣзалъ, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ; другой — самъ Ермакъ, пробужденный звукомъ мечей и стономъ умирающихъ, воспрянулъ.... махомъ сабли еще отразилъ удары убійцъ, еще успѣлъ пробиться сквозь толпу враговъ до берега, кинулся въ бурный глубокій Иртышъ, и, недоплывъ до своихъ лодокъ, утонулъ отягченный желѣзною бронею, данною ему Іоанномъ... Конецъ горькій для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы!... Нѣтъ, волны Иртыша не поглотили ее; Россія, Исторія и Церковь гласятъ

(a) Въ Ист. Государ. Россійскаго, сказано: „перешли рѣку *въ бродъ*.“ Но какъ Иртышъ, около Вогайскаго устья, течетъ между крутыми берегами, и нигдѣ, исключая, быть можетъ, при началѣ своего истока, бродовъ не имѣетъ; то по сему я осмѣлился переправить лазутчиковъ въ лодкѣ.

Ермаку вѣчную память! Герой конечно погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучумъ уже не могъ отнять Сибирскаго Царства у Великой Державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достоянiемъ."

По смерти Ермака, оставшiеся около ста пятидесяти Казаковъ, Московскихъ стрѣльцовъ и иноземцевъ Строгоновской дружины, подъ начальствомъ одного изъ оставшихся въ живыхъ Атамана Мещеряка, оставили Искеръ 15 Августа 1584 года. Мещерякъ встрѣтился на рѣкѣ Турѣ съ Воеводою Мансуровымъ, отправленнымъ Царемъ Θеодоромъ Iоанновичемъ съ отрядомъ Стрѣльцовъ въ Сибирь и возвратился назадъ. Въ слѣдъ за Мансуровымъ прибыли еще три отряда, съ знатнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ, которые, соединившись, покорили Сибирь, въ 1585 году вторично, и на вѣчныя уже времена. Сiи новые завоеватели построили Тобольскъ, при защищенiи котораго палъ Мещерякъ. Остатки Донскихъ Казаковъ, вмѣстѣ съ Стрѣльцами, женившись, поселились въ Сибири, и сдѣлались родоначальниками Сибирскихъ Казаковъ.

ГЛАВА II.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА, БОРИСА ГОДУНОВА И ШУЙСКАГО.

Вторая Грамата Донскому войску. Султанъ требуетъ удовлетворенія за разбои Казаковъ. Донцы раззоряютъ Воронежъ, Трапезонтъ, и Синопъ. Строгій выговоръ Атаманамъ и Казакамъ. Донцы служатъ Лжедимитрію. Признаютъ втораго, и третьяго, и съ Дона привозятъ четвертаго самозванца. Переходятъ подъ знамена отечественныя. Подъ начальствомъ Заруцкаго злодѣйствуютъ и убиваютъ Ляпунова, главу правительства. Участвуютъ при освобожденіи Москвы. Великодушный поступокъ Казаковъ. Казаки преслѣдуютъ Польскаго Короля изъ Россіи.

1584 — 1613 г.

Вторая Грамата Донскому войску. 1584 г. Авг. 31.

Если бы первыя три Граматы, сохранившіяся до нашего времени, были затеряны, то многіе Русскіе люди, какъ напримѣръ: Павловы, Сидоркины, Ивановы и проч., согласно мнѣнію Г. Попова, увѣрились бы въ томъ, будто они происходятъ отъ Амазонокъ и Черкесъ, отъ Скиѳовъ и Аланъ, Венгерцовъ и Татаръ; и неосновательное мнѣніе, что Казаки, при начальномъ образованіи своего общества, составляли республику самобытную, независимую, непризнававшую надъ собою власти Россійскихъ Монарховъ, могло бы укрѣпить ихъ отчужденіе отъ Русскихъ, которое къ сожалѣнію и теперь еще замѣтно.

Вторая Грамата, которая за утратою Граматы въ 1571 году писанной, почитается на Дону первою, такъ искажена переписчиками въ слогѣ и содержаніи, что я почитаю нужнымъ и сію выписать изъ Собранія Граматъ и договоровъ (См. часть II стр. 86) отъ слова до слова:

„Отъ Царя и Великаго Князя Θеодора Ивановича всея Русіи, на Донъ, Донскимъ Атаманомъ и Казакомъ старымъ и новымъ, которые нынѣ на Дону, и которые зимуютъ близко Азова. Послали есмя во Царьградъ, къ Турскому Муратъ Салтану, въ посланникехъ, Бориса Петровича Благово, а итти велѣли есмя, Борису на Азовъ да на Кафу; и какъ Борисъ пойдетъ на Азовъ Дономъ и вы бъ, одноличио, съ Азовскими людьми жили смирно, и задору никотораго Азовскимъ людемъ не чинили, чтобы въ томъ нашему дѣлу порухи не было. И которые, будетъ, Азовскіе люди учнутъ ходить на Донъ, и по рѣкамъ, для рыбныхъ ловель, и для дровъ и иныхъ которыхъ запасовъ; и вы бъ тѣхъ людей, Дономъ и по рѣкамъ пропущали, и задору никотораго не чинили. А мы Борису, съ Азовскимъ Санчакомъ велѣли о томъ договоритися, чтобы Азовскіе люди, по тому жъ жили съ вами смирно и задоровъ вамъ не чинили, никакихъ; а договорясь, къ вамъ велѣли есмя, Борису, и отписати и знамя послати къ вамъ, что онъ приговоритъ съ Азовскимъ Санчакомъ, чтобы вамъ то вѣдомо было. И какъ Борисъ къ вамъ отпишетъ, или прикажетъ, и вы бъ въ Азовъ, отъ себя ссылаясь

къ Азовскому Санчаку, что къ вамъ нашъ указъ пришелъ, и велѣно вамъ съ Азовскими людьми быти въ миру, и задору никотораго дѣлати не велѣно, и на Крымскіе улусы вамъ ходить не велѣно, и они бъ, потому жъ съ вами жили въ миру и сами бы не задирали, только-бъ есте того берегли накрѣпко, какъ воинскіе люди Крымскіе, и Казыева улуса и Нагаи поидутъ войною на наши Украйны, или которые воинскіе люди пойдутъ съ полономъ, съ нашихъ Украинъ и вы бъ въ тѣ поры на тѣхъ людей, на перевозехъ, приходили и надъ ними промышляли, чтобы надъ ними далъ Богъ, поискъ учинити и полонъ отполонити: тогобъ есте однолично берегли накрѣпко, а намъ тѣмъ служили, а мы васъ, за вашу службу, жаловать хотимъ. А нынѣ есмя къ вамъ свое жалованье, которые ходили Атаманы і казаки подъ Калміюсъ, послали съ Борисомъ съ Благимъ, селитру и свинецъ, а впередъ васъ, своимъ жалованьемъ, хотимъ жаловати; а какъ придетъ изо Царягорода Борисъ назадъ въ Азовъ, и вы бъ его, отъ Азова, проводили до Рязскаго города, межъ себя городокъ отъ городка. А которые останутся низовые Атаманы отъ Азова до Роздоровъ, и вы бъ ихъ імяна, хто имянемъ атаманъ, и сколко съ которымъ Атаманомъ казаковъ останется, то бъ есте имянно переписавъ, дали письмо посланнику нашему Благово, а мы Борису велѣли тѣхъ имена прислати къ намъ; а мы къ нимъ впередъ, на веснѣ рано, свое жалованье пришлемъ. А какъ Борисъ въ Азовъ придетъ, и вы бъ его прово-

дили, чтобы ему Казыева улусу и отъ Крымскихъ людей, пройти здорово и безстрашно; а будетъ Салтанъ Турской пошлетъ къ намъ, съ нашимъ Борисомъ Благово, своего Посланника, и вы бъ его, Посланника, провожали чесно, вмѣстѣ съ Борисомъ. Писана на Москвѣ, Лѣта 1584. Августа въ 31 день.

Султанъ требуетъ удовлетворенія за разбои Казаковъ. 1585 г.

Въ Декабрѣ 1585 года, Благово возвратился въ Москву вмѣстѣ съ Турецкимъ Посломъ Чаушемъ Ибрагимомъ. Сей Посолъ представилъ письмо, въ которомъ Султанъ, называя Ѳеодора Іоанновича Королемъ Московскимъ, изъявилъ ему благодарность за добрую волю — быть въ дружбѣ съ Оттоманскою Имперіею; подтверждалъ свободу торговли для нашихъ купцовъ въ Азовѣ; но въ доказательство истинной дружбы требовалъ, выдать Ибрагиму, измѣнника Крымскаго Царевича Мурата Кирѣева, и немедленно унять Донскаго Атамана Кишкина, злаго разбойника Азовскихъ предѣловъ, чтобы ваши Казаки подъ Азовомъ людей нашихъ не тѣснили, не грабили и не убивали [a]. Видя, что Султанъ не думаетъ о заключеніи дружественнаго договора, а желаетъ только торговать съ Россіею, Царь отпустилъ Турецкаго Посла съ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе Казаки Литовскіе; что Атаманъ Кишкинъ отозванъ въ Москву, и товарищамъ его не велѣно

[a] Грамата сія отъ слова до слова напечатана въ Древней Рос. Вивліоѳикѣ, Часть XII. стр. 15.

тревожить Азовцевъ; о Муратѣ же, нашемъ слугѣ и присяжникѣ, будетъ написано съ новымъ Посломъ Царскимъ. Но въ теченіи слѣдующихъ шести лѣтъ Царь никого не посылалъ въ Царьградъ, и даже явно началъ дѣйствовать противу Султана; ибо, въ самый день Ибрагимова отпуска, 5 Октября 1586 года, Государь торжественно принялъ Грузію въ подданство; послалъ Воеводу Князя Хворостинина съ дружиною Стрѣльцовъ въ городокъ Терскій, который хотя былъ уже оставленъ; но въ немъ еще держались вольные Казаки, преграждавшіе Туркамъ путь къ Дербенту. Въ 1588 году, Царь заключилъ союзъ съ Персидскимъ Шахомъ, что обнаруживало уже такое недоброжелательство, которое могло, и долженствовало быть весьма непріятно Султану.

Около сего времени, Донскіе Казаки являются на ратномъ полѣ въ значительныхъ силахъ. Принимая къ себѣ Запорожскихъ Казаковъ и всякихъ бродягъ, вели они непрестанную войну съ Азовомъ, съ Черкесами, съ Тавридою; и ватагами ходили на море искать добычи, слушаясь и не слушаясь указовъ Царскихъ. Въ Константинополѣ, Послы наши называли ихъ шайкою разбойниковъ; а изъ Москвы посылали имъ воинскіе снаряды, порохъ, свинецъ; такъ что, если Султанъ вредилъ намъ набѣгами Крымскихъ Татаръ, Царь могъ вредить ему своею Донскою вольницею, которая, прикрывая границы съ сей стороны, не уступала въ ловкости и искуствѣ наѣздничьемъ, лучшимъ

Крымскимъ грабителямъ. Посему уваженію, когда Казаки своевольствомъ заслуживали опалу, то Государи, снисходя, щадили ихъ за то, что они были непримиримыми врагами злодѣевъ и зломышленниковъ Россіи.

Донцы разоряютъ Воронежъ, Трапезонтъ и Синопъ. 1590 г.

Не смотря на угрозы и строгія мѣры, принимаемыя Правительствомъ, Донцы продолжали своевольствовать и заниматься любимымъ и единственнымъ ремесломъ своимъ. Въ 1590 году, вмѣстѣ съ Запорожцами они ограбили и сожгли Воронежъ (а), убили тамошняго Воеводу Князя Долгорукова-Шабановскаго; и въ томъ же году, также, вмѣстѣ съ Запорожцами, ограбили нѣсколько Турецкихъ купеческихъ кораблей, пристали къ берегамъ Малой Азіи, опустошили и выжгли города Трапезонтъ и Синопъ.

Строгій выговоръ Атаманамъ и Казакамъ. 1593 г.

Дворянинъ Нащокинъ, отправленный Посломъ въ Константинополь, требовать, чтобы Султанъ Амуратъ запретилъ Крымскому Хану, Азовцамъ и Бѣлогородцамъ, во время мира воевать Россію; писалъ изъ Азова въ Москву, что Казаки Станицъ низовыхъ силою отняли у него дары Государевы, не хотѣли безъ окупа выдать ему взятыхъ ими въ плѣнъ Султанскаго Чауша съ шестью Черкесскими Князьями, и съ досады одному изъ нихъ отсѣкли руку, вопя на шумной сходкѣ: *„Мы вѣрны Царю Бѣлому, но кого беремъ саблею, того не*

(а) Исторія Малороссіи, часть I стр. 157.

освобождаетъ даромъ!" Государь Ѳеодоръ Іоанновичъ, справедливо раздраженный симъ своевольствомъ и дерзостію, послалъ на Донъ Войсковому Атаману Степану Ершову и Казакамъ верховымъ и низовымъ грамату, отъ 20 Марта 1593 года, слѣдующаго содержанія. „Посланникъ Нащокинъ доставилъ вамъ повелѣніе Наше жить съ Азовцами мирно, а нынѣ до Насъ слухъ дошелъ, что вы проводивъ Посла съ Азовскими людьми размирье учинили, а къ Намъ писали вы, что Азовскій Князь отпустя Посланника, захватилъ 130 вашихъ Казаковъ, да двухъ толмачей, многихъ казнилъ, а прочихъ посадилъ на галеры. Посланникъ же Нашъ къ Намъ писалъ, что ему за ваше размирье великое въ Цареградѣ было изтязанье. По полученіи сей граматы, сославшись, съ Азовцами немедленно помиритесь, хотя бы вамъ и досада какая отъ Азова произошла; помирившись же отнюдь въ море на грабежъ не ходите, и тѣмъ Насъ съ Турецкимъ Султаномъ не ссорьте. Послушаетесь, тѣмъ службу свою прямую Намъ покажете, и жалованья Нашего не лишитесь; не послушаетесь, на всегда лишимъ васъ и жалованья и милости Своей. Если же, паче чаянія, и послѣ сего, Нашему дѣлу съ Турками какую *поруху* учините, опалу на васъ возложимъ, въ Москву для ласки никогда васъ не призовемъ, пошлемъ на васъ рать, велимъ на мѣстѣ вашего *Раздора* (n) поставить свою крѣпость, изгонимъ васъ съ Дону, и

(n) Главный на Дону городокъ, нынѣ Раздоринская станица.

вмѣстѣ съ Султаномъ не позволимъ вамъ *воровать*, какъ нынѣ *воруете*. Страшитесь Моего гнѣва, съ Азовцами неукоснительно помиритесь; Турецкаго Чауша, долженствующаго прибыть на Донъ съ Нащокинымъ, и посылаемаго къ вамъ для встрѣчи ихъ Измайлова примите и препроводите до нашей Украйны съ честію, давъ въ распоряженіе Измайлова отъ 200 до 300 человѣкъ. Лучшій отрядъ доброконныхъ и вооруженныхъ Атамановъ и молодцовъ, пошлите погромить Араслана Дивѣева Улусъ, что на Калміусѣ, и добудьте тамъ языковъ, чтобы намъ про Ханово умышленье узнать своевременно. Если до прибытія пословъ Татара и Азовцы пойдутъ войною на Украйну, вы ступайте на шляхи и перевозы въ тылъ врагу, и сошедшись на Донцѣ съ Путивльскими и Запорожскими Черкасами, тамъ по Указу Нашему съ Гетманомъ Хриштопомъ Косицкимъ находящимся, дѣйствуйте совокупно и за одно. На Казыевъ и Араслановъ Улусы придутъ Нагайцы со многими людьми, съ Нашимъ Боярскимъ сыномъ и имъ помогайте усердно, и гдѣ нужно перевозите ихъ чрезъ Донъ. Нынѣ, съ вашимъ Атаманомъ Венюковымъ съ товарищами, посылаемъ вамъ только по три пуда свинцу и зелья; а съ Измайловымъ, смотря по нынѣшней службѣ вашей и радѣнью, пришлемъ болѣе. Какія у васъ вѣсти поновятся, не мѣшкавши присылайте къ Намъ Атамана съ товарищами, коньми въ станицѣ."

Законъ 1593 году 5 Марта, уничтожившій свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ во-

лость, изъ села въ село, и на вѣки укрѣпившій ихъ за господами, особенно былъ непріятенъ Донцамъ, по причинѣ той, что съ сего времени число выходцевъ изъ Россіи гораздо поуменьшилось; но времянное позволеніе (1602) крестьянамъ снова переходить отъ помѣщика къ помѣщику, вскорѣ замѣнило убытокъ, послѣдовавшій въ народонаселеніи Донской земли. Безпорядки самозванцевыхъ временъ еще болѣе увеличили число удальцовъ, стремившихся на Донъ, которые прельщаясь волею и веселою разгульною жизнію, шли туда толпами.

Въ продолженіе царствованія Бориса Өеодоровича Годунова, я не отъискалъ никакихъ особенныхъ подробностей, относящихся къ Исторіи Донскаго Войска; почтенный Исторіографъ упоминаетъ только о двухъ происшествіяхъ и то слегка: 1°. Въ 1603 году Казы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ изъ Тавриды Посла Государева, Князя Борятинскаго, за то, что онъ не хотѣлъ удержать Донскихъ Казаковъ отъ впаденія въ Карасайскій Улусъ, и отвѣчалъ грубо: „у васъ есть сабля; а мое дѣло сноситься только съ Ханомъ, не съ ворами Казаками.“ 2°. Донскіе Казаки, вмѣстѣ съ Волжскими Ногаями, подвластными главному Хану ихъ, Иштереку, Казыевъ Улусъ, кочевавшій близъ Азова, такъ разорили, что многіе изъ нихъ отъ нищеты продавали дѣтей своихъ въ Астрахани.“

Временное позволеніе крестьянамъ переходить отъ помѣщика къ помѣщику, было стѣснено столь

многими ограниченіями, что онымъ были не довольны и помѣщики и крестьяне. Въ теченіе голоднаго года, въ то самое время, когда Царь Борисъ Ѳедоровичь оказалъ столь много щедрости и любви къ подданнымъ, безпокойный духъ народа обнаружился въ замыслахъ Хлопки Косолапа, объявившаго себя защитникомъ свободы крестьянъ, многочисленныя толпы которыхъ, уже грабительствовавшія въ окрестностяхъ Москвы, истреблены были по кровопролитной битвѣ, посланными противу ихъ войсками. Сіе обстоятельство доставило Донскимъ Казакамъ многихъ выходцовъ, и съ сего времени являются они на ратномъ полѣ въ значительныхъ силахъ.

Донцы служатъ Лжедимитрію. 1603 г.

Честолюбіе Годунова ввергнуло Россію въ бездну злополучія, почти не слыханнаго. Если сей Цареубійца, взошедъ на престолъ, правилъ благоразумно, то не онъ ли низвергъ Россію, съ высоты славы и могущества, въ уничиженіе? не онъ ли предалъ Отечество, въ добычу Ляхамъ и бродягамъ? Гришка Отрепьевъ, первый Самозванецъ, назвавшійся Димитріемъ Царевичемъ, въ Угличѣ Годуновымъ умерщвленнымъ, зная свойство строптивыхъ Казаковъ; зная, что они не любили Бориса, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбои, послалъ на Донъ Литвина Свирскаго съ грамотою. Отрепьевъ писалъ, что онъ сынъ перваго Царя Бѣлаго, „коему вы вольные Христіанскіе рыцари присягнули въ вѣрности;“ звалъ ихъ на дѣло славное: „свергнуть раба и злодѣя съ

престола Іоаннова.“ Въ 1603 году, два Атамана, Андрей Корела и Михайло Нежаковъ, спѣшили видѣть Лжедимитрія, видѣли его честимаго Сигизмундомъ Королемъ Польскимъ, Вельможными Панами и сдѣлавшись первыми изъ Россіянъ предателями, возвратились къ товарищамъ съ удостовѣреніемъ, что ихъ зоветъ истинный Царевичъ. Двѣ тысячи Донскихъ удальцовъ сѣли на коней и прискакали въ Самборъ, гдѣ Сендомирскій Воевода Мнишекъ собиралъ для Самозванца войско. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ послалъ на Донъ дворянина Хрущова, вывести Казаковъ изъ бѣдственнаго заблужденія; ни грамота, ни слова не дѣйствовали: Казаки схватили Хрущова, оковали и привезли къ Самозванцу. Хрущовъ, представленный ему въ Сокольникахъ (3 Сент. 1604 г.), взглянулъ .... залился слезами, и павъ на колѣна, воскликнулъ: „Вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга на вѣки!“ Съ него сняли оковы, и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстію, въ знакъ усердія увѣрялъ новаго своего Государя, что народъ и знатные люди, дожидаютъ его прибытія съ радостію и любовію; что Воеводы Шереметевъ и Салтыковъ, на пути его Хрущова къ Дону, будто ему сказали: „трудно противу природнаго Государя воевать.“

По разбитіи Отрепьева въ Добрыничахъ (21 Ян. 1605), еще 4000 Донскихъ Казаковъ, забывъ совѣсть и долгъ чести, прибыли къ нему въ Путивль. Въ Кромахъ, осажденныхъ многочисленною

80000 ратію Царя, 600 Донцовъ, подъ начальствомъ Атамана Корелы, счастливо въ продолженіе шести недѣль отсидѣлись, по той причинѣ, что Воеводы и воины уже замышляли предать Бориса. Все войско, возмущенное измѣнникомъ Басмановымъ, кромѣ трехъ воеводъ, бѣжавшихъ въ Москву, тутъ же при осадѣ Кромъ (27 Маія) перешло на сторону Самозванца.

Вскорѣ по убіеніи Отрепьева (17 Маія 1606 г.) Князь Григорій Шаховскій, пылая ненавистію къ виновникамъ Лжедмитріевой гибели, рѣшился на злодѣйство, удивительное и для того вѣка: созвалъ гражданъ въ Путивлѣ, и сказалъ имъ торжественно, что Московскіе измѣнники, вмѣсто Димитрія, убили какого-то Нѣмца, что истинный сынъ Іоанна, живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи отъ своихъ друзей Сѣверскихъ. И столь нелѣпой сказкѣ повѣрили! Сначала одни Донскіе Казаки, и нѣсколько поселянъ пограничныхъ съ Польшею городовъ, потомъ, даже не видя Самозванца, и знатные люди перешли подъ знамена Шаховскаго. Вскорѣ число мятежниковъ увеличилось до того, что они угрожали конечнымъ разореніемъ самой столицѣ. Кто не вѣрилъ грубому, безстыдному ихъ обману; кто не хотѣлъ измѣнить Царю Василію и дерзалъ противиться, тѣхъ убивали, вѣшали, кидали съ башенъ, распинали!...

При столь ужасномъ волненіи умовъ, многіе изъ вельможъ, измѣнившихъ Василію, образуми-

лись и съ повинною явились къ Царю. Болотниковъ, дворовой человѣкъ Князя Телятевскаго, предводительствуя одними Казаками, остатками отъ разбойничей шайки Хлопки Косолапа, бѣглыми холопями и Сѣверскими бродягами, 2 Декабря 1606 года, близъ Серпухова былъ разбитъ Княземъ Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ. Мятежники разбѣжались, одни Казаки еще держались въ укрѣпленномъ селеніи Заборье; но наконецъ съ Атаманомъ Беззубцовымъ сдались, присягнувъ Василію въ вѣрности. Болотниковъ успѣлъ однакожъ собрать до 10,000 своей сволочи, укрѣпился въ Калугѣ, и отразилъ всѣ нападенія Царскихъ Воеводъ.

Еще до смерти Отрепьева, слуга Елагина, Илейка, назвалъ себя Петромъ, сыномъ Царя Θеодора Іоанновича, будто бы подмѣненнаго при рожденіи, дочерью. Гришка, повелѣлъ его Илейку, какъ племянника своего привести въ Москву. Илейко, сопровождаемый Терскими Казаками на пути къ Москвѣ, узнавъ о гибели растриги, бѣжалъ назадъ къ Казани, откуда спустясь на судахъ по Волгѣ, злодѣйствовалъ, выжегъ селенія до Царицына, гдѣ убилъ Князя Ромадановскаго и Воеводу Акинфіева и остановился зимовать на Дону. Казаки признаютъ втораго Самозванца. 1607 г.

Желая прекратить ужасныя грабительства, произведенныя между Казанью и Астраханью Самозванцемъ Петромъ съ его Терскими и Донскими Казаками, Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій издалъ, 9 Марта 1607 года, рѣшительный Указъ о

укрѣпленія навсегда крестьянъ за помѣщиками. Народъ, приведенный симъ въ отчаяніе, подъ предводительствомъ Болотникова, собрался подъ городомъ Кромами. Чтобы придвинуться къ Москвѣ, Царскіе Воеводы снимаютъ осаду Ельца, но воины ихъ самовольно оставляютъ знамена и расходятся по домамъ. Болотниковъ безпрепятственно идетъ къ Столицѣ, на пути убивая дворянъ и сожигая ихъ помѣстья; беретъ Коломну приступомъ, и разбивъ Царскія войска при селѣ Троицкомъ, располагается лагеремъ въ селѣ Коломенскомъ, въ 8 верстахъ отъ Москвы. Въ то же время народъ возмущается въ Казани и Астрахани; но жители Смоленска, подъ начальствомъ нѣкоего Полтева, идутъ на помощь Столицѣ. Рязанцы и многіе изъ служившихъ Болотникову, предлагаютъ службу свою Царю. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій съ сими новыми войсками разбиваетъ на-голову Болотникова, который изъ Коломенскаго бѣжитъ въ Калугу и тамъ снова укрѣпляется. Между тѣмъ Шаховской, не имѣя еще подставнаго, такъ называемаго втораго Лжедимитрія, призналъ Илейку сыномъ Θеодоровымъ, обѣщая ему Царство, если Димитрій не явится. Илейко, сопровождаемый Терскими и Донскими Казаками, былъ встрѣченъ въ Путивлѣ, съ честію, и вскорѣ съ Шаховскимъ и Теляшевскимъ, разбивъ Царскія войска при Пчельнѣ, и принудивъ ихъ снять осаду Калуги, прибылъ въ Тулу, гдѣ и Болотниковъ съ своею толпою къ нимъ присоединился. Царь самъ принялъ начальство надъ войсками, и пошелъ къ Серпу-

хову. Другой корпусъ, подъ начальствомъ Князя Голицына изъ Рязани и Коломны, шелъ къ нему на соединеніе по правому берегу Оки. Самозванецъ нападаетъ на сей послѣдній на рѣчкѣ Вяземѣ, близь Коширья, но разбитый бѣжитъ къ Тулѣ. По взятіи Алексина приступомъ, 5 Іюня 1607 года, мятежники снова были разбиты на берегахъ Восмы, оставивъ Царскимъ Воеводамъ 5000 плѣнныхъ и весь обозъ. Храбрѣйшіе изъ мятежниковъ, Казаки Терскіе, Донскіе и другіе, числомъ 1700 человѣкъ, засѣвъ въ оврагахъ, долго защищались; наконецъ на третій день сдались, и были всѣ казнены. Мятежники еще хотѣли отвѣдать счастія: въ семи верстахъ отъ Тулы, на рѣчкѣ Воронеѣ, сразились съ полкомъ Князя Скопина-Шуйскаго и бѣжали въ городъ. Болотнитовъ защищался упорно: началась осада медленная и кровопролитная, подобная Калужской. Наконецъ, счастливая мысль одного воина, дала Царю Василію способъ, взять Тулу безъ кровопролитія. Муромецъ, сынъ Боярскій, именемъ Суминъ Кравковъ, запрудилъ Упу плотиною. Ужасъ потопа и голода смирилъ осажденныхъ: 10 Октября 1607 года, Тула здалась и взятые въ ней Самозванецъ Петрушка, Шаховской, Болотниковъ, многіе другіе чиновники, въ томъ числѣ и Атаманъ Донскихъ Казаковъ Ѳедоръ Нагиба, были казнены или посланы въ ссылку.

Казаки служатъ и третьему Самозванцу. 1607 г.

Въ продолженіе осады Тулы, гдѣ, какъ казалось, всѣ крамольники погибли, Поляки сыскали другаго смѣльчака, который согласился принять

на себя ролю Растриги. Украинскій уроженецъ, Поповскій сынъ Матвѣй Веревкинъ, или какъ увѣряютъ современные лѣтописцы, Жидъ, явился въ Стародубѣ, подъ именемъ Андрея. Нагаго, и потомъ объявилъ себя истиннымъ Царевичемъ Димитріемъ. Многіе знали Отрепьева, не разъ его видали; и, не смотря на разительное несходство сего Жидовскаго сына съ Дьякономъ, не смотря на столь явной, очевидный обманъ; отъ ненависти ли къ Царю, отъ буйности, или привычки къ мятежу, — только Жида приняли какъ законнаго Царя Рурикова рода.

Польское юношество, скучая праздностію, кипя ненавистію къ Василію, возсѣвшему на Престолъ Отрепьева, обагреннаго кровію Ляховъ; не ждало указа Королевскаго и рѣшенія Сейма. Въ неурядной Польшѣ, самовольство почиталось какъ бы нѣкоею принадлежностію всякаго Шляхтича, и за самое буйство не слишкомъ строго взыскивалось; а тутъ Сигизмундъ и Вельможные молчали.... Панъ Мѣховецкій, другъ Растриги, назвался Гетманомъ, руководителемъ, пестуномъ Жида, и вскорѣ явился къ нему съ толпою Польской вольницы, болѣе корыстолюбивой, нежели ревнивой къ славѣ.

Полчища сего третьяго Самозванца, узнавъ о погибели своихъ соумышленниковъ въ Тулѣ, хотя отошли назадъ къ Трубчевску; но какъ вся южная Россія, за исключеніемъ не многихъ городовъ, признали его своимъ Царемъ; а Василій неосторожно отпустилъ войско свое для отдохновенія,

то сіи нестройныя толпы снова обратились на Москву. Хотя Жидъ не могъ взять Брянска, но толпы его еще держались въ Калугѣ; Василій же неблагоразумно послалъ для покоренія Калуги, тѣхъ 4000 Казаковъ, которые въ прошедшемъ году сдались ему при Заборье. Донцы и другіе Казаки, прибывъ въ Калужской станъ, взбунтовались, принудили Царскихъ Воеводъ снять осаду, а сами частію вступили въ Калугу, частію ушли къ Самозванцу.

Казаки приводятъ съ Дона четвертаго Самозванца.

Рать Лжедимитрія усилилась новыми шайками Польской и Донской вольницы, изъ коихъ послѣднія представили ему какого-то неизвѣстнаго бродягу, мнимаго Царевича Ѳедора, будто-бы втораго сына Ирины; но Самозванецъ-Жидъ не хотѣлъ признать его своимъ племянникомъ, и велѣлъ его умертвить.

1608 г.

13 Апрѣля 1608 года, Лжедимитрій, или лучше новый его Гетманъ Рожинскій, разбилъ Царскія войска подъ Болховымъ, безпрепятственно дошелъ до Москвы, и укрѣпившись въ Тушинѣ, осадилъ Столицу. При сей продолжительной осадѣ, Донскіе Казаки въ чаяніи, не славы или наградъ за правое дѣло, но добычи, усердно служили сему такъ названному Тушинскому вору.

Въ семъ же 1608 году 23 Сентября другой служившій Тушинскому вору, Польскій Гетманъ Сапега осадилъ Лавру Троицы Сергія, которую оборонялъ мужественный Князь Долгорукій. Во

время сей достопамятной осады, продолжавшейся 16 мѣсяцовъ, и кончившейся неудачно для Польскихъ промышленниковъ, пришедшихъ туда для похищенія монастырскихъ сокровищъ; Атаманъ Епифанецъ, устрашенный соннымъ видѣніемъ, устыдился воевать Святую обитель, оставилъ Сапегу и съ 500 Донскихъ Казаковъ возвратился въ свою отчизну.

1610 г. Въ 1610 году Польскіе послы въ Москвѣ обманывали Царя мирными переговорами, заключили даже на три года перемиріе; но лишь успѣли выручить изъ плѣна Воеводу Сендомирскаго съ дочерью и другихъ знатныхъ Поляковъ; успѣли подкрѣпить Самозванца новымъ набродомъ Польской вольницы, то Сигизмундъ, снявъ личину, явно обнаружилъ себя врагомъ Россіи; осадилъ Смоленскъ и приказалъ Гетману Рожинскому схватить Лжедимитрія. Лжедимитрій, провѣдавъ о предательствѣ, тайно ночью и переодѣвшись, бѣжалъ въ Калугу. Русскіе, почитавшіе Лжедимитрія истиннымъ Царевичемъ, не хотѣли служить коварному Королю. На-утро Донцы сѣли на коней и выступили изъ Тушина къ Калугѣ; но Рожинскій съ своими латниками настигъ ихъ, изрубилъ болѣе тысячи человѣкъ, а остальныхъ принудилъ возвратиться. За всѣмъ тѣмъ, когда еще яснѣе открылись злые замыслы Сигизмунда, Казаки и всѣ Русскіе измѣнники мало по малу начали перебѣгать въ Калугу.

Въ теченіе 1610 года, Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, вмѣстѣ съ вспомогательнымъ Швед-

скимъ корпусомъ, соединившись съ Корпусомъ Шереметьева, пришедшаго отъ Астрахани, принудилъ Сапегу снять осаду Лавры Троицы Сергія, а Гетмана Рожинскаго снять осаду Москвы. По смерти Кн. Михаила, въ которомъ Россія потеряла вѣрную надежду на спасеніе, новый предводитель Кн. Дмитрій Шуйскій, предательски оставленный Шведскимъ Генераломъ де-ла Гардіемъ, и разбитый Поляками подъ Клушинымъ, былъ причиною низведенія съ Престола брата своего Царя Василія.

Казаки переходятъ подъ знамена отечественныя. 1611 г.

По смерти втораго Лжедимитрія, убитаго на охотѣ Ногайскимъ Княземъ Арасланомъ Урусовымъ, Россія не имѣла Царя, и пока не было даже и Самозванца. Въ сіе время несчастное отечество, раздираемое крамольниками и честолюбцами, представляло зрѣлище, достойное сожаленія. Города были разорены, селенія пусты, народъ волновался, тревога сдѣлалась повсемѣстною. Всѣ были вооружены, всѣ стремились невѣдомо куда, каждый дѣйствовалъ по своему разумѣнію; но общее мнѣніе сосредоточивалось, соглашалось въ одной мысли, что безъ Царя сиротствующая Россія, какъ тѣло безъ главы, погибнетъ.

Ляпуновъ избранъ былъ начальникомъ отъ всей земли; ибо онъ первый призвалъ къ оружію сыновъ Россіи. Воеводы не слушались его, наконецъ рѣшились избрать новаго начальника; но, вмѣсто одного, выбрали трехъ: вѣрные Ляпунова, служившіе Тушинскому вору — Князя Тру-

бецкаго; грабители-Казаки, — Атамана Заруцкаго, (изъ Запорожцевъ) чтобы такимъ зловѣщимъ выборомъ утвердить союзъ Россіянъ добрыхъ съ бывшими измѣнниками, дабы общею ихъ силою воспротивиться властолюбію и козням Сигизмунда. Войско собралась въ Александровской слободѣ, которая, напоминая народу времена Іоанна Грознаго, обратилась теперь въ мѣсто надежды и спасенія. Тріумвиратъ сей, главою коего былъ гордый, но умный и дѣятельный Ляпуновъ, вмѣсто Владислава, сына Сигизмунда, избраннаго измѣнникомъ Салтыковымъ, предложили Престолъ Шведскому Царевичу; одинъ же изъ нихъ тайно желалъ воцарить младенца, рожденнаго Мариною, на другой день смерти Тушинскаго вора, втораго ея мужа. Князь Пожарскій, Мининъ и Келарь Аврамій Палицынъ, составляли другой Тріумвиратъ, который отвергалъ и Владислава и Карла Филиппа, Шведскаго Царевича; — желалъ прежде освободить отечество отъ власти Поляковъ, изгнать изъ предѣловъ Русской земли всѣхъ иноземцевъ; а потомъ всею землею избрать Царя. Сіи истинные патріоты дѣйствовали еще втайнѣ, они собирали силы въ Нижнемъ Новѣгородѣ: пока одинъ вѣрный Отечеству Ляпуновъ дѣйствовалъ и представлялъ главу Правительства.

Сигизмундъ, не во время снялъ личину притворства и безразсудно объявилъ Россіи войну, но по счастію образумилъ тѣмъ самыхъ заблуж-

денныхъ, и симъ ускорилъ часъ великодушнаго и грознаго возстанія народа. Доселѣ Ляхи успѣвали единственно именемъ Димитрія, котораго простой народъ и честолюбивые измѣнники признавали и защищали какъ истиннаго законнаго своего Царя. Но когда его не стало, когда узнали, что Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ и сына своего Владислава, избраннаго малодушными на Царство, не отпускаетъ въ Москву, то уязвленная симъ низкимъ коварствомъ народная гордость, произвела спасительный переворотъ. Всѣ сердца соединились: Россія грозно обнажила карательный мечь, величественно возстала, и Польша, посрамленная и уничиженная, утратила и добычу и честь свою. Донскіе Казаки, первые изъ заблужденныхъ, обманутыхъ хитростію Ляховъ, и корыстолюбіемъ своимъ, перешли подъ отечественныя знамена.

Казаки подъ начальствомъ Заруцкаго злодѣйствуютъ и убиваютъ Ляпунова. 1611 г.

Хотя Донскіе Казаки, вмѣстѣ съ другими, перешли подъ знамена защитниковъ Отечества, хотя уже не служили Ляхамъ, но бывъ подъ начальствомъ Атамана Заруцкаго, позволявшаго всякіе безпорядки, жили по прежнему грабежемъ, опустошали селенія, отнимали даже одежду у безоружныхъ крестьянъ, и злѣе Ляховъ громили свою землю. Строгій Ляпуновъ, принявъ великодушное намѣреніе загладить вредъ, причиненный имъ Отечеству, стараніемъ освободить оное, учредилъ* порядокъ въ сборѣ съѣстныхъ припасовъ, и всего нужнаго для содержанія своего

ополченія, вознамѣрился смирить буйство и неподчиненность Казаковъ. Для примѣра и въ страхъ другимъ, 20 казаковъ, пойманныхъ и уличенныхъ въ воровствѣ и убійствѣ, приказалъ, посадивъ въ мѣшокъ, бросить въ воду. Казаки взбунтовались, и по наущенію Заруцкаго убили Ляпунова, расхитили его имѣніе, умертвили многихъ дворянъ и дѣтей Боярскихъ. Войско пришло въ смятеніе; устройство исчезло; Заруцкій торжествовалъ, Казаки его съ новымъ неистовствомъ грабили, убивали...... Ничтожный Трубецкой, коего все достоинство состояло въ знатности рода, не могъ остановить ихъ свирѣпства. За всѣмъ тѣмъ Гетманъ Хоткевичъ, прибывшій для освобожденія осажденной Москвы, былъ отбитъ симъ неустроеннымъ войскомъ.

Наконецъ Богъ умилосердился надъ Россіею, далъ ей Избавителя, и вооружилъ истинныхъ поборниковъ чести и славы Отечества, мечемъ и мудростію. Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій и Гражданинъ Мининъ съ Нижегородскимъ и другихъ низовыхъ городовъ ополченіемъ, прибыли наконецъ къ Москвѣ, рѣшившись, въ ней, спасти Отечество, или на развалинахъ ея положить свои головы. Воины и народъ, Бояра и купцы, всѣ единомысленно встрѣтили ихъ, какъ утѣшительную надежду, которую и горькій несчастливецъ не оставляетъ даже и на краю гроба. Одинъ Заруцкій точилъ ножъ убійства.... Женившись на безстыдной Маринѣ Отрепьевой, Заруцкій, замыш-

лялъ, подъ имянемъ ея сына, сдѣлаться правителемъ Россіи; почему дѣйствія Князя Пожарскаго, Минина и другихъ патріотовъ казались ему злоумышленіемъ, заговоромъ противу его. Заруцкій, явно злодѣйствуя, скрытно коварствуя, старался остановить успѣхи патріотовъ, и при шествіи ополченія къ Москвѣ, дерзнулъ нападать на его отряды, покушался тайно убить [a] Князя Димитрія, сносился съ Поляками, съ Персидскимъ Шахомъ, и ни въ чѣмъ не успѣвъ, какъ обличенный преступникъ, какъ окаянный грѣшникъ, разбитый отрядомъ патріотовъ, подъ начальствомъ Лапаты-Пожарскаго бывшихъ, бѣжалъ съ своими Казаками къ Коломнѣ, а оттуда вмѣстѣ съ Мариною въ Михайловъ Рязанской и Астрахань. Къ чести Донскихъ Казаковъ должно сказать, что они еще во время, опомнились, оставили толпы Заруцкаго: подъ начальствомъ Атамана Межакова возвратились они къ Москвѣ, и присоединились къ войску Князя Трубецкаго, вмѣстѣ съ ними служившаго вору Тушинскому. Хотя Князь Трубецкой, раскаявшись въ своемъ заблужденіи, уже служилъ отечеству; но какъ войска его состояли изъ вольницы, буйной и непослушной, то Князь Пожарской, желая, во ввѣренномъ ему ополченіи истинныхъ сыновъ Отечества, сохранить подчиненность и любовь къ порядку, остановился особымъ ста-

(a) Казаки Романъ и Стенька, схваченные народомъ, признались въ намѣреніи убить Пожарскаго и объявили Заруцкаго главою сего злоумышленія.

*

номъ у Арбатскихъ воротъ; за что Князь Трубецкой вознегодовалъ на него, и не хотѣлъ повиноваться ему, какъ Верховному Предводителю, избранному отъ всея земли. Мудрый, праводушный, скромный, человѣколюбивый, снисходительный Пожарскій, умѣлъ сохранить въ ополченіи своемъ подчиненность, былъ несказанно любимъ воинами; и особенно отличался безкорыстіемъ своимъ, столь противуположнымъ жадности вождей Московскаго стана. Въ военныхъ дѣлахъ, великій мужъ сей, умѣлъ соединять рѣдкую храбрость съ совершеннымъ благоразуміемъ.

Казаки участвуютъ при освобожденіи Москвы. 1612 г.

22 Августа достопамятнаго 1612 года, въ сраженіи подъ Москвою съ Польскимъ Гетманомъ Ходкевичемъ, Князь Трубецкой съ своими полками оставался празднымъ зрителемъ. Въ седьмой часъ битвы, ополченіе патріотовъ было утомлено; Князь Пожарскій для поддержанія пѣхоты, принужденъ былъ спѣшить конницу. Не смотря на просьбы и приказанія, Трубецкой съ мѣста не трогался. Донской же Атаманъ Межаковъ, по убѣжденію присланнаго отъ Пожарскаго, видя, что Поляки превозмогаютъ, сказалъ Трубецкому: „*Отъ вашей нелюбви Московскому Государству пагуба становится!*“ крикнулъ на коня и со всѣмъ своимъ войскомъ, подъ начальствомъ походныхъ Атамановъ Коломны, Романова и Козлова, быстро напалъ на утружденнаго непріятеля, который, въ сей кровопролитной битвѣ, претерпѣвъ великій уронъ, въ безпорядкѣ отступилъ къ Поклонной горѣ.

Въ сраженіи 25 Августа, Князь Трубецкой, уступя первому нападенію, былъ разстроенъ и прогнанъ; но по счастію еще во время былъ поддержанъ и спасенъ стойкостію пѣхоты народнаго ополченія. Князь Пожарскій, принявъ на себя одного всю массу непріятельскихъ силъ, утомился 6-ти часовою битвою, и едва могъ держаться противу превосходнаго числа и искуства; но мужествовалъ и отчаянно защищаясь, уподоблялся скалѣ, посреди бурнаго океана неколебимо стоящей, и хотя ни шагу не уступилъ врагу, но утѣсненъ былъ до крайности. Трубецкой, также какъ и прежде, равнодушно смотрѣлъ на ужасный рукопашный бой и громъ артиллеріи, смотрѣлъ — и не хотѣлъ помочь. Поляки превозмогали, ряды наши рѣдѣли, одинъ Пожарскій не терялъ бодрости. Усердный Келарь Авраамій умолялъ Казаковъ, выручить героя, и въ награду предложилъ имъ казну Монастырскую. Межаковъ, умиленный слезами почтеннаго старца, увидя, что召 Мининъ, начальствовавшій отборною Нижегородскою конницею, гонитъ предъ собою часть Польскаго войска, выступилъ, при первомъ напорѣ взялъ приступомъ непріятельское укрѣпленіе, близъ Церкви Св. Климента построенное; а потомъ Казаки врубились въ строй непріятельскій съ такою храбростію, что не смотря на упорство врага, разстроили, поколебали его. Въ сію критическую минуту, Начальновождь, по счастію, устоялъ и выдержавъ сильнѣйшій натискъ Ляховъ, не сходя съ мѣста, покрытаго трупами, въ свою очередь уда-

рилъ, смялъ и побѣдилъ. Ходкевичъ, потерявъ артиллерію, обозъ и 10,000 одними плѣнными, совершенно разбитый и разстроенный, съ малыми остатками, не успѣвъ помочь своему Московскому гарнизону, бѣжалъ къ Польскимъ границамъ.

Великодушный поступокъ Казаковъ.

Троицко-Сергіевской Лавры, Архимандритъ Діонисій и упомянутый Келарь Авраамій, за истощеніемъ монастырской казны, прислали Атаману Межакову богатыя церковныя утвари, въ залогъ обѣщаннаго войску награжденія. Казаки возчувствовавъ свою обязанность, и видя признательность къ своимъ заслугамъ; возвратили утвари въ монастырь съ увѣреніемъ, что войско по просьбѣ Діонисія и Авраамія все исполнитъ, и не взявъ Москвы на Донъ не пойдетъ.

Стараніемъ ревностныхъ патріотовъ, главноначальствующіе Князья примирились и дружно осадили Поляковъ въ Кремлѣ и Китаѣ городѣ, гдѣ они, претерпѣвая жесточайшій голодъ, хотя принуждены были питаться даже человѣческимъ мясомъ; но опасаясь мести, рѣшились защищаться до послѣдней крайности, до послѣдней капли крови. Не смотря на храбрость и отчаяніе Поляковъ, 22 Октября 1612 года, Китай-городъ взятъ приступомъ Казаками, вскорѣ и Кремль сдался на договоръ и всѣ бывшіе тамъ Поляки и измѣнники погибли: въ живыхъ осталось только 10,000 человѣкъ. При осадѣ Москвы, хищные Казаки, озлобясь на Пожарскаго за то, что не позволялъ имъ

грабить, снова покушались его убить; но Богъ сохранилъ его.

Казаки преслѣдуютъ армію Польскаго Короля.

Въ то время, какъ бились и рѣзались ножами на самыхъ улицахъ Москвы, Князь Пожарскій особымъ корпусомъ встрѣтилъ Сигизмунда, шедшаго съ сильною ратію къ освобожденію осажденныхъ, и не допустилъ его соединиться съ остатками разбитаго корпуса Ходкевича. Король съ великою потерею отбитъ былъ отъ Горѣлаго городища и отъ Волоколамска, гдѣ Донскіе Атаманы Марковъ и Епанчинъ, подъ предводительствомъ храбраго Воеводы Ивана Карамышева, особенно отличились. Сигизмундъ, узнавъ о взятіи Москвы, и погибели всѣхъ своихъ, тамъ бывшихъ, рѣшился, при наступленіи зимы суровой, на бѣдственное отступленіе. По пятамъ преслѣдуемый легкими войсками и ежедневно ими поражаемый, отъ стужи и голода потерялъ конницу, и будучи принужденъ бросить артиллерію и обозы, Король бѣжалъ стремглавъ, и лишившись большей части своей арміи, переступилъ за границу уничиженный стыдомъ. Гордая душа его, терзаема была не столько коварнымъ и вмѣстѣ безразсуднымъ его предпріятіемъ, сколько посрамительнымъ для него и Польши неудачнымъ окончаніемъ онаго.

Сходство сего достопамятнаго похода съ кампаніею 1812 года, поразительно: политика Сигизмунда и Наполеона, мужество и искусство Пожарскаго и самонадѣянность Короля, привели къ по-

слѣдствію гибельному для враговъ и славному для Россіи, издревле и столь очевидно благимъ Промысломъ покровительствуемой. Въ обѣ замѣчательныя сіи эпохи, общее мнѣніе было одинаково сильно, и пламенная любовь къ отечеству и вѣрѣ, одушевлявшая сердца всѣхъ сословій, подобно было пушечному ядру, которое въ полетѣ своемъ низпровергло препятствія, при началѣ казавшіяся непреодолимыми.

1613 г. Князь Пожарскій, симъ столь блистательнымъ подвигомъ, заслуживаетъ наше удивленіе; но послѣдующимъ смиреніемъ и предусмотрительностію, онъ конечно превзошелъ Монка и знаменитаго Вашингтона. Безъ сомнѣнія, какъ Спаситель отечества онъ заслужилъ вѣнецъ Мономаховъ: были соискатели, но не было ни одного изъ нихъ, который бы, могъ положить на вѣсы общаго мнѣнія равносильную заслугу, еще свѣжую для всѣхъ; и хотя общее мнѣніе клонилось къ избранію одного изъ роду Романовыхъ; но Князь, подражая Годунову, могъ бы при наступившемъ избраніи Царя, склонить большинство голосовъ на свою сторону. По счастію для Россіи, Пожарскій, предвидя крамолы и зависть Бояръ, сличивъ прошедшее съ будущимъ, взвѣсивъ и оцѣня послѣдствія, бывъ уже спасителемъ, захотѣлъ быть благодѣтелемъ отечества. Князь Димитрій Михайловичь, согласно общему единодушному желанію, предложилъ вѣнчать на Царство безвѣстнаго еще, и въ монастырскомъ уединеніи жившаго съ матерью

своею, юношу Романова, роднаго племянника по матери, и послѣдняго изъ Рурикова дома Царя Ѳеодора Іоанновича. Сей подвигъ Князя Пожарскаго, могъ казаться современникамъ его дѣломъ обыкновеннымъ, но мы, видя послѣдствія, должны признать его за нѣчто благое, великое и великодушное; ибо съ возшествіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича, Россія, подобно бурею взволнованному морю, постепенно утихла и успокоилась. Послѣ 14-лѣтнихъ бѣдствій, на пепелищахъ и развалинахъ явились новые города и села; и послѣ столь страшнаго испытанія, по волѣ Высочайшаго Промысла, любезное отечество преуспѣло во славѣ и могуществѣ. Всѣ враги наши пали, и Монархи Романова рода, неколебимо слѣдуя блестящимъ путемъ величія и славы, достигли мѣты, и возвели Россію на первую степень Державъ Европы. Грозная своимъ могуществомъ, неодолимая своею любовію къ Вѣрѣ, Царю и Отечеству, ровно чрезъ 200 лѣтъ, Россія въ царствованіе Александра I была уже столь сильна, что безъ всякихъ видовъ корысти, могла возстать противу новаго Аттилы, и низвергнувъ его съ престола, возвратить изгнаннымъ и уничиженнымъ Царямъ, похищенные у нихъ престолы.

ГЛАВА III.

ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

Казаки берутъ Синопъ въ Анатоліи. Годовое жалованье Донскому войску. Подвиги Казаковъ на Черномъ морѣ и въ Крыму. Предложеніе Султана свести Казаковъ съ Дона. Убіеніе Воеводы Карамышева. Покореніе Азова. Выговоръ за убіеніе Турецкаго посла. Разбитіе Донской флотиліи. Достопамятное сидѣніе Казаковъ въ Азовѣ. Награда отличившимся при осадѣ. Похвальная грамота за удержаніе Азова. Соборъ объ удержаніи Азова. Оставленіе Азова по Указу Царя.

1613 — 1645.

1615 г. Въ 1615 году, Царь Михаилъ Ѳеодоровичь, позволилъ Донскимъ Казакамъ безпрепятственно посѣщать родимцевъ своихъ въ Украинскихъ городахъ, и торговать съ ними безпошлинно.

Казаки берутъ Синопъ въ Анатоліи. 1616 г. Во время междуцарствія, смутъ и бѣдствій, множество бездомныхъ, вышли изъ Россіи и поселились на Дону. Усилившись, Казаки начали производить свои набѣги смѣлѣе, и съ сего времени, несмотря на ограниченность познаній, съ отвагою являются на морѣ. Азовскіе Турки, дабы воспрепятствовать Донскимъ лодкамъ выходить въ море, построили на берегахъ рѣки, ниже крѣпости, двѣ башни, вооружили ихъ пушками, и между

башнями поперегъ Дона, протянули въ три ряда желѣзную цѣпь. Не взирая на сію преграду, предпріимчивые Донцы, въ 1616 году, истребили на Черномъ морѣ много Турецкихъ и иныхъ купеческихъ кораблей, и городъ Синопъ въ Анатоліи нечаяннымъ нападеніемъ взяли.

Годовое жалованье Донскому войску. 1618 г.

Изъ грамоты Царя Михаила Өеодоровича, отъ 30 Декабря 1618 года, видно: По случаю перемирія съ Польшею, приказъ о выступленіи 6000 Казаковъ противъ Запорожскихъ Черкасъ отмѣняется. Бывшіе на службѣ при Дворѣ въ Коломенскомъ 35 Казаковъ, отпущены домой, съ Царскимъ милостивымъ словомъ и наградою деньгами, камками и сукномъ. Въ заключеніи грамоты, подтверждено Атаманамъ и Казакамъ съ Азовцами жить мирно и *не ворошить*. По жалобамъ же Казаковъ, въ причиненіи имъ обидъ и насилій, окружнымъ письмомъ, отъ того же года и числа повелѣно Воеводамъ Украинскимъ: Воронежскому, Оскольскому, Ливенскому, Шацкому и Бѣлогородскому, позволить Казакамъ торговать въ ихъ областяхъ безпошлинно, и защищать ихъ отъ насильствъ и притѣсненій. Въ награду же за службу, и для вящшаго поощренія къ большему усердію, Царь милостиво положилъ, ежегодно и впредь на всегда, отпускать Войску Донскому 7000 четвертей муки, 500 ведръ вина, 230 пудъ пороха, 150 свинца и 17,142 рубля денежнаго жалованья, да на Будары (перевозныя суда) 1169 рублей 60 копѣекъ. Для принятія сего жалованья, положено

ежегодно зимою, присылать изъ Черкасска въ Москву, Атамана со ста Казаками изъ отличныхъ по службѣ и уважаемыхъ ихъ сотоварищами. Ежегодную сію командировку зимою, назвали *Зимовою Станицею. Легкими* же *Станицами* назвалися тѣ, которыя, состоя изъ одного Атамана, 4, 5 и не болѣе 10 Казаковъ, ѣздили въ Москву во всякое время съ донесеніями, отписками, со всякими вѣстями и пр. словомъ, по дѣламъ службы, *по казенной надобности*, какъ нынѣ называютъ. Станичники сіи, въ Москвѣ и на пути содержались Царскимъ иждивеніемъ, т. е., получали жалованье, прогоны и кормъ. Изъ внутреннихъ учрежденій, относящихся до Казаковъ, замѣчательно одно: Съ 1623 года Войско Донское поступило въ вѣдѣніе Посольскаго Приказа (См. Указатель законовъ, предисл. стр. XVI.).

Подвиги Казаковъ на Черномъ морѣ и въ Крыму. 1624—1630 г.

Продолжая поиски въ окрестностяхъ Азова, Донцы на утлыхъ своихъ чолнахъ, безъ искусства и опытности, руководимые одною отвагою, промышляли на Черномъ морѣ, съ великою для себя пользою; и въ 1624 году, громили по близости Султанской Столицы. Въ 1628 году соединившись съ Запорожскими Казаками, раззорили они монастырь Іоанна Предтечи, въ 200 верстахъ отъ Царя-града находившійся. Три струга, съ ратными людьми оборонявшіе монастырь, уступая превосходнымъ силамъ, отошли безъ боя, и дали знать о нападеніи. Султанъ Амуратъ отправилъ Пашу немедленно со многими людьми въ

каторгахъ [a]. Сей Паша, разбивъ Казаковъ, взялъ у нихъ семь струговъ и привелъ оные въ Царьградъ. Тамъ при допросѣ Казаки, не убоясь смерти, объявили, что они ходятъ войною сами собою, а Царскаго повелѣнія на то нѣтъ. Столь откровенное признаніе, стоило имъ жизни; ибо всѣ взятые въ плѣнъ, были преданы лютой казни. Не смотря на опасности, въ морскихъ предпріятіяхъ встрѣчаемыя, Казаки предпочитали ихъ другимъ, потому, что оныя, требуя большаго мужества и смѣлости, доставляли имъ наибольшую добычу. Такъ въ 1630 году, хотя они не успѣли взять Азова и Керчи, городовъ сильно укрѣпленныхъ, но раззоривъ ихъ окрестности, нечаянным нападеніемъ взяли въ Крыму городъ Карасовъ, и погромивъ Балаклейскія мѣста, съ великою добычею и плѣномъ благополучно возвратились на Донъ.

Кроткій сердцемъ и милостивый душею, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, по волѣ Божіей имѣлъ именно тѣ качества, которыя въ тогдашнемъ положеніи Россіи, наиболѣе могли быть полезными для его подданныхъ. Волненіе умовъ, произведенное лжедимитріями и коварствомъ Сигизмунда, утихло, Россія успокоилась, и на Дону началъ проявляться нѣкоторый порядокъ. Воля Государя 1627 г.

(a) *Каторга*, слово Греческое, значитъ корабль, двигающійся посредствомъ веселъ. Сообразно сему значенію, служащія на галерахъ невольники, названы *каторжными*. Одинъ изъ Донскихъ Атамановъ, по имени Иванъ наиболѣе отличившійся въ морскихъ поискахъ, прозванъ Каторжнымъ.

любимаго, болѣе нежели гроза и опала подѣйствовали на умы смѣтливыхъ Казаковъ. Войсковой ихъ Кругъ (Правительство Донское), гдѣ, какъ извѣстно, каждый Казакъ имѣлъ равный голосъ, рѣшительно приступилъ къ искорененію воровъ и измѣнниковъ, дерзавшихъ воровать на Волгѣ и раззорять торговлю Россіи съ Персіею и Бухаріею. Въ 1627 году, Главное войско при своемъ Войсковомъ Атаманѣ *Епихѣ Радиловѣ*, по общему приговору на кругу, учинило слѣдующій крѣпкій *Заказъ:* „Отъ сего времени, впредь и навсегда, „что бы никто съ Дону не ходилъ для воров„ства на Волгу; а ежели кто таковымъ объя„вится на Дону, и тому быть казнену смертію.“ Въ отпискѣ въ Посольскій Приказъ, Радиловъ, доноситъ: „Все великое Донское войско, служа „тебѣ Государю, и радѣя вседушно о исполненіи „твоей Царской воли, послали отъ себя въ Астра„хань и на Волгу къ Казакамъ, что бы они отъ „воровства отстали; а буде они отъ воровства „не отстанутъ, и они всѣ хотятъ на нихъ итти „своими головами Донскимъ Войскомъ.“ Хотя и прежде грабежъ въ предѣлахъ собственнаго отечества, почитался дѣломъ непозволительнымъ, за всѣмъ тѣмъ, Казаки грабили на Волгѣ и въ другихъ сосѣдственныхъ Губерніяхъ, не таясь отъ своихъ собратій; хотя, какъ увидитъ читатель, и послѣ сего *заказа*, разбои на Волгѣ продолжались; но уже Войсковые Атаманы явно не потворствовали, и посылаемыми отъ войска отрядами, поймавныхъ въ воровствѣ, уже наказывали

нещадно. Однихъ позорили, били въ кругу ослопьями, другихъ, по Казачьему обычаю, сажали въ куль да въ воду; а лютыхъ убійцъ и злодѣевъ отправляли въ Москву на торговую казнь, во страхъ народу.

Предложеніе Султана свести Казаковъ съ Дону. 1630 г.

Въ 1630 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, Турецкій Посолъ, Грекъ Ѳома Кантакузинъ, на пути изъ Азова въ Москву, претерпѣлъ многія непріятности: Казаки не дали ему судовъ, долго задержали, однако же проводили, не сдѣлавъ дальнѣйшаго вреда. Кантакузинъ, на аудіенціи, жаловался Патріарху Филарету Никитичу, отцу Государя, на разбои и грубости Казаковъ, при чемъ объяснилъ: (не прямо отъ себя, илиименемъ Султана); но будто бы Капитанъ-Паша Гассанъ-Паша при отпускѣ въ разговорѣ съ нимъ сказалъ. „Что бы, между Султаномъ и Царемъ впредь ссоры и нелюбья не было, то, по его Гассана мнѣнію, необходимо должно Казаковъ или, всѣхъ перебить, или съ Дону прогнать.“ Когда же я, Ѳома, возразилъ, что на Дону мѣста крѣпкія, и что если на Казаковъ послать рать, то они разбѣгутся и уйдутъ къ недругамъ. На сіе Капитанъ-Паша, подумавши прибавилъ: Если такъ, то въ предупрежденіе вражды, не лучше ли обоимъ Государямъ, давать Казакамъ жалованье? а если Царь жаловать Казаковъ не изволитъ, то Султанъ дастъ имъ свое, и переселя съ Дона въ Анатолію на берега Бѣлаго моря, позволитъ имъ тамъ, по ихъ обычаю *добываться* надъ его врагами.“ За тѣмъ

Кантакузинъ предложилъ Патріарху между Азовомъ и Черкаскомъ [a] построить крѣпость на урочищѣ весьма къ тому удобномъ, называемомъ *Чила*, гдѣ говорилъ онъ, если поставить 3,000 стрѣльцовъ, то Казакамъ проѣхать Дономъ на море будетъ уже не возможно. Кантакузинъ увѣрялъ при томъ, что новая сія крѣпость доставитъ Россіи тѣ же выгоды, какія имѣетъ она отъ Архангельска; что Султанъ самъ бы построилъ эту крѣпость, но Чила стоитъ на землѣ Государевой. На все сіе Патріархъ отвѣчалъ: Царь уйметъ Казаковъ и безъ построенія крѣпости, а виновныхъ въ разбоѣ и грубости накажетъ великою опалою и смертною казнію. Дѣйствительно, изъ современныхъ актовъ и самыхъ послѣдующихъ событій видно, что прибывшіе съ Турецкимъ Посломъ въ Москву Казаки, были сосланы въ ссылку по разнымъ городамъ; войску же Донскому, въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, жалованья не отпускалось.

Въ началѣ Іюля, Андрей Савинъ отпущенъ въ званіи Посла, вмѣстѣ съ Кантакузинымъ изъ Москвы въ Царь-градъ. Для безопаснаго ихъ проѣзда чрезъ Донскую землю, Послы отправились въ сопровожденіи 700 ратныхъ людей, подъ начальствомъ Воеводы Ивана Карамышева. 14 Августа, по прибытіи къ первой станицѣ на Медвѣдицѣ,

---

(a) Въ продолженіе Самозванцовыхъ смутъ, въ Черкаскъ прибыло много народу. По довольномъ его населеніи, около сего времени, изъ Раздоръ перенесено въ Черкаскъ Войсковое Правленіе.

30 вооруженныхъ Казаковъ, хотя по наряду вышли для встрѣчи; но по призыву къ Воеводѣ не пошли, объявя, что всѣ Донскіе обыватели, узнавъ отъ бѣжавшаго изъ ссылки Казака, о гнѣвѣ Государя, находятся въ великомъ смущеніи и страхѣ; что яко бы Воевода съ ратію отъ 17 городовъ посланъ съ повелѣніемъ: юрты на Дону раззорить, а Атамановъ и Казаковъ всѣхъ перевѣшать и казнить. Воевода старался Мѣдведицкихъ Казаковъ успокоить и сказалъ имъ: что бѣглый солгалъ для смуты, и приказалъ проводить въ Черкаскъ шестерыхъ своихъ стрѣльцевъ, коимъ поручилъ сказать Войсковому Атаману, что бы Пословъ принялъ и проводилъ честно, по прежнему уряду.

Убіеніе Воеводы Карамышева. 1630 г

Воевода Карамышевъ, на пути по слухамъ свѣдалъ, что Казаки по Указу Царя на помощь Турецкому Султану не пойдутъ, а съ Азовцами и Турками миру у нихъ не бывать; будто Атаманы просили Запорожцевъ защитить ихъ отъ гнѣва Государя; будто Волжскимъ, Яикскимъ и Терскимъ Казакамъ предложили вмѣстѣ съ ними итти войною противу Царя. Войсковой же Атаманъ, будто уже приказалъ всѣмъ Донцамъ сходиться на Красный Яръ; и наконецъ, что Казаки отъ страха тѣлеснаго, *животы* (имущество) свои схоронили по *займищамъ* въ землю. Не смотря на сіи толки, Воевода съ Послами на 80 стругахъ, продолжалъ плаваніе внизъ по Дону, и остановился между устьемъ Маныча и Черкаскомъ у Орѣхова

Ярка. Посолъ Савинъ, пригласилъ Атамановъ и Казаковъ, въ станъ свой, для выслушанія Царской грамоты. Войсковой Атаманъ отвѣчалъ, что ему со всѣмъ народомъ идти въ станъ не приходится; а чтобы Посолъ, какъ то прежде всегда водилось, самъ прибылъ въ Черкасскъ и прочелъ грамоту въ кругу. Савинъ прибылъ въ городъ, посреди собранія прочелъ грамоту, въ коей Государь изъявлялъ свой гнѣвъ и немилость за то, что Казаки во время мира нападаютъ на Султанскіе корабли, раззоряютъ его города и Пословъ союзныхъ Державъ на пути задерживаютъ; почему строго подтверждаетъ: съ Азовцами жить мирно, и вмѣстѣ съ Турецкими войсками, подъ Начальствомъ ихъ Пашей идти противу Польскаго Короля, дабы пролитіемъ крови, вину свою заслужить, и храбростію и повиновеніемъ проступки свои загладить; „пока же вины не исправите, жалованья вамъ не будетъ." Атаманы и Старшины, посовѣтовавшись между собою, отвѣчали Послу: „что войско Донское, о многолѣтнемъ здравіи Царя и Патріарха, молить Бога не престанутъ, что съ Воеводами Царскими, а не съ Пашами Бусурманскими, противу всякаго Россіи врага, идти готовы поголовно; по волѣ же Государя съ Азовцами помирятся и Пословъ до Азова съ честію проводятъ." Въ оправданіе же свое сказали: „что Казаки на море противу Бусурманъ ходятъ потому, что имъ опричь сего кормиться не чѣмъ; что безъ добычи они наги и босы будутъ; что Царскаго жалованья давно не

получаютъ; и нынѣ онаго съ Посломъ не прислано; съ Азовцами же воюютъ потому, что они сами не даютъ имъ покоя, и безпрестанно ходятъ на промыслъ въ нашу Украйну." Между тѣмъ, пока Атаманы объяснялись съ Посломъ, болѣе непокорные и буйные, на сходкѣ въ кругу вопили: „Ѳому въ воду за то, что по его жалобѣ 60 провожавшихъ его Казаковъ посланы въ ссылку; Карамышева также въ воду за то, что самъ вызвался идти на Донъ и похвалялся, безъ Царскаго на то указа, напоивъ Казаковъ до-пьяна, всѣхъ перевѣшать!" и не слушая Посла, Атамана своего и Старшинъ, нестройною толпою, пошли къ стану, силою взяли со струга храбраго Воеводу Карамышева, не подозрѣвавшаго опасности, и потому не принявшаго никакой предосторожности, привели его въ городъ, изрубили саблями, и еще живаго бросили въ Донъ. Убивъ Боярина, въ 1612 году предводительствовавшаго ими на полѣ чести, убійства ужаснулись; самые строптивые, желая скрыть свое преступленіе, разбѣжались, а потому Кантакузина уже не тронули, и на другой день прислали сказать: что Посламъ вреда не будетъ, что къ 800,000 рублей и пяти бочкамъ пороха, (чего не было), хранящихся въ стругѣ Карамышева, какъ къ Царской казнѣ не коснутся, и Пословъ мирно и честно до Азова проводятъ, что и дѣйствительно исполнили.

По совершеніи сего злодѣянія, Атаманы и Старшины въ страхѣ и недоумѣніи долго совѣтова-

лись и разсуждали на кругу, и наконецъ, положили отписать Царю, что они волѣ и власти его никогда противиться не будутъ; что самый Донъ ему очистятъ; а для себя сыщутъ другую рѣку, перейдутъ за Волгу, и что Государю будетъ отъ того досаднѣе и убыточнѣе. Карамышева же убійство оправдывали тѣмъ, что будто бы онъ, когда читали грамоту, при Царскомъ имени, шапку не снялъ, и стоялъ посреди круга закуся бороду... Происшествіе сіе показываетъ, свойственный вѣку буйный духъ Казаковъ, неподчиненность ихъ, безпорядокъ въ правленіи; и въ то же время, безпрекословную покорность власти и глубокое уваженіе къ особѣ Царя. Требованіемъ же, что бы Посолъ пришелъ самъ въ собраніе для прочтенія грамоты, объясняются права ихъ круга, въ отношеніи къ признаваемому ими верховному Правительству.

1636 г. Въ 1636 году, 4,000 Запорожецвъ отъ Польскаго утѣсненія и неумѣстной строгости вознамѣрились оставить отечество, идти въ Персію, и тамъ искать лучшаго счастія, воли, добычи; но пришедъ на Донъ встрѣтились съ 3,000 Донцевъ промышлявшихъ въ окрестностяхъ Азова. Донцы, приняли Запорожцевъ дружелюбно, и узнавъ о намѣреніи, представили имъ опасность похода, чрезъ столь многія страны, обитаемыя хищниками; и сомнѣніе свое, найдутъ ли они у Персіянъ то, чего желаютъ. Донцы говорили имъ: „Мы имѣемъ для васъ, *братья*, запасу довольно,“ чего

вы такъ далеко искать намѣрены, найдете у насъ; будемъ другъ другу вѣрны. Вотъ Азовъ, когда возмемъ его, то будемъ свободно ходить *на Сине* море [а] и на Черное, гдѣ мы въ одинъ походъ столько возмемъ добычи, сколько вы у Персіянъ конечно не возмете. Запорожцы, посовѣтовавъ между собою, на предложеніе Донцовъ согласились.

Казаки знали, что неукротимый во гнѣвѣ Султанъ Амуратъ IV, грозилъ жестоко наказать ихъ, и отлагалъ исполненіе сего только потому, что возмущеніе въ Крыму, война съ Персіею и въ Венгріи, занимали всѣ его силы. Мысль, предупредить Султана, угодить Царю совершеннымъ обезпеченіемъ южныхъ нашихъ предѣловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить Казакамъ свободу разъѣзжать по морю для добычи, родилась въ головѣ Войсковаго Атамана. При настоящихъ силахъ Донскаго войска, умноженнаго присоединеніемъ къ нему 4,000 Запорожцевъ, онъ полагалъ возможнымъ взять Азовъ и безъ артиллеріи; и рѣшившись на подвигъ еще небывалый, трудный, почти невозможный для коннаго войска, Атаманъ до времени никому не объявилъ о своемъ намѣреніи. [б]

(а) Азовское море Турки и до нынѣ называютъ Синимъ.

(б) Взятіе Азова, главнѣйше заимствую изъ отрывка, въ 1827 году напечатаннаго въ Московскомъ Телеграфѣ, по той наиболѣе причинѣ, что Г. Полевой ручается за вѣрность Историческихъ свидѣтельствъ, которыми онъ пользовался при составленіи своего повѣствованія. Кромѣ книжки подъ заглавіемъ: *Древнія сказанія объ Азовѣ*, гдѣ весьма кратко упомянуто о за-

1637 г. Зимою 1637 года, по всѣмъ городкамъ послана была обычная повѣстка, наличнымъ Казакамъ готовиться на поискъ, съ оговоркою, кто не явится накажется пенею, т. е. „*нѣтчикамъ* суда и расправы не будетъ.“ По заведенному порядку, раннею весною множество Казаковъ, конныхъ и въ лодкахъ, собралось къ Монастырскому городку [a], что близъ Черкаска. Тутъ, въ собраніи на кругу, предпріимчивый Войсковый Атаманъ, предложилъ народу: *взять Азовъ. Любо!* воскликнули единодушно удальцы, и тотчасъ на мѣстѣ выбрали вольными голосами въ званіе Походнаго Атамана Михайлу Иванова Татаринова, вѣроятно самаго отчаяннаго, надежнаго наѣздника. Начали готовиться къ походу, избрали лучшихъ рыцарей на подвигъ славы, подѣлили полки, заготовили харчи; между тѣмъ Атаманъ Иванъ Каторжный, увѣдомилъ письмомъ изъ Москвы, что для препровожденія Турецкаго Посла изъ Азова въ Москву, онъ скоро пріѣдетъ въ Черкаскъ съ Царскимъ Посломъ, который привезетъ войску строгое повелѣніе Азовцовъ не задирать. Снова собрался кругъ, и по общему желанію, не дожидая Царскаго слова (т. е. Указа) немедленно отправили въ Москву легкую станицу съ Атаманомъ Потапомъ Петровымъ

воеваніи Азова, не отыскавъ на Дону иныхъ документовъ, относящихся къ столь знаменитому происшествію, описаніе Г. Полеваго предпочелъ сему послѣднему.

(a) Монастырскій городокъ находится въ семи верстахъ ниже Черкаска. Въ немъ, какъ пограничномъ городкѣ, обыкновенно собиралось назначаемое въ походъ войско.

и четырьмя Казаками, съ донесенiемъ о выступленiи все-великаго войска Донскаго на поискъ подъ Азовъ.

Азовскiй Паша, безпечно смотрѣлъ на собранiе Казаковъ; ему и въ голову не приходило, что бы Казаки осмѣлились напасть на крѣпость, правильно укрѣпленную и защищаемую сильнымъ гарнизономъ. Татариновъ желалъ, какъ возможно долѣе утаить отъ Паши свое предпрiятiе; ибо оное могло быть успѣшно окончано однимъ только внезапнымъ, смѣлымъ и быстрымъ приступомъ. Но Турецкiй Посолъ, Ѳома Кантакузинъ, уже знакомый Казакамъ, прислалъ толмача своего Ассана увѣдомить Войсковаго Атамана о своемъ прибытiи въ Азовъ. По установленному обряду, Атаманъ выслалъ отрядъ для встрѣчи и препровожденiя Посла въ Черкаскъ. Кантакузинъ, прибывъ въ Черкаскъ, объявилъ Атаманамъ, милостивое слово своего повелителя, и предложилъ четыре золотомъ шитые зипуна въ подарокъ Старшимъ. Онъ обращался съ Казаками, какъ съ старыми прiятелями, ласкалъ, пышно угощалъ ихъ; уговаривалъ жить съ Азовцами мирно, подъ шумокъ, хитрый Грекъ умѣлъ разгадать тайну; и не смотря на осторожность Казачью, далъ вѣсть въ Азовъ. Паша спѣшилъ собрать разсѣянное по окрестностямъ войско, и приготовился къ оборонѣ. По необыкновенной торопливости, и суетѣ, замѣченной въ городѣ, Казаки узнали отъ чего оныя произошли. Медлить было опасно: По-

сла, какъ предателя задержали, и 23 Апрѣля помолившись Св. Георгію побѣдоносцу, выступили рѣкою и берегомъ съ 4[ю] фалконетами.

Взятіе Азова. 1637 г. Іюня 19.

Казаки, дѣйствительно нашли Пашу готовымъ принять ихъ: 4,000 Янычаръ въ стройномъ чинѣ съ ружьемъ на прикладѣ, стояли на стѣнахъ, Топчи ихъ махали зажженными фитилями. Нечаянность, вѣрнѣйшая порука въ успѣхѣ не удалась; но храбрый Татариновъ не отчаялся въ ономъ: Казаками своими со всѣхъ сторонъ обступилъ онъ Азовъ, поставилъ стражу при устьяхъ Дона, послалъ отряды къ сторонѣ Крыма и къ Кубани; и въ ту же ночь приказалъ рыть апроши, для приближенія къ крѣпости, и насыпать валы для собственной обороны. 29 Апрѣля, еще 100 бударъ приплыли къ Азову; на нихъ прибылъ дворянинъ Степанъ Чириковъ, присланный для препровожденія Кантакузина въ Москву. Казаки, на шумной сходкѣ, называя Кантакузина, не Посломъ, а измѣнникомъ, не хотѣли выдать его безъ особаго на то Царскаго повелѣнія; и, сколько Чириковъ не спорилъ и не убѣждалъ, принужденъ былъ уступить и замолчать.

Азовцы, ожидая помощи, крѣпко сидѣли за стѣнами своими; и Казаки не могли выманить ихъ въ поле. Какой-то *Нѣмецъ* Іоганнъ, пришедшій съ Запорожцами, взялся подкопомъ подорвать часть стѣны. Начали рыть, и когда преломляющимися линіями подошли ко рву, Іоганнъ замѣтилъ, что его подкопъ никуда не годится. Заложили новый

подкопъ, и пока его рыли, явились Татарскіе наѣздники; степь ожила и перестрѣлка загорѣлась на передовыхъ постахъ, извнѣ охранявшихъ станъ осаждающихъ. Запорожцы народъ гулливый и безденежный, роптали, жаловались. Азовцы насмѣхались надъ Казаками, крича имъ со стѣнъ: „*сколько вамъ подъ Азовомъ не стоять; а его, какъ ушей своихъ не видать!*“ Не стерпѣли молодецкія сердца: рѣшились сразиться, бросилися на приступъ; но Азовцы отбились, отстояли свой городъ.

Неудача умножила препятствія; Запорожцы уже явно негодовали, и Донцы начали оказывать нетерпѣніе; Чириковъ настоятельно требовалъ освобожденія Кантакузина, за ослушаніе грозилъ Царскимъ гнѣвомъ, опалою; съ часу на часъ должно было ожидать прибытія флота изъ Царя-града; все это вмѣстѣ распространило унынie въ войскѣ. При такомъ расположеніи духа Казаки *поймали* грамоты, которыми Кантакузинъ просилъ помощи Азову изъ Крыма и Царя-града. У Грека, захваченнаго съ грамотами, пыткою вымучили признаніе, будто Ассанъ предвѣщалъ Казакамъ неудачи и гибель. Въ безумной ярости, Посла, какъ предателя Іуду, а толмача его какъ колдуна, убили до смерти, и приписавъ всѣ свои неудачи волшебству Ассана, не прежде успокоились, какъ торжественно отпѣли молебенъ, и окропили таборъ святою водою.

Въ половинѣ Іюня, смышленный Нѣмецъ подкопъ свой кончилъ. Помолившись Богу, и испро-

сивъ помощи у защитника Азова Св. Іоанна Крестителя, 19го, съ разсвѣтомъ Татариновъ, приказалъ приступить къ Азову съ трехъ сторонъ, самыхъ отдаленныхъ отъ настоящаго мѣста нападенія. Въ четвертомъ часу дня, когда сраженіе завязалось самое жаркое, подкопъ запалили: *какъ молнія великая* сверкнулъ огонь и часть городовой стѣны, окруженная густымъ облакомъ дыма, взлетѣла на воздухъ. Татариновъ съ отборною дружиною, сидѣвшій притаясь, позади своихъ укрѣпленій, съ радостнымъ крикомъ немедленно и поспѣшно бросился въ проломъ, ворвался въ городъ; и тамъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе, слабѣйшія уступили многочисленности. Вскорѣ покрылось поле бѣгущими Азовцами, на десять верстъ улеглись трупы ихъ; цѣлый день продолжалось убійство, пощады никому не было. Въ замкѣ и башняхъ, Турки держались по три, по четыре дня; но и сіи послѣднія убѣжища разгромили крѣпостною артиллеріею. Всѣ жители порѣзаны, городъ взятъ *порожній*.

Подѣливъ добычу поровну, похоронивъ честно убіенныхъ братій, разославъ богатые дары по монастырямъ своимъ, и бросивъ тѣла непріятелей въ Донъ, Казаки начали радоваться, пировать; хвалились, что достали Азовъ своимъ разумомъ и удальствомъ, что раззорили гнѣздо невѣрныхъ, освободили Христіанскую землю отъ ига бусурманскаго. Радость ихъ увеличилась разбитіемъ Татаръ, возвращавшихся изъ Украйны, и отряда

Турецкихъ войскъ и Темрюцкихъ Черкесовъ на Кагальникѣ.

Распорядившись къ оборонѣ покоренной крѣпости, и готовясь къ разъѣздамъ на будущій годъ [a], Татариновъ болѣе всего опасался Царскаго гнѣва за неправедное убіеніе Турецкаго Посла; и съ безпокойствомъ ждалъ, какъ примутъ взятіе Азова въ Москвѣ. Донесеніе о славномъ завоеваніи и подвигѣ Казаковъ, 3 Сентября, повезъ въ Москву Атаманъ Потапъ Петровъ съ товарищами. Петрова и станичниковъ его по обычаю надѣлили камками, сукнами, и денежнымъ Царскимъ жалованьемъ, и отпустили съ грамотою на Донъ безъ укоризны и похвалы. 1637 г.

Изъ сей грамaты, писанной отъ 20 Сентября 1638 года видно: Царь укоряетъ Атамановъ и Старшинъ за то, что они взяли Азовъ, безъ Царскаго повелѣнія, и самовольно убили Турецкаго Посла Кантакузина, не дѣльно; „ибо того не ведется и тогда, когда Государи воюютъ, а Я съ Султаномъ состою въ мирѣ. Развѣ не знаете, что и во время войны Цари пересылаются Послами, для нужныхъ сношеній и переговоровъ; развѣ не вѣдаете, что Пословъ ни въ какомъ случаѣ не казнятъ и не убиваютъ. Не дѣльно сдѣлали и то, что прислали къ Намъ одного Атамана съ 4 молодыми Казаками, и ему Атаману не дали описи, что Выговоръ за убіеніе Турецкаго Посла. 1638 г.

(a) Новой годъ начинался съ 1 Сентября.

взято вами въ Азовѣ. Пришлите Намъ Грамоты Кантакузина, хотя и распечатанныя; пришлите также новую станицу съ Атаманомъ, и съ 15 или 20 лучшими Казаками, и о слухахъ и вѣстяхъ, что умышляетъ Крымскій Ханъ и Нагайскіе Мурзы, съ ними напишите; а Мы допросивъ ихъ, прикажемъ отпустить съ Указомъ Нашимъ. Наблюдайте за Крымцами; скажите Ногаямъ, чтобы они, помня прежнюю присягу свою, шли бы подъ Нашу власть, а Мы пожалуемъ васъ Нашимъ Царскимъ жалованьемъ, смотря по вашей службѣ и радѣнью.

Амуратъ получилъ извѣстіе о взятіи Азова въ Персіи: раздраженный успѣхомъ отважной вольницы отложилъ примѣрное наказаніе Казаковъ до окончанія войны, или какъ онъ надѣялся, до покоренія Персіи. Между тѣмъ наши Донскіе рыцари, не думая объ угрозахъ мощнаго Султана, положили не оставлять Азова, объявили его Христіанскимъ вольнымъ торговымъ городомъ, освятили старую церковь Св. Іоанна Крестителя и построили новую во имя Чудотворца Николая. Нѣсколько семействъ съ женами и дѣтьми переселились въ Азовъ, и начали спокойно и удобно жить въ домахъ, оставленныхъ Турками. Купцы изъ Кафы, Керчи и Тамани, вѣря обѣщанію ихъ: „не трогать чужаго добра купеческаго,“ явились въ пристани Азовской съ множествомъ товаровъ. Торговля ожила (a): съ сего времени начался настоя-

---

(a) Во времена, когда Казаки не умѣли еще повиноваться, не любили порядка и вели жизнь буйную, рыцарскую, обстоятельство сіе можетъ по-

щій гражданскій бытъ Казаковъ, ибо они, ближе познакомившись съ выгодами мирной, трудолюбивой жизни; увидѣли преимущества ея предъ буйною ихъ дѣятельностію, гдѣ все надобно добывать ножемъ, и жить посреди бѣдъ и нужды.

Султанъ, при первомъ извѣстіи о взятіи Азова, отправилъ въ Москву Посла съ укоризною, что Россія помогаетъ Казакамъ въ ихъ разбояхъ, сносится съ Персіею; и такимъ образомъ явно, нарушаетъ миръ между двумя Государствами. Царь отвѣтствовалъ своими жалобами на Крымскаго Хана, безпрерывно разбойникомъ вбѣгающаго въ Россію, на несоблюденіе титула Царскаго въ Граматахъ, и совершенно отрекся отъ Казаковъ, предоставляя Султану полное право воевать съ ними и усмирять ихъ. Такимъ образомъ, по политическимъ расчетамъ Царь Михаилъ Θеодоровичь не заботился объ удержаніи Азова, позволилъ Казакамъ, дѣлать, что имъ вздумается и какъ бы забылъ ихъ на время.

Не смотря на то, что въ Крыму, исключая не многіе города, Татара бунтовали; Султанъ увѣрившись, что Казаки взяли Азовъ безъ Царскаго на то Указа, повелѣлъ значительной рати изъ

казаться сомнительнымъ; но какъ они не знали ни земледѣлія, ни ремеслъ, то по необходимости долженствовали покровительствовать Европейскихъ торговцовъ. Я полагаю, что въ числѣ купцовъ не было бусурманъ, да и не было въ томъ нужды; ибо Казаки избытки своей добычи могли мѣнять и продавать Русскимъ купцамъ, ежегодно на баркахъ пріѣзжавшихъ въ Черкаскъ для торга.

Крыма, Темрюка, Тамани и Ногаямъ, возвратить Азовъ во что бы ни стало. Но Казаки, приступавшихъ къ крѣпости Татаръ, вовсе неспособныхъ для подобныхъ нападеній, всегда съ успѣхомъ отражали; и, въ теченіи лѣта 1638 года, много полону у нихъ взяли.

1638 г. Весною сего же 1638 года, тысячи лодокъ Казацкихъ, миновавъ Крымъ, разсѣялись по Черному морю; множество купеческихъ кораблей разныхъ націй, ограбили и пустили ко дну. За симъ наши корсеры устремились къ берегамъ Анатоліи, и тамъ навели ужасъ на мирныхъ жителей; а гарнизоны Турецкіе, всегда безпечные, всегда застаемые въ расплохъ, не могли ни защитить, ни помочь безоружнымъ жителямъ. Окрестности Трапезонта, Синопа, Ризы были погромлены и угрожаемы совершеннымъ опустошеніемъ; самый Царьградъ освящаемъ былъ заревомъ пожаровъ. *„Азовъ становится намъ тошнѣе Багдада!“* говорили тогда Турки.

Разбитіе Донской флотиліи 1638 г. Амуратъ, занятый осадою Багдада, съ негодованіемъ слышалъ о Казацкихъ набѣгахъ, и клялся не оставить ихъ безъ наказанія. По его повелѣнію Пела Паша, съ сильнымъ флотомъ выступилъ изъ Царяграда. Турецкій флотъ встрѣтился съ Донскою флотиліею предъ Керчинскимъ проливомъ: Казаки не отказались отъ битвы столь неравной, и притомъ на открытомъ морѣ, гдѣ кромѣ превосходной силы, всѣ преимущества оставались на сторонѣ непріятелей. Турецкіе корабли, на

всѣхъ парусахъ устремились въ средину нестройно шедшихъ Донскихъ лодокъ, обороняемыхъ только ружьемъ и саблею, на всемъ ходу давили однихъ своимъ носомъ, другихъ, осыпая ядрами и картечью, пускали ко дну, не щадя и сдававшихся. При сей несчастной встрѣчѣ, изъ 1700 человѣкъ, Казаки потеряли 700 добрыхъ воиновъ, остальные разсѣявшись бѣжали въ разныя стороны. Не смотря на сію неудачу, они пріобрѣли въ сей годъ богатую добычу. Пела Паша, безъ усилія и безъ славы одержавъ побѣду, съ торжествомъ; но безъ трофеевъ возвратился въ Царьградъ. Султанъ, обрадованный симъ успѣхомъ, наградилъ Пашу чиномъ Капудана-Паши (Генералъ-Адмираломъ.)

Казаки, наученные симъ полезнымъ для нихъ пораженіемъ, съ сего времени тщательно уклонялись отъ битвы съ линейными кораблями; но отъ поисковъ на морѣ не отказались. Въ слѣдующихъ 1639 и 1640 годахъ, нѣсколько лодокъ, малыми отрядами, частно, отдѣльно, съ выгодою промышляли, и хотя съ убыткомъ въ людяхъ, но съ добычею на Донъ возвратились.

Амуратъ, по покореніи Багдада, заключилъ съ Персіею миръ, и на радости отъ пьянства въ 1640 году умеръ. У него не было дѣтей, братья всѣ были имъ умерщвлены, кромѣ слабоумнаго Ибрагима, котораго пощадилъ онъ ради его юродства, бросивъ на всю жизнь въ тюрьму. Мать его и Великій Визирь Мугаммедъ-Паша вывели Ибрагима

изъ мрачной темницы, возвели на престолъ, и вмѣсто его начали править дѣлами. Политическія отношенія Турціи къ другимъ Державамъ, находились въ положеніи довольно затруднительномъ. Австрія, Польша, Россія объявляли разныя требованія; Венеція готовилась къ войнѣ; Персія, ободренная смертію Амурата, грозила мщеніемъ; Крымъ былъ въ состояніи неспокойномъ. Умный Визирь увѣренъ былъ, что губительный ударъ буйной толпѣ Казаковъ, былъ необходимѣе и полезнѣе для Государственной нужды. Однимъ симъ ударомъ можно было сдѣлать сильное впечатлѣніе на Австрію, Персію и Польшу, остановить Россію на первомъ ее шагѣ къ распространенію границъ; и упрочить для Турціи военную ея славу и спокойное обладаніе Крымомъ и Чернымъ моремъ. Приуготовленія къ походу подъ Азовъ были чрезвычайныя, какъ будто дѣло шло о покореніи могущественнаго народа. Но несчастныя предзнаменованія грозили, по мнѣнію Турковъ, бѣдствіями всѣмъ Мусульманамъ. Визирь на пожарѣ въ Царьградѣ обжегъ руки, опалилъ бороду; въ то же время въ Таврисѣ случилось землетрясеніе; и безпутнаго Султана разбилъ параличь; но Визирь не былъ суевѣренъ и спѣшилъ приуготовленіями, хотя оныя не прежде, какъ по истеченіи года, были окончаны.

Достопамятное сидѣніе Казаковъ въ Азовѣ. 1641 г.

Наконецъ, многочисленная рать, отъ двѣнадцати народовъ Султану подвластныхъ, собралась и отправилась моремъ изъ Царяграда и сухимъ путемъ

изъ Крыма, подъ начальствомъ Силистрійскаго Сераскира Гуссейнъ-Делія и Капудана-Паши Пела Паши [а]. Кромѣ 6000 наемныхъ войскъ, изъ Венеціи мудрыхъ морскихъ вымышленниковъ, изъ Нѣмецкія земли подкопныхъ и приступныхъ промысловъ хитрыхъ городоимцовъ; изъ Греческія, изъ Стекольныя (Стокгольмскія) и Французскія земли *Планщиковъ* (Инженеровъ) и *Пинарщиковъ* (Піонеровъ), кромѣ безоружныхъ рабочихъ людей и землекоповъ, изъ Молдаванъ и Валаховъ; войска боеваго [б] считалось болѣе ста тысячь, имянно: 20000 Янычаръ, столько же Спаговъ, 50000 Крымскихъ Татаръ, и 10000 Черкесовъ. Пушекъ проломныхъ, коихъ ядра были вѣсомъ въ полпуда, въ полтора и два пуда, и въ 30 гривенокъ, привезено на флотѣ 129, да мелкаго снаряду пушекъ и туфяковъ 674; кромѣ верховыхъ зажигательныхъ пушекъ (мортиръ), коихъ было 32. Капитанъ Паша, человѣкъ умный и храбрый, командовалъ 45 галерами и великимъ

(а) Взято изъ Отписки Атамана къ Царю и изъ рукописной книги за No 358, хранящейся въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго подъ заглавіемъ: *Сказаніе объ Азовскомъ сидѣніи.*

(б) По многимъ несогласнымъ между собою извѣстіямъ, Турки осаждали Азовъ съ 200, съ 240 (какъ въ грамотѣ показано) и даже съ 300 тысячь воиновъ, и болѣе, нежели съ 180 галеръ, кораблей и 90 малыхъ судовъ; Казаковъ же иные полагаютъ въ числѣ 1400 человѣкъ и 800 женъ. Держась во всемъ (кромѣ похожаго на ложь) рукописнаго сказанія о сидѣніи въ Азовѣ, я перемѣнилъ число осаждающихъ и осажденныхъ на числа болѣе правдоподобныя; ибо въ Сказаніи число бусурмановъ очевидно преувеличено, а Казаковъ уменьшено.

числомъ галетовъ, чаекъ и другихъ мелкихъ судовъ. Самъ Войсковой Атаманъ Осипъ Петровъ, защищалъ Азовъ съ пятью или семью тысячами удалыхъ Казаковъ, и выдержалъ осаду, знаменитую въ нашихъ лѣтописяхъ, и столь славную для легкоконнаго войска, что въ то время ни въ Москвѣ, ни въ Цареградѣ, ни въ Варшавѣ, долго вѣрить сему не хотѣли.

Лѣта 1641, Іюня въ 24 день, Турки обступили Азовъ отъ рѣки и до моря. Флотъ, прибывшій (8 Іюня) прежде арміи, отпустивъ высадныя войска и выгрузивъ осадную артиллерію, снаряды и запасы, остановился на якоряхъ въ 8 миляхъ отъ устій Дона, и въ 40 верстахъ отъ Азова. Позади непріятельской арміи множество Казацкихъ отрядовъ расположились къ сторонѣ Крыма, Тамани и къ Донскимъ селеніямъ, такъ, что осаждающіе сами находились въ осадѣ, и съ первыхъ дней оной, принуждены были рѣзаться за кусокъ хлѣба. Въ первый день по обложеніи, Янычарскій Ага Мегемедъ-Ага отъ Сераскира, Куртъ-Ага отъ Капитана Паши, и Чехомъ-Ага отъ Крымскаго Хана, явились для переговоровъ, и сказавъ Атаману, что помощи и защиты отъ Россійскаго Самодержца имъ Казакамъ не будетъ, предложили сдать крѣпость безъ сопротивленія безполезнаго, и очевидно невозможнаго противу столь превосходныхъ силъ, обѣщая за то выдать тотчасъ 12000 червонныхъ, и еще 30000 по выступленіи. Войсковой Атаманъ, чрезъ толмача, отвѣ-

чалъ: „Сами волею своею взяли мы Азовъ, сами „и отстаивать его будемъ; помощи кромѣ Бога „ни отъ кого не ожидаемъ; прельщеній вашихъ „не слушаемъ; и хотя ни оремъ, ни сѣемъ, но „такъ же, какъ птицы небесныя, сыты бываемъ. „Женъ же красныхъ и серебро и злато емлемъ „мы у васъ за моремъ, что и вамъ вѣдомо; бу„демъ и впредь также промышлять; и не сло„вами, а саблями готовы принять васъ, незва„ныхъ гостей.“

25 Іюня, Гуссейнъ-Паша, надѣясь легко одолѣть Казаковъ, съ 30000 лучшихъ войскъ смѣло бросился на приступъ; но, потерявъ 6000, большею частію Нѣмцевъ, отступилъ со стыдомъ и досадою. 26 Іюня, Паша для погребенія убитыхъ, заплатя за каждую голову по червонцу, заключилъ на два дня перемиріе. Послѣ сего началась открытая осада: непріятель вокругъ крѣпости насыпалъ валъ, но Атаманъ съ 5000 добрыхъ молодцовъ сдѣлалъ вылазку, прогналъ осаждающихъ, и взятый приступомъ валъ подорвалъ и разметалъ, у Турокъ же отнятымъ порохомъ. Непріятель, позади перваго, насыпалъ валъ [a], выше городскихъ стѣнъ, и поставя на немъ болѣе ста орудій большаго калибра, шестнадцать дней сряду стрѣлялъ и день и ночь безпрерывно, и крѣпостной валъ сбилъ до подошвы. Казаки, позади раз-

(a) Въ продолженіе осады, Турки около крѣпости въ подкопахъ вырыли рвы и насыпали валы длиною на пять верстъ.

рушеннаго вала, насыпали новый, по разбитіи и сего, насыпали третій, и за четвертымъ въ землянкахъ удержались до конца осады. Не смотря на столь утомительную работу, Казаки двадцатью восемью подкопами подорвали большую часть осадныхъ работъ, и при каждомъ взрывѣ побивали на вылазкахъ много непріятелей. Когда же Турки семнадцатью минами приблизились къ крѣпости, осажденные своими контръ-минами удачно разорили непріятельскія.

Для сбереженія снарядовъ, Гуссейнъ-Паша двадцать четыре дня сряду приступалъ къ крѣпости — и всегда неудачно. При семъ жены Казаковъ помогали своимъ мужьямъ: съ неусыпнымъ прилежаніемъ приносили онѣ къ нимъ на стѣны пищу; военные припасы, копали рвы, носили землю и лили горячую смолу и кипятокъ на приступающихъ. Такимъ образомъ, когда въ крѣпости и жены служили наравнѣ съ воинами, у Турокъ, Татарская и иная нерегулярная конница не хотѣла служить спѣшившись, и потому, почти во всю осаду, оставалась безполезною. За недостаткомъ провіанта, Сераскиръ отпустилъ Татаръ воевать Россійскую Украйну; но тутъ Казаки явились изъ засадъ; бились, нападали отчаянно, и ничего не дали захватить. По возвращеніи, Ханъ снова хотѣлъ итти за добычею, но Гуссейнъ, не желая подать повода Царю послать Казакамъ въ Азовъ вспоможеніе, тому воспротивился. За сіе Гуссейнъ съ Ханомъ размолвили, поссорились: Татара гро-

зили бунтомъ, къ тому голодъ (a) и недостатокъ пороха и снарядовъ, принудилъ Турецкаго Главнокомандующаго, въ ожиданіи новаго подвоза, вмѣсто осады, въ продолженіе нѣкотораго времени удовольствоваться блокадою. Въ сіе время осажденные отдохнули, и по слабому содержанію Татарами постовъ у рѣки, успѣли получить изъ Черкаска помощь людьми, съѣстными и воинскими запасами, которые, на судахъ ночью, удачно доставлялись по теченію. Изъ города переметчиковъ не было, а плѣнныхъ ни обѣщаніями, ни пытками не могли принудить, чтобы они правду сказали о числѣ гарнизона и о положеніи крѣпости. Паша, до крайности стѣсненный всякаго рода недостатками, израсходовавъ большую половину храброй своей пѣхоты; при наступленіи осенняго времени, увидѣлъ въ лагерѣ своемъ новую бѣду: моръ и падежъ. Воины, раненые и больные, умирали безъ помощи и безъ призора; гніющіе лошадиные остовы заражали воздухъ. Наконецъ Паша, потерявъ надежду взять крѣпость открытою силою, просилъ Султана отложить покореніе Азова до будущей весны; но гордый Ибрагимъ, или лучше, его Визирь, на многорѣчивое представленіе своего Главнокомандующаго кратко отвѣчалъ: *„Паша! возьми Азовъ, или отдай свою голову!“*

(a) Одного быка, который прежде покупался по одному пистолю, къ концу осады едва можно было достать за 20; за одного барана платили по три пистоля, и одна дневная порція ячменя для лошади обходилась въ рейхсталеръ.

Гуссейнъ, получивъ съѣстные припасы, порохъ и снаряды, разорилъ бомбами все оставшееся строеніе, кромѣ одной уцѣлѣвшей Церкви Іоанна Предтечи. Въ продолженіе бомбардированія, Осипъ Петровъ потерялъ людей болѣе, нежели на приступахъ, но отбивался по возможности. Казаки ночью въ маломъ числѣ нападали на осаждающихъ, и отступая, подкопами подрывали гнавшихся за ними. Такъ, въ одно время подняли они на воздухъ гнавшійся за ними отрядъ; не давши ему справиться и опомниться отъ страха, обратились на него, и положили на мѣстѣ 1500 спѣшенныхъ Спаговъ. Снова разстрѣлявъ весь огнестрѣльный снарядъ, Сераскиръ въ продолженіе двухъ недѣль, ежедневно посылалъ на приступъ по 10,000 въ отрядѣ, и смѣняя ихъ вечеромъ продолжалъ пушечную и ружейную перестрѣлку, день и ночь неумолкаемо и безъ перемежки. Въ одинъ изъ сихъ приступовъ Турки успѣли овладѣть Заброкольскимъ бастіономъ; но Казаки, получивъ въ сей день 300 человѣкъ помощи, съ такимъ стремленіемъ напали на непріятеля, что всѣхъ бывшихъ на бастіонѣ истребили до послѣдняго человѣка. Сей приступъ былъ послѣднимъ: Татарскій Ханъ, въ продолженіе осады, дѣйствительно никакой почти пользы не принесшій, не смотря на просьбы, убѣжденія и угрозы, съ 26 Сентября началъ отступать по отрядамъ.

Осажденные находились не въ лучшемъ положеніи. Не смотря на дожди, холодные вѣтры,

раны, болѣзни и всякаго рода недостатки, Казаки, на развалинахъ разрушеннаго вала, почти потерявъ всю артиллерію, и истощивъ снаряды, не сходя съ мѣста, бились честно и мужественно. Турки на стрѣлахъ посылали имъ грамоты, въ коихъ каждому Казаку обѣщали выдать по тысячѣ талеровъ, лишь бы сдали имъ Азовъ; но Казаки *прельщеніемъ бусурманскимъ* не прельстились, и съ помощію Бога и Николая Чудотворца, за Вѣру и Государя крѣпко стояли. Наконецъ, не имѣя чѣмъ перемѣниться, не имѣя времени отдохнуть, утомились, едва могли стоять на ногахъ: открылась цынга, и смрадъ отъ убитыхъ тѣлъ причинилъ болѣзни еще жесточайшія. Самые отважные изъ нихъ, уже не видѣли возможности сопротивляться долѣе, не имѣли надежды устоять; и за всѣмъ тѣмъ, никто не хотѣлъ сказать: *сдадимся..* Живые захотѣли быть мертвыми: и всѣ тѣ, которые еще остались на ногахъ, и въ рукахъ могли держать оружіе, положили: источить послѣднюю остающуюся въ тѣлѣ каплю крови; рѣшились, не долѣе, какъ въ слѣдующее утро, умереть, и какъ можно дороже продать головы свои. Написали къ Царю и Патріарху граматы, „да простятъ ихъ, *непотребныхъ и ослушныхъ рабовъ,* слезно умоляя, отпустить имъ вину и помянуть души ихъ грѣшныя." Всю ночь молились, прощались другъ съ другомъ, цѣловали крестъ и Евангеліе на томъ, чтобы при смертномъ часѣ стоять дружно и жизни не беречь. Потомъ, призвавъ Бога въ помощники, съ умиленіемъ положили по три земныхъ поклона

предъ иконами Угодника Николая и Іоанна Предтечи, въ послѣдній разъ обнялись; — и при разсвѣтѣ, въ 1 день Октября, на память Покрова Богородицы, строемъ, молча и перекрестясь, выступили... Но въ передовыхъ укрѣпленіяхъ была мертвая тишина; утренній туманъ недолго скрывалъ истинну: станъ враговъ оказался пустымъ. Благодарность, радость и удивленіе, ободрили истощенныхъ витязей. Въ *уторопь*, и тѣ, которые сидѣли въ крѣпости, и тѣ, кои окружали непріятельскій лагерь, пустились въ погоню, и настигнувъ непріятеля на берегу моря, смѣло и близко подошедъ къ нестройнымъ ихъ толпамъ, почти *въ припоръ ружья*, открыли бѣглый огонь. Турки, изумленные столь дерзновеннымъ нападеніемъ, измѣнили обычной имъ храбрости: въ безпорядкѣ, смятенною толпою бросились на гребныя суда, и съ судами во множествѣ утопали. Столкнувъ послѣднихъ въ воду, Казаки взяли тутъ большое Султанское знамя и еще семь меньшихъ знаменъ.

Такъ окончилась достопамятная сія осада. Турки потеряли изъ главной своей арміи до 20,000 человѣкъ, 7,000 Татаръ и 3000 отборныхъ Янычаръ, высаженныхъ съ флота; отъ голода и болѣзней погибло почти столько же, такъ, что изъ всей арміи едва ли болѣе трети осталось въ живыхъ. Большая часть осадной артиллеріи досталась въ руки побѣдителей. Защищеніе Азова стоило Казакамъ трехъ тысячь убитыми, отъ ранъ и болѣзней умершими; остальные почти всѣ были переранены.

Лѣта 1641 Октября въ 28 день, храбрый Атаманъ Осипъ Петровъ, къ Великому Государю Царю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи Самодержцу отправилъ походнаго своего Атамана Наума Васильева, Есаула Федора Порошина, съ 24 Казаками особенно отличившихся при осадѣ Азова, съ подробною боевою росписью; прося, прислать для принятія отъ него крѣпости, Воеводу съ войскомъ; ибо имъ Казакамъ защищать Азовъ не съ чѣмъ. Люди, въ полуразбитомъ городѣ, на разрушенныхъ стѣнахъ, отразившіе сотни тысячь войскъ, явившись въ Москвѣ, разсказывали чудеса: о страшныхъ пушкахъ Турецкихъ, у которыхъ ядра были въ полтора пуда и въ 30 гривенокъ, о сраженіяхъ подъ землею, о земляныхъ валахъ, коими бусурманы хотѣли подавить, засыпать ихъ, о посулахъ по 1000 талеровъ, о старцѣ видѣвшемъ во снѣ прекрасную жену, одѣтую въ багряную ризу и древняго мужа власатаго и босаго, обѣщавшихъ защиту и помощь за ихъ истому и Христіанское терпѣніе; и наконецъ о страшномъ чудѣ, когда на иконѣ Св. Іоанна Крестителя, писанной, по преданію въ 1527 году и издревле находившейся въ Азовской Церкви, потекли слезы, какъ небесная роса. Словомъ, защиту Азова представляли народу чудомъ, явнымъ знакомъ Божіей милости.

Награды отличившимся при осадѣ Азова. 1641 г.

Государь принялъ присланныхъ Казаковъ съ честію, обласкалъ, допустилъ къ рукѣ, и отпустилъ ихъ съ милостивымъ словомъ. Присланныхъ

наградили по окладу великимъ жалованьемъ, чествовали и угощали ихъ во все время пребыванія ихъ въ Москвѣ Царскимъ иждивеніемъ, съ довольствомъ велiимъ.

Боярской думѣ, коей душею и Правителемъ Государства былъ гордый и корыстолюбивый Бояринъ Борисъ Морозовъ, приказано было, допрося прибывшихъ въ Москву Казаковъ, рѣшить: взять ли Азовъ за себя? или передать его по прежнему Туркамъ? Атаманъ Васильевъ, Есаулъ его и Казаки исчисляли Боярамъ выгоды отъ пріобрѣтенія, важность Азова для торговли, для удержанія отъ набѣговъ Крымской Орды, ссылаясь на то, что пока Азовъ былъ за Казаками, Татара ни одного раза не приходили воевать Россійскія Украйны. Предлагая Царю свои головы, свою готовность стоять вѣрою и правдою, Казаки объявили, что безъ Царскихъ войскъ и Воеводы имъ не сдержать Азова, и прямо признались, что они въ сидѣніи пріобрѣли много славы а не добычи; отъ нужды и истомы оголодали, обнищали такъ, что къ будущей веснѣ не могутъ снарядиться въ морскіе поиски, и не въ состояніи противиться совокупной силѣ Турецкой и Татарской. Болѣе мѣсяца разбирали дѣло въ думѣ Боярской, и кончили самымъ неудачнымъ рѣшеніемъ въ дѣлахъ политическихъ и во всякомъ: нерѣшительностію.

Похвальная грамата за удержаніе Азова. 1642 г. 2 Дек.

2 Декабря 1642 года Атаманъ Васильевъ съ товарищами, Дворянинъ Желябужскій и Подъячій Арефій Башмаковъ, отправились въ Азовъ съ Цар-

скою милостивою грамотою слѣдующаго содержанія: „За службу Нашему Царскому Величеству, Государю Царю Михаилу Ѳеодоровичу, и наслѣднику Нашему Царевичу Алексѣю Михайловичу, васъ, Атамановъ-Казаковъ, честно и мужественно отстоявшихъ Азовъ, милостиво жалуемъ и похваляемъ. А о томъ, что писали вы къ Намъ объ Азовѣ и приказывали сказать Намъ Атаману Васильеву, то по сему мы указали посланнымъ Нашимъ, Дворянину Желябужскому и подъячему Башмакову, Азовъ осмотрѣть, переписать и начертить на планѣ, а потомъ дадимъ Вамъ Указъ и повелѣніе Наше вскорѣ. Отпустите скорѣе посланныхъ, стойте за Насъ крѣпко, а что вы теперь наги и босы, какъ вы къ Намъ писали, что у васъ нѣтъ запасовъ и пороху, что многіе изъ васъ переранены, то мы въ награду за службу вашу Намъ посылаемъ вамъ 5,000 рублевъ деньгами; а весною съ полою водою пришлемъ вамъ хлѣбное жалованье, съѣстные запасы, пороху и свинцу, да 200 поставовъ сукна настрафилю пришлемъ непремѣнно. А какъ ся Наша грамота придетъ, вы Атаманы и Казаки, службу свою, дородство и храбрость къ Нашему Царскому Величеству довершите и своей чести и славы не теряйте и на Нашу Царскую милость и жалованье будьте надежны.“

Желябужской и Башмаковъ, возвратясь въ Москву, донесли, что „городъ Азовъ отъ Турецкихъ и Крымскихъ людей разбитъ и раззоренъ

весь, до основанія, и вскорѣ того города подѣлати ни которыми мѣрами не льзя и отъ приходу воинскихъ людей сидѣти не въ чемъ." Вслѣдъ за ними прискакала въ Москву новая станица Казаковъ, тотъ же Атаманъ Наумъ Васильевъ и съ нимъ Атаманъ Аввакумъ Сафоновъ, Есаулъ Романъ Родіоновъ съ 17 Казаками. „Возмите Азовъ," говорили они, „пошлите скорѣе войско и воеводъ: мы съ ними отстоимъ Азовъ, и рады за Государя головами и всею душею померетъ вмѣстѣ, одинъ за одинъ. Крымъ будетъ подъ нашею рукою, и никогда уже поганые Татара не придутъ воевать, грабить Россію." Бояре думали, разноголосили,

Соборъ объ удержаніи Азова. 1642 г.

и Царь повелѣлъ созвать *Великій соборъ* въ Москвѣ, пригласить къ совѣщанію всѣ сословія Государства, позволить каждому сказать свое мнѣніе на письмѣ и рѣшить конечно: 1) принять ли Азовъ отъ Казаковъ? 2) Для удержанія его за Россіею, объявить ли Турецкому Султану и Крымскому Хану войну? 3) Гдѣ взять деньги, запасы и людей, потребныхъ для продолженія сей войны не на одинъ годъ?

Соборъ собрался 3 Генваря 1642 года, въ Царской столовой избѣ. Царь присутствовалъ только въ первомъ засѣданіи, на которомъ Думный Дьякъ и Печатникъ Ѳ. Лихачевъ, объявилъ волю Царскую, по которой требовалось отъ Государственныхъ чиновъ ихъ мнѣнія [a]. На соборѣ семъ на-

---

(a) Описаніе Собора взято изъ собранія Государственныхъ грамотъ, Т. III. стр. 378 и слѣд.

ходились: Серапіонъ, Митрополитъ Крутицкій, знатнѣйшее духовенство, бояре, окольничіе, думные люди и всѣ другія сословія отъ городовъ и сорока двухъ областей.

На второмъ засѣданіи, на которомъ Государь уже не присутствовалъ, по прочтеніи Царскаго предложенія, Митрополитъ и Духовенство написали: что „они должны молить Бога о устроеніи всего міра и благосостояніи Святыхъ церквей, а ратное дѣло имъ не за обычай, дѣло то есть Царя и бояръ его; а если рѣшатся на брань, они помогать готовы.“

Стольники совѣтовали поручить удержаніе Азова однимъ Казакамъ, въ помощь имъ придать только охочихъ людей; а гдѣ взять припасы, объявили свое незнаніе. Впрочемъ начинать ли войну для Азова, на то воля Государева; а мы служить готовы. Стрѣльцы сказали: если рѣшатся на войну, то хлѣбные запасы для скораго подъема взять съ Украинскихъ городовъ и съ Троицкаго Сергіева монастыря; еслиже въ казнѣ наличныхъ денегъ мало, то для скорыя Государева службы взять у духовенства ихъ лежачую домовую казну.

Дворяне Московскіе сказали: что Азовъ поручить защитѣ Казаковъ и охочихъ людей подъ начальствомъ Войсковаго Атамана; а хлѣбные и пушечные запасы отпустить изъ Царской казны. Воеводъ же послать въ Азовъ не прежде, какъ Казаки удержутъ его за Россіею. Владимірскіе,

Нижегородскіе и Муромскіе дворяне сказали: „Будетъ Государю угодно и онъ велитъ Азовъ принять; будетъ не угодно, онъ не велитъ принять; а гдѣ люди взять, и гдѣ деньги взять Государева воля; бояре за насъ вѣчные промышленники, а мы служить рады." Къ сему Владимірцы прибавили „бѣдность наша Царю и Боярамъ вѣдома."

Любовь къ отечеству и къ славѣ его, раскрылись въ голосахъ, поданныхъ другими сословіями и иногородными дворянами. Мнѣніе Московскихъ дворянъ Никиты Ив. Беклемишева и Тим. Сидор. Желябужскаго, заслуживаетъ особое вниманіе; они сказали: „ту казну, какую посылаютъ въ подарокъ Крымцамъ, обратить на жалованье Войску Донскому и охочимъ людямъ. Азовъ взятъ и отстоенъ малыми людьми; и съ тѣхъ поръ какъ взятъ, Татара не грабятъ нашей Украйны. При отдачѣ Азова всѣ Ногаи и Горцы будутъ у Турковъ; съ удержаніемъ его всѣ наши, и Россія оградится безопасностію. Если у Государя нѣтъ казны, пусть опредѣлитъ присяжныхъ добрыхъ и вѣлитъ имъ собрать со всѣхъ насъ по гривнѣ, и этого будетъ довольно на многіе годы; пусть разсмотритъ притѣсненія бѣдныхъ отъ людей сильныхъ и корыстовныхъ."

„Грѣхъ будетъ на насъ, говорили Новгородцы, Костромитяне, Смоленцы и всѣ другіе городовые дворяне и боярскія дѣти, если мы отдадимъ опять христіанскій городъ бусурманамъ, и прямо сказали, войну объявить, и всею землею за Азовъ

крѣпко стать. Еще успѣемъ снарядить и устроить Азовъ. Вели только Государь не различать богатаго съ бѣднымъ; вели разсмотрѣть, отъ чего Дьяки и Подъячіе отяжелѣли, выстроили каменныя палаты, какихъ не бывало и у Вельможъ при прежнихъ Государяхъ; вели разсмотрѣть поборы и даточныхъ людей съ монастырскихъ имѣній. За чѣмъ лежачая казна у Патріарха, Митрополитовъ, Епископовъ и въ монастыряхъ? Возмите ее на Государственную нужду; прикажите собрать деньги и людей со всѣхъ подданныхъ по ровну, по правдѣ, не исключая монастырскихъ и даже твоихъ дворцовыхъ сужителей. Велите даточныхъ брать по сказкамъ, а не по писцовымъ книгамъ, и у тѣхъ, кто утаитъ, имѣніе взять въ казну; а всѣ итти готовы и рады работать головами и душею."

„Намъ читали, прибавили Каширцы, Ярославцы, Рязанцы и другіе, что Турки ведутъ войну не по одинъ годъ, но на это воля Божія: вольно Богу и въ малѣ времени укоротитъ. Въ Азовъ приличнѣе послать Воеводъ и рать стрѣлецкую; ибо если и отдадимъ его Туркамъ, то тѣмъ войны съ бусурманами не избѣжимъ, и гнѣвъ Божій на все Государство Россійское наведемъ. У Государя все есть; вели онъ кличь кликнуть, такъ явится народъ, а раззорены мы пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ, Московскою волокитою и отъ неправедныхъ судей."

Купцы сказали: „Тебѣ извѣстно Государь, что Крымскіе и Ногайскіе Татары по всякъ годъ

много берутъ полону, такъ, что многіе Украинскіе города и села опустѣли. Если сіе случается во время мира, то войною избѣжимъ сего, и не позволимъ бусурманамъ такъ поругаться нашей православной вѣрѣ. Хотя худы стали торжишки наши отъ неправды управителей, да отъ Нѣмцевъ и Персіянъ: они всѣ наши торжишки отбили и Воеводы потакаютъ имъ и ласкаютъ ихъ, а мы оскудали до конца; но готовы давать, что имѣемъ и готовы итти сами, и положить за Тебя свои головы."

Разночинцы говорили: „Пожары да подати, подводы да кормежныя деньги раззорили насъ; разсуди насъ Государь съ нашими Воеводами, да съ дьяками: они съѣдаютъ, что мы даемъ Тебѣ, Государю, а не смотря на то за домъ Пресвятыя Богородицы и за Тебя Отца-Государя готовы итти сами и платить готовы."

Замѣчательно, что порядокъ производства много сходствуетъ съ нынѣшнею формою судебныхъ дѣлъ. Разноголосныя мнѣнія членовъ собранія, сбивчиво, помѣщены сначала, потомъ изъ голосовъ сдѣлана выборка весьма краткая. Все непріятное Боярамъ и Дьякамъ выпущено; остались попреки на богатство Духовенства; въ заключеніе же рѣшенія, еще кратче сказано: *Какъ угодно Царю и Боярамъ, такъ и будетъ.*

Между тѣмъ, какъ Бояре думали, разноголосили и мдлили; а на Соборѣ разсуждали и стара-

лись высказать, что у кого было на сердцѣ, дипломатическіе агенты съ обѣихъ сторонъ хитрили, дѣйствовали прилежно. Умный Визирь, стращалъ всѣхъ грозными приготовленіями; зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и умѣлъ все поладить. Чтобы занять Венеціанъ, объявилъ походъ на Кандію. Съ Австріею открылъ переговоры, и его Посланники удивили Имперскихъ Вельможъ вѣжливостію, уклончивостію и уступчивостію. Польша озабочена была войною съ Малороссійскими Казаками, и Визирь поручилъ Молдавскому Господарю Лупулу, забавлять расказами Владислава. Въ отношеніи же къ Россіи, которой болѣе всего опасался, Визирь истощилъ все свое искуство. По его повелѣнію, Послы отъ Султана явились въ Москвѣ, по пріятельски извѣстили о рожденіи первороднаго сына Султанскаго, Магомета, увѣряли въ дружбѣ, слегка жаловались на нерасположеніе Русскихъ; и притворяясь незнающими настоящихъ отношеній Донскаго войска къ Правительству, называли Казаковъ разбойниками, которые не уважаютъ народныхъ правъ, рѣжутъ Пословъ, и убивъ за пять лѣтъ предъ симъ Кантакузина, недавно убили другаго Посла, Чауша Мугаммеда Келеби.

Россія, разстроенная, потрясенная въ основаніи своемъ Самозванцами, Ляхами и бродягами, послѣ 30-лѣтняго царствованія Михаила, хотя уже не была Государствомъ, растроеннымъ внутри и тѣснимымъ извнѣ; но какъ состояніе народа,

правосудіе и финансовая система не были еще приведены въ порядокъ, то время побѣдъ и завоеваній для нее еще не настало. Царь кроткій, незабвенный для насъ миролюбіемъ своимъ, успокоеніемъ Россіи, не хотѣлъ для Азова начать войну съ могущественною тогда Турціею. Но уклоняясь отъ смѣлыхъ предпріятій, и избѣгая гибельныхъ неудачъ на ратномъ полѣ, Царь во всякомъ случаѣ, твердо рѣшился поддержать свое достоинство, и для пользы Россіи обнажить мечь, когда то окажется необходимымъ.

1642 г. Въ слѣдствіе сего, подъ предлогомъ поздравленія Султана съ рожденіемъ наслѣдника, а болѣе для прекращенія разныхъ споровъ, прибыли въ Константинополь отъ Россійскаго Двора Послами, Илья Даниловичь Милославскій и Леонтій Лазаревъ [a]. На аудіенціи въ Диванѣ предложена была имъ длинная роспись жалобъ, между которыми особливо замѣчательны сіи: „будто бы Донскіе Казаки взяли Азовъ по повелѣнію Московскаго Двора, что имъ помогали людьми, провіантомъ и военными припасами; будто они же Казаки, Чауша Мегмеда Келеби съ шестью при немъ бывшими людьми убили, и обозъ ихъ взяли.“ Послы отвѣчали: „что Казаки взяли и отсидѣли Азовъ самовольно, безъ воли Царской; что Великому Сул-

---

(a) Въ книгѣ: Древнія сказанія объ Азовѣ, откуда сіе заимствуется, не показано года и числа, когда сіи Послы прибыли въ Царьградъ.

тану неизвѣстно быть не можетъ, „какимъ образомъ Его Царское Величество, не только Казакамъ въ ихъ предпріятіи не помогалъ, но тому противился; ибо въ семъ намѣреніи отправлены были въ Азовъ два чиновника, Богданъ Луковичъ и Афонасій Борловъ, и когда сіи безъ успѣха возвратились, то вторично и туда же былъ посланъ Михайло Зайковъ, который со всѣми бывшими при немъ людьми, на дорогѣ Казаками убитъ. Мегмедъ же Келеби убитъ и ограбленъ по западную сторону Днѣпра Запорожцами, подвластными Польшѣ. Послы съ своей стороны представили Дивану, что къ Титулу Его Царскаго Величества въ дипломатическихъ сношеніяхъ оказывается неуваженіе; что Царь у Султана не проситъ, а настоятельно требуетъ, чтобы Татарскій Ханъ, называющійся Турецкимъ подданнымъ, вполнѣ удовлетворилъ Его, за самовольныя и многія разоренія въ Россійской Украйнѣ, имъ самимъ и Мурзами его учиненныя.“ Горделивый Милославскій въ заключеніе своей рѣчи съ твердостію сказалъ: „что Царь мира хочетъ, для него, отъ ослушныхъ Казаковъ отступаетъ, и помогать имъ въ удержаніи Азова не станетъ; если же Султанъ войны пожелаетъ, то въ Азовъ послано будетъ Россійское войско, и тогда ему Султану, со всѣми его силами Азова уже не возвратить. Ибрагимъ, или лучше, его Визирь, удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ нашего Двора, подтвердилъ бывшій дотолѣ миръ; и въ семъ Актѣ Русскій Царь, въ первый разъ названъ *Падишахомъ*, т. е. Императоромъ.

1643 г. Казаки съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія судьбы Азова. Уже четыре мѣсяца прошло послѣ Собора; уже слышно было, что флотъ Турецкій отправился, и многочисленное войско выступило въ походъ. Наконецъ 30 Апрѣля, поспѣшно отправленъ изъ Москвы Есаулъ Родіоновъ (Атамановъ Васильева и Сафонова оставили въ Москвѣ), и съ нимъ Дворянинъ Михайло Засѣцкій съ 15 Казаками. Имъ велѣно ѣхать по ближайшей, по опасной дорогѣ чрезъ Валуйки, гдѣ при переправѣ на Донцѣ, Татарскіе наѣздники напали на нихъ. Засѣцкій ускакалъ съ немногими провожатыми и привезъ на Донъ Грамату слѣдующаго содержанія: „Вѣдомо Намъ учинилось заподлинно, что Султанъ Ибрагимъ, осадя Азовъ, отправитъ сильную рать, воевать Нашу Украйну; и всѣхъ Христіанъ, находящихся въ его владѣніяхъ, велитъ побить; Нашей же рати за краткостію времени не успѣть притти подъ Азовъ, принять его и вооружить, а какъ сами вы неоднажды писали, что въ разоренномъ Азовѣ держаться не возможно, то дабы напрасно не пролить крови Христіанской, повелѣваемъ: вамъ Атаманамъ-Казакамъ и всевеликому Войску Донскому, Азовъ оставить, возвратиться по своимъ куренямъ, или отойти на Донъ, кому куда пригодно будетъ. Будьте добрыми и послушными подданными, и на Нашу Царскую милость и щедроты всегда благонадежны. Если же ослушаетесь, то ни милости, ни помощи, ни защиты отъ Меня Царя не ожидайте; а себя за напрасное пролитіе крови вините.“

Во исполненіе сего Указа, Казаки немедленно вывезли изъ Азова все запасы, артиллерію и снаряды, подкопали уцѣлѣвшія стѣны и башни, оставили въ немъ небольшой отрядъ, и взявши съ собою Чудотворную Икону Св. Іоанна Крестителя, переѣхали жить на Махинъ островъ, что противу устья Аксая, составлявшаго тогда границу Донскихъ земель. Засѣцкій, свидѣтель покорности Казаковъ, отправился въ Москву съ Атаманомъ Степаномъ Ивановымъ и Есауломъ Герасимомъ Ивановымъ, съ донесеніемъ объ оставленіи Азова. Всѣ Станичные Атаманы и Казаки, жившіе въ Москвѣ, отпущены на Донъ съ похвальною Грамотою, писанною 1642 года Іюля 27 слѣдующаго содержанія: „Засѣцкій сказалъ Намъ, что, вы, Атаманы и Казаки, Азовъ оставили, и Наше Царское повелѣніе совершили, за что все Донское войско жалуемъ, похваляемъ, и хотимъ васъ держати въ Нашемъ Царскомъ жалованье по прежнему, смотря по службѣ вашей. И нынѣ, въ знакъ особаго Нашего благоволенія за послушаніе, наградивъ вашихъ Станичниковъ особымъ жалованьемъ, приказали Дворянину Нашему Тургеневу доставить вамъ 2,000 рублей деньгами; обѣщанныя въ прошедшемъ году 200 поставовъ сукна *настрафилю*; особо Войсковому Атаману Осипу Петрову сукна *лундышу* (Англинскаго), да камку добрую; изъ Тулы 250 пудъ ручнато зелья, 50 пушечнаго и 300 пудъ свинцу; съ Воронежа, 2,500 четвертей муки, да 200 ведеръ вина. И какъ къ вамъ ся Наша Грамата придетъ, и вы бы, Атаманы-Казаки,

Оставленіе Азова по Указу Царя. 1643 г. Іюля 27.

Намъ Великому Государю служили и прямили и во всемъ добра хотѣли въ правду, безъ всякія хитрости; и Пословъ Нашихъ и Турецкихъ, пропущали безъ всякаго задержанія, и ссоры никакія не чинили, и съ Азовцами вновь пришедшими жили смирно, задоровъ никакихъ не чинили, и на море не ходили, и судовъ не громили, и селъ и пригородовъ Турецкихъ не воевали. Дворянина Тургенева, и Пословъ Нашего и Турецкаго, кои вскорѣ прибудутъ къ вамъ на Донъ изъ Царяграда, примите съ честію по прежнему уряду, и проводите докуда прилично, чтобы имъ проѣхать здорово. А что у васъ будетъ впредь какихъ вѣстей, то провѣдавъ подлинно, присылайте Намъ отписки съ легкими станицами.“

Сераскиръ и Адмиралъ, осаждавшіе Азовъ, лишены чиновъ; самъ Верховный Визирь назвался Капитанъ-Пашею, а Египетскаго Пашу наименовали Силистрійскимъ Пашею. Отрядъ Казаковъ, оставленный въ Азовѣ, по приближеніи передовыхъ войскъ Силистрійскаго Паши, взорвавъ приготовленные подкопы и сожегши все оставшееся строеніе, удалился. Турецкій флотъ, состоящій изъ 38 галеръ, претерпѣвъ жестокую бурю въ Керчинскомъ проливѣ, вскорѣ прибылъ къ развалинамъ Азова, покрытымъ пепломъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ Греческое, Генуезское и Венеціанское купечество, богатѣло отъ мѣны Европейскихъ сокровищъ на Азіатскія, гдѣ корабли находили спокойное отдохновеніе и благопріятное

гостепріимство, тамъ Турецкія морскія и сухопутныя силы не нашли ни пристани, ни пріюта, и принуждены были поставить свои шатры внѣ развалинъ, гдѣ не осталось камня на камнѣ. Мустафа-Паша, начальствовавшій флотомъ, за неимѣніемъ матеріаловъ, изъ четырехъ поврежденныхъ на морѣ галеръ, оградилъ городъ частоколомъ, очистилъ развалины, построилъ нѣсколько нужнѣйшихъ зданій; дарами и обѣщаніями приманилъ прежнихъ жителей Азовскихъ, и оставя въ крѣпости многочисленный гарнизонъ, войско распустилъ, а самъ на флотѣ возвратился въ Константинополь. Въ слѣдующемъ году, Турки употребили знатную сумму денегъ на построеніе домовъ и укрѣпленій.

Не смотря на то, что въ 1643 году присланъ былъ въ Черкаскъ Воевода съ Стрѣльцами, для наблюденія за поступками и для руководствованія Казаковъ; они безъ спроса и позволенія снова безпрестанными набѣгами начали безпокоить гарнизонъ, и снова мимо Азова начали проходить на легкихъ и малыхъ своихъ судахъ въ море для промысловъ.

Во время пребыванія (1644 г.) въ Москвѣ Датскаго Принца Валдемара, объявленнаго женихомъ Царевны Ирины Михайловны; Донскіе Казаки подали первый поводъ къ неудовольствіямъ и жалобамъ, и послѣдовавшимъ за ними отказомъ. Тридцать человѣкъ Казаковъ, пріѣхавшихъ въ Москву за жалованьемъ, возвращаясь изъ Дворца,

порядочно закусивши, встрѣтились съ Датчанами и подъ веселую руку поколотили ихъ. Волдемаръ принесъ о семъ жалобу; но какъ вскорѣ его люди, въ свою очередь побили Казаковъ, шедшихъ отъ Боярина Ѳед. Ив. Шереметева, то Казаковъ велѣно скорѣе отпустить домой, а Датчанамъ запретили ходить по улицамъ.

Въ теченіи сего перваго періода, Казаки вели жизнь совершенно военную, рыцарскую; въ правленіи ихъ не было ни порядку, ни устройства, а въ образѣ жизни едва замѣтить было можно желаніе къ улучшенію. Они вели жизнь безбрачную [a], не имѣли церквей, обитали въ землянкахъ, переходили съ мѣста на мѣсто, и не зная никакого ремесла, ни земледѣлія; принуждены были кормиться однимъ грабежемъ, принуждены были за кусокъ хлѣба рѣзаться, и вести вѣчную войну съ своими сосѣдами, съ друзьями и съ непріятелями безъ разбору. Одна храбрость уважалась, прочія гражданскія добродѣтели составляли достояніе немногихъ. Атаманы ихъ избирались ежегодно; но власть сихъ начальниковъ, кромѣ распоряженій въ виду врага, была ничтожна. Самое правленіе Донское, состоявшее изъ выборныхъ Станичныхъ Атамановъ и Старшинъ, зависѣло отъ воли буйной толпы, которая не признавала

(a) Подробности о правахъ и обычаяхъ сихъ рыцарскихъ временъ помѣщены въ третьей части.

надъ собою иной власти, кромѣ той, которая бывъ ей угодна, умѣла управлять ею посредствомъ убѣжденія.

Іоаннъ Васильевичъ Грозный, въ царствованіе котораго явились на сцѣнѣ міра Донскіе Казаки, преимущественно занимаясь устроеніемъ войска, кажется, не полагалъ нужнымъ учредить свое Донское войско въ лучшемъ видѣ, и подчинить его строжайшему присмотру; и хотя, какъ видно изъ Граматъ, и располагалъ ихъ дѣйствіями по своему произволу, но внутреннюю управу предоставилъ имъ самимъ. Всегда угрожая ими Крымскимъ Ханамъ, увѣрялъ Турецкаго Султана, что будто они люди вольные, или бѣглые; такъ что въ Москвѣ Казаковъ чествовали, награждали за службу, давали порохъ и свинецъ; а въ Константинополѣ Послы наши отрѣкались отъ нихъ, и звали разбойниками. Такая политика, по обстоятельствамъ нужная, принося Государству пользу, содѣлала Казаковъ до того своевольными, что они осмѣливались ослушиваться указовъ Царскихъ, и грабить на Волгѣ, гдѣ пролегалъ изъ Москвы въ Астрахань главный торговый путь. Слабость Правительства Донскаго, собственныя наши внутреннія неустройства, смуты Боярскіе, и наконецъ смуты Лжедимитріевъ, когда Русское Государство, какъ море океанъ взволновалось, когда темные помыслы и лукавыя прельщенія честолюбцевъ, и особенно злодѣя Заруцкаго, вовлекли Казаковъ во многія тяжкія преступленія;

тогда-то духъ удальства, страсть къ опаснымъ предпріятіямъ, существовала во всей силѣ; и то, что были рыцари во времена феодальнаго варварства, что Пираты въ Европѣ, Флибустьеры въ Западной Индіи, то были у насъ Донскіе Казаки.

Витязи сіи, почитали себя, какъ бы отчужденными въ своемъ отечествѣ, противились порядку, не любили слѣпо покоряться власти; и предпочитали опасности, самую смерть, — жизни тихой и трудолюбивой. Мы видѣли ихъ и героями и злодѣями, видѣли участниками во всѣхъ скопищахъ бродягъ, грабившихъ и терзавшихъ грудь собственнаго своего отечества; видѣли ихъ усердно служившихъ всѣмъ Самозванцамъ, раззорявшихъ церкви и монастыри; видѣли ихъ злоумышлявшихъ на жизнь спасителя и главы отечества Князя Пожарскаго; — и святотатственными руками своими убившихъ знаменитаго Ляпунова, и храбраго партизана 1612 года Воеводу Карамышева. Но изъ тѣхъ же Казаковъ, одинъ, бывши разбойникомъ, сдѣлался героемъ и присоединилъ къ Россіи новое царство Сибирское; другой, бывши ослушникомъ Царской воли, безъ артиллеріи, взялъ крѣпость правильно и сильно укрѣпленную; третій, достопамятною осадою Азова, не менѣе Сарагосской и Миссолунгской знаменитою, заслужилъ вѣнецъ безсмертія. Наконецъ, мы видѣли ихъ громившихъ окрестности Константинополя, приступомъ покорившихъ Синопъ и Карасубазаръ, и усердно служившихъ при освобожденіи Москвы и изгнаніи Поляковъ изъ Россіи.

Такое противурѣчіе въ поступкахъ, такая противуположность въ дѣйствіяхъ, производятъ два чувства: удивленія и досады; — но справедливо ли будетъ, сей простой, необразованный народъ, строго осуждать, или порицать съ неудовольствіемъ? Дѣйствительно, могли-ли Казаки принять другое направленіе, или устремиться къ лучшей цѣли, когда по политическимъ причинамъ, а потомъ по слабости правленія, предоставили имъ волю въ дѣйствіяхъ и поступкахъ? Могли-ли слѣпцы итти по надлежащему пути не спотыкаясь? Не должно же удивляться, что Казаки, будучи оставлены собственному руководству, по ограниченности нравственныхъ понятій своихъ, почитали недругомъ всякаго, кто имъ противился, а врагомъ того, кто ихъ былъ богаче. Посему-то, чрезъ долгое послѣдующее время, тѣ изъ нихъ, которые жили промысломъ непозволительнымъ, почитались на Дону знаменитыми; ихъ славили въ пѣсняхъ, съ непонятнымъ восторгомъ и умиленіемъ до сего времени слушаемыхъ. Но и тогда, какъ и всегда было, маленькихъ воровъ вѣшали, или презирали; а большихъ чествовали.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

Отъ возшествія на престолъ
Царя Алексѣя Михаиловича,
до смерти
Петра Великаго.

Отъ 1645 по 1725 годъ.

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА.

Разбитіе Крымскаго Царевича Донатъ-Гирея. Похвальная грамота, 1646 г. Стенька Разинъ. Подвиги Разина на Каспійскомъ морѣ. Взятіе Астрахани. Злодѣйства Разина. Осада Симбирска. Разбитіе мятежниковъ при Пановѣ. Казнь Разина. Убіеніе Астраханскаго Митрополита. Казнь Астраханскихъ мятежниковъ. Самозванецъ Семенъ. Дѣйствія Казаковъ въ Турецкую войну.

1645 — 1676 г.

Разбитіе Крымскаго Царевича Донатъ-Гирея. 1645 г.

Въ 1645 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, Крымскій Царевичъ Донатъ-Гирей Нурадинъ, съ братьями и съ 5000 наѣздниковъ, нечаянно приступилъ къ

Черкасскому городку; но будучи со многою потерею отбить, отступилъ, и сталъ ниже Азова по рѣкѣ Кагальнику. Войсковой Атаманъ, посовѣтовавъ съ Стольникомъ и Воеводою, Княземъ Семеномъ Пожарскимъ, съ дворяниномъ Кондыревымъ, съ Княземъ Муцаломъ Черкасскимъ и вольными ратными людьми [a], Августа въ 5 день, скрытно перешедъ Кагальникъ на Темрюцкую сторону, внезапнымъ нападеніемъ станъ Царевичей взялъ, много полону получилъ, а чего съ собою взять было не льзя, то сожегъ. Нурадинъ, собравши разсѣянную свою конницу, напалъ на Казаковъ: Воевода и Атаманъ, обремененные плѣнными и добычею, пошли отъ Татаръ отходомъ. Азовскій Паша, Мустафа Бей, послышавъ бой, прибылъ на мѣсто сраженія съ своими Янычарами, Спагами и съ снарядомъ. Воевода и Атаманы, имѣя 6000 пѣшихъ Казаковъ и 1100 Русской и Черкесской конницы, не смотря на безпрестанную пальбу изъ пушекъ, отступали шагъ за шагомъ медленно и дрались противу 10,000 бусурманъ честно; и 8 Августа здоровы пришли въ Черкасскъ, потерявъ только 207 плѣнныхъ, которыхъ на отходѣ семъ Казаки сами порубили. Царевичи пошли въ Крымъ, а легкіе отряды Казаковъ преслѣдуя, взяли у нихъ для вѣстей пять человѣкъ языковъ.

Донесеніе о сраженіи съ Крымскимъ Царевичемъ Донатъ-Гиреемъ, привезъ въ Москву Ата- Похвальная Грамата. 1646 г. Сент. 25.

---

[a] Такъ называли пришедшихъ изъ Россіи вольныхъ людей.

манъ Васильевъ. Царь Алексѣй Михаиловичь наградилъ его и отправилъ съ нимъ на Донъ Похвальную грамоту, писанную въ 1645 году 25 Сентября, слѣдующаго краткаго и точнаго содержанія: „За мужество и храбрость бившихся честно, жалуемъ и милостиво похваляемъ; и посылаемъ вамъ Нашему Донскому войску Атаманамъ-Казакамъ, Нашего Царскаго Величества *Знамя*, да впредь на Нашу Царскую милость будете надежны. Тѣхъ же вольныхъ людей и Шацкихъ стрѣльцовъ, всего 600 человѣкъ, которые на отходѣ разбрелись, и струги у васъ вверхъ по Дону порастаскали и порубили, велѣли Мы бить *кнутомъ*, чтобы такое воровство другимъ было не въ повадку. Крымцевъ и Ногаевъ воевать, а съ Турскими людьми подъ Азовымъ, жить мирно повелѣваемъ.“

Изъ сей грамоты заключить можно, какъ о нравѣ двухъ Царей, отца и сына, такъ и о перемѣнившихся отношеніяхъ Донскаго войска къ Правительству. Михаилъ Ѳеодоровичь, кроткій, сердобольный и милостивый, желая изцѣлить раны растерзаннаго Ляхами и Самозванцами отечества, старался наиболѣе о сохраненіи съ сосѣдами мира и тишины; терпѣлъ ослушаніе Казаковъ и за самыя преступленія, милосердый сердцемъ, наказывалъ снисходительно. Напротивъ, Алексѣй Михаиловичь, при самомъ возшествіи своемъ на престолъ, въ одно и то же время послалъ: служившимъ честно *знамя*, а разбѣжав-

шимся *кнутъ*, дабы Казаки напередъ знали, чего они должны ожидать отъ младаго Царя. Мы уже видѣли, что Воевода съ ратью пребывалъ въ Черкаскѣ. Алексѣй Михайловичь далъ Воеводѣ сему обширнѣйшія права и власть; такъ что Атаманы, находясь подъ надзоромъ его, не смѣли своевольствовать, а Казаки на сходкахъ не дерзали вопить и безчинствовать.

Отъ возшествія на Престолъ Царя Алексѣя Михайловича, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, къ сожалѣнію, не отъискано мною многихъ актовъ, относящихся къ Исторіи Донскаго Войска. Только въ Указателѣ Россійскихъ законовъ части II на стр. 25, въ Указѣ 1654 года отъ 30 Іюня упомянуто о Казакахъ такъ: „А которые Донскіе Казаки и Атаманы, по которыхъ городовъ съ хлѣбными запасы, и съ пищальнымъ, и съ пушечнымъ зельемъ, и свинцомъ, и со всякимъ оружіемъ, и съ тѣхъ Атамановъ и Казаковъ, и съ ихъ судовъ, и съ запасовъ, и со всякаго ружья, и зелья и свинцу пошлины никакія не имати, и ни зачѣмъ ихъ не держати, пропускати ихъ на низъ безпенно.“ 1654 г.

Не смотря на строгость и любовь къ порядку мудраго Царя Алексѣя Михайловича, броженіе умовъ въ своевольныя времена междуцарствія возникшее, еще продолжалось; крестьяне и купцы жаловались на судей, чернь волновалась и дороги отъ разбоевъ были не безопасны. Разбойничьи шайки предпочтительно держались въ томъ 1660 г.

мѣстѣ, гдѣ Волга близко подходитъ къ Дону; ибо Донъ доставлялъ имъ ратниковъ, а Волга кормъ и одежду. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ того времени разбойничьихъ атамановъ, былъ Донской Казакъ Васька Прокофьевъ. Онъ предводительствовалъ многочисленною шайкою разнаго сброда, осмѣлился близъ нынѣшней Иловлинской Станицы, неподалеку отъ Дона, построить укрѣпленный городокъ, *Рыгою* имъ названный. Въ 1660 году, по указу Царскому, войско Донское, послѣ упорной, отчаянной обороны, взяло сей городокъ на щитъ; т. е. ограбивъ, сожгло и пепелъ его по воздуху развѣяло. Разбойники, попавшіеся въ плѣнъ, были проданы въ неволю, а Атаманъ Прокофьевъ, съ Есауломъ и 10 товарищами, были привезены въ Черкаскъ, и тамъ, по приговору Круга повѣшены.

Стенька Разинъ. 1667—1671 г.

Стенька Разинъ, Казакъ, урожденецъ города Черкаска, середней приписанной къ нему Станицы, былъ одаренъ умомъ властолюбивымъ, дерзновеннымъ и беспокойнымъ. Отважный духомъ и буйный сердцемъ, Разинъ имѣлъ всѣ качества Витязя того вѣка; а потому не могъ, и не хотѣлъ остаться въ безъизвѣстности. Употребя всѣ извороты хитрости, и не успѣвъ быть первымъ на Дону, оскорбился уничижительнымъ для него невниманіемъ собратій своихъ, въ званіе Войсковаго Атамана предпочетшихъ ему Корнилія Яковлева, Казака столь же отважнаго, но болѣе его благонравнаго. Разинъ рѣшился возвыситься надъ сво-

имъ соперникомъ инымъ путемъ, вознамѣрился прославить себя подвигами удальства, вознамѣрился разбогатѣть, сдѣлаться знаменитымъ, но обманутый сознаніемъ своихъ достоинствъ, которыхъ по надлежащему не умѣлъ употребить; и, увлеченный грубыми своими понятіями, увлеченный обстоятельствами и непреодолимымъ рокомъ, къ несчастію не сравнился съ Ермакомъ, и остался только разбойникомъ-злодѣемъ.

Въ 1667 году, Разинъ, собралъ на Дону значительное число гулякъ и бездомковъ, пришелъ съ ними къ Волгѣ и, укрѣпившись на Камышенкѣ[a], началъ перехватывать и грабить суда, идущія въ Астрахань и къ Казани. Вскорѣ, опасаясь праведнаго суда и строгости Царя, вышелъ на лодкахъ Волгою на Каспійское море, присталъ къ устью рѣки Яика, гдѣ разбилъ посланный противу него отрядъ Стрѣльцовъ; и, кромѣ убитыхъ, всѣхъ остальныхъ взятыхъ въ плѣнъ убѣдилъ, или принудилъ вступить къ нему въ службу. Изъ всего отряда, одинъ начальствовавшій онымъ, Богданъ Северинъ спасся и привезъ печальную вѣсть сію Астраханскому Воеводѣ Князю Хилкову. Отъ устья Яика, Разинъ быстро перешелъ къ крѣпости Гурьеву, противящихся жителей и 1667 г.

(a) Свѣденія о Разинѣ, заимствованы мною изъ разныхъ историческихъ актовъ, и главнѣйше изъ древней Россійской Вивліоѳики, часть XVIII, стр. 422 и слѣд.; изъ повѣсти о Стенькѣ Разинѣ, Алек. Сумарокова; и изъ Собранія Госуд. Грамотъ и договоровъ часть IV, стр. 253 и слѣд.

гарнизонъ побилъ, а сдавшихся присоединилъ къ своей шайкѣ.

Подвиги Разина на Каспійскомъ морѣ. 1668 и 1669 г.

Зиму провелъ Разинъ въ Гурьевѣ, а весною 1668 года, отправился со многочисленною ватагою на судахъ на Каспійское море, и тамъ грабя Русскія и Персидскія суда, остановилъ торговлю, и многіе приморскіе города, въ томъ числѣ Рящъ, Баку и Астрабатъ сжегъ и раззорилъ. Въ 1669 году, Разина соумышленникъ и помощникъ, Кривой, собралъ на Дону довольное число удальцовъ, пришелъ съ ними къ устью Мечетки, и оттуда Волгою и протокомъ Бузаномъ, хотѣлъ пробраться въ море. Дабы остановить его, Князь Хилковъ послалъ четыре роты Стрѣльцовъ: Кривой допустилъ ихъ войти въ протокъ Карабузанъ, и въ самомъ узкомъ мѣстѣ онаго, напалъ на нихъ; и всѣ суда со снарядомъ и Стрѣльцами привелъ въ Персію къ Разину. Помощь сія пришла и во время и кстати: Персидскій Шахъ, желая избавиться отъ грабителей, опозорившихъ Русское имя лютостію своихъ поступковъ и жадностію къ злату, выслалъ противу нихъ свою флотилію. Сраженіе было упорное, кровопролитное, но нерѣшительное: Разинъ, хотя счастливо отбился, и даже имѣлъ нѣкоторый верхъ, но купилъ оный утратою половины своихъ удальцовъ. Съ оставшимися, онъ не могъ продолжать своихъ набѣговъ и поисковъ, какъ развѣ только въ маломъ видѣ; должно было искать новыхъ головорѣзовъ на Дону. Но тамъ послѣдовала перемѣна. Но жа-

любѣ Персидскаго Двора, Царь Алексѣй Михайловичь, рѣшился сильною рукою прекратить безпорядки и въ примѣръ другимъ жестоко наказать грабителей, и всѣхъ тайно и явно помогавшихъ имъ. Государю извѣстно было, что всѣ Атаманы и Старшины, составлявшіе Правительство Донскаго Войска, если сами лично и не участвовали въ зломъ умыслѣ, то участвовали въ дѣлежѣ добычи, или могли быть подозрѣваемы въ потворствѣ; ибо Разиновы *вожаки* по всѣмъ Донскимъ городкамъ, и даже въ Черкаскѣ, въ присутствіи самаго Атамана, гласно и явно на площадяхъ, при сборѣ всего народа, приглашали *охотниковъ* (до чужаго), „*на Волгу матушку, иль на море на Хвалынское рыбки половить.*" Казаки знали строгость Государя, слышали о готовящейся на нихъ рати, и какъ думать должно, убоясь казни, *ради страха тѣлеснаго*, раскаялись, *пришли на истину*, и послали къ Великому Государю выборныхъ лучшихъ Казаковъ *бить челомъ въ винахъ своихъ, что бы Онъ*, Великій Государь, *призрилъ на нихъ Своимъ милосердіемъ, и вины ихъ велѣлъ отдать*. Царь простилъ Казаковъ, *отпустилъ имъ грѣхи ихъ*, но съ тѣмъ, что бы Разинъ съ шайкою его возвращенъ былъ домой, и впредь ни тайно, ни явно, никто съ Дона не осмѣливался бы ходить на грабежъ. По приговору круга, Войсковой Атаманъ послалъ Разину приказъ, чтобы онъ съ подручниками своими, и со всѣми удальцами, служащими подъ нимъ, подъ угрозою смертной казни, непремѣнно, оставя разбои, возвратился домой.

Изъ Исторіи Малой Россіи видно, что мятежный Гетманъ Малороссійскихъ Казаковъ, Брюховецкій, въ 1668 году, предлагалъ Донскому Войску отступить отъ Россіи; но вѣрный Богу и главѣ Отечества, Царю, честный Войсковый Атаманъ Корнилій Яковлевъ, съ презрѣніемъ отвергнулъ предложеніе измѣнника. За всѣмъ тѣмъ, Стенькѣ Разину служили много Малороссіянъ и особенно Запорожцевъ.

1669 г. Уступая необходимости, Разинъ повиновался, и въ томъ же 1669 году со всѣмъ своимъ войскомъ прибылъ къ Астрахани; и до полученія пропуска, расположился на одномъ острову составляемомъ устьями Волги. Здѣсь Казаки, нѣсколько дней принуждены были пить соленую морскую воду, и многіе изъ нихъ отъ цынги померли, самъ Стенька опухъ. Но не смотря на болѣзнь и не думая воспользоваться Царскимъ прощеніемъ, Разинъ металъ деньги народу, и показывая свои сокровища, соблазнялъ его обѣщаніемъ еще лучшей добычи. Одному Царскому чиновнику (вѣроятно приставу), подарилъ онъ богатую шубу и не скрывая намѣренія своего сказалъ ему: „*шубу мою возьми, да смотри, чтобы она шуму не надѣлала.*“ Осенью возвратился Разинъ на Донъ, гдѣ и скрылся въ Кагальницкомъ городкѣ. Тамъ продолжалъ онъ играть роль *Великаго*; сорилъ деньгами, казнилъ неповиновавшихся ему Казаковъ; присланнаго отъ Войсковаго круга посадилъ въ воду; какъ низкій тать по прежнему грабилъ,

пилъ, безчинничалъ, и посмѣваясь Уставамъ Церковнымъ, принялъ на себя санъ Іерея, вѣнчалъ, водя сочетаваемыхъ около пней; и такимъ образомъ нарушилъ не только Царскіе, но и Божіе законы. Въ такомъ буйномъ омраченіи, на досугѣ и отъ скуки, злодѣй Стенька возмечталъ, что онъ разбойничьими своими подвигами, уже пріобрѣлъ знаменитость; къ тому довольно поразбогатѣлъ; и, дерзнулъ послать въ Москву, восемь близкихъ къ себѣ людей, для изъявленія обманнаго покорства и преданности, для испрошенія себѣ особаго благоволенія Монарха, и какъ думаютъ, для предложенія своихъ услугъ. Сіи восемь человѣкъ отправлены были въ Астрахань, вѣроятно для суда и расправы; но съ дороги бѣжали, и дали знать Атаману, о гнѣвѣ Царя, и грозящей ему опасности.

Разинъ оскорбился презрѣніемъ къ его *знаменитости*, и устрашенный готовою разразиться надъ 1670 г.
нимъ грозою, рѣшился *мстить*, и кому же? Отцу-Государю, всѣми любимому. Онъ снова пригласилъ прежнихъ своихъ сподвижниковъ, и 13 Апрѣля 1670 года, тайно вышелъ съ ними на Кубань и къ Кумѣ рѣкѣ. Тамъ, въ горахъ и вертепахъ, жителей одного селенія обнадежилъ онъ, что имъ никакого зла не учинитъ, и что пришелъ къ нимъ только для закупки потребнаго своему войску; но когда они явились, Разинъ всѣхъ ихъ предательски погубилъ, подавъ къ тому знакъ нѣкоего особеннаго образца шапкою. За симъ, раззоривши

городъ Тарки, обратился къ Сѣверу и по дорогѣ ограбилъ многіе Татарскіе и Калмыцкіе улусы. Взялъ Царицынъ приступомъ, убилъ Коменданта Термотіева, и захватилъ въ сей крѣпости казенныя деньги и суда. Едва Разинъ успѣлъ осмотрѣться, какъ Воевода Иванъ Лопатинъ съ Стрѣльцами изъ Москвы, явился предъ Царицынымъ. Стенька выступилъ въ поле, Лопатинъ палъ и Стрѣльцы его, частію разбѣжались, частію попались въ плѣнъ, и одни волею, другіе неволею содѣлались разбойниками. Счастливый Атаманъ не останавливаясь, шелъ впередъ безъ помѣхи: обстоятельства ему благопріятствовали. Крѣпость Черный-Яръ также, какъ и Царицынъ, взялъ онъ приступомъ, и Воеводу и стрѣльцовъ, и всѣхъ тамъ бывшихъ умертвилъ; и 8 Іюня поставилъ шатры свои при Жареномъ бугрѣ, въ 8 верстахъ отъ Астрахани.

Взятіе Астрахани. 1670 г. Іюня 22.

Астрахань защищаема была храбрымъ Воеводою Княземъ Ив. Сем. Прозоровскимъ и 12,000 Стрѣльцевъ; взять такую крѣпость толпою всякаго сброда, было ненадежно. Разинъ прибѣгъ къ коварству: златомъ и обѣщаніями старался обольстить воинскую чернь, открылъ съ ними переговоры, началъ тайно съ ними пересылаться; и провѣдавъ чрезъ перебѣжавшихъ къ нему Стрѣльцовъ Лебедева и Курaткина, о расположеніи Астраханскаго гарнизона къ бунту, немедленно спустился по Волгѣ на судахъ, и прошедъ протоками: Богдою, Черепахою, Кутумомъ, остановился въ Кри-

вушѣ, на полверсты только отъ городской стѣны. Енгурчей, Татарскій Мурза, первый подалъ соблазнительный примѣръ предательства; ибо замѣтивъ приготовленіе къ приступу, вмѣсто того, чтобы защищать городъ, бѣжалъ съ дѣтьми своими и подданными на Терскую степь. По наступленіи ночи, разбойники Разина съ шумомъ подошли къ крѣпостному валу, приставили лѣстницы, и безпрепятственно вступили въ городъ. Тутъ открылась ужасная измѣна: Стрѣльцы и Пушкари не только не хотѣли стрѣлять, но приглашали Казаковъ условленными знаками, и шедшимъ по лѣстницамъ подавали руки. Градоначальникъ, Князь Прозоровскій, съ чиновниками и малымъ числомъ незабывшихъ долга и присяги своей Стрѣльцовъ, во всю ночь на 22 Іюня, мужественно бились на валу, и только къ разсвѣту отступили и затворились въ Соборѣ. Разбойники, претерпѣвъ значительный уронъ, наконецъ ворвались и въ Соборъ: здѣсь доблестный Князь, еще на валу пикою пробитый насквозь, защищался какъ левъ и съ 600 вѣрныхъ сподвижниковъ, палъ какъ герой. Злодѣи вынесли его изъ Собора, уже едва дышавшаго; и бросили съ бастіона въ ровъ.

По взятіи города измѣною, Разинъ явилъ себя злодѣемъ, какихъ еще не бывало. Всѣ начальные, служилые люди, Стрѣлецкіе головы, Дворяне, Подьячіе и иноземцы, преданы были мятежниками мучительной смерти. Семейство Воеводы истреблено было до послѣдняго человѣка: братъ его,

Князь Михайло Прозоровскій убитъ во время приступа, два малолѣтныхъ сына повѣшены за ноги и послѣ замучены, Боярыня его умерла отъ горя и ужаса. Семейства гражданъ, хотя нѣсколько зажиточныхъ, погублены были до послѣдняго младенца; жены и дѣвицы всѣхъ сословій претерпѣли казнь хуже смертной, ихъ роздали убійцамъ на позоръ. Купцы Турецкіе, Персидскіе, Армянскіе и Бухарскіе, также и Персидскій Посолъ, ѣхавшій въ Москву со ста человѣками свиты, вообще всѣ до нага ограблены, а частію и ограблены и умерщвлены. Голландскіе купцы, успѣвшіе уйти на Каспійское море, были пойманы и погублены. Послу Персидскому оставили только жизнь, и объявили, что его отпустятъ, когда Шахъ освободитъ взятыхъ имъ на бояхъ Казаковъ. Захвативъ казну, и ограбивъ церкви, домы, лавки и магазины, Разинъ собралъ богатую добычу, поровну и *честно*, раздѣлилъ ее своимъ сообщникамъ, и сожегъ первоностроенный въ Россіи корабль Орелъ, изъ котораго по невѣжеству своему, не умѣлъ сдѣлать лучшаго употребленія. Распустивъ Аманатовъ, Стенька приказалъ Астраханскую чернь привесть къ присягѣ на томъ: „чтобы имъ за Великаго Государя стоять, ему Разину служить, а измѣнниковъ (т. е. Бояръ, Воеводъ и всѣхъ начальныхъ людей) выводить.“ При сей Якобинской присягѣ, бывшей загородомъ подъ открытымъ небомъ, одинъ Священникъ (къ сожалѣнію Лѣтописецъ не называетъ его по имени), осмѣлился предъ лицемъ всего народа

обличить Разина въ измѣнѣ Царю, за что отсѣкли ему руку и ногу и повѣсили за ребро. Недѣлю спустя послѣ взятія Астрахани, привезенъ былъ въ городъ и посаженъ въ темницу Стольникъ Князь Львовъ. Сей Князь, отправленъ былъ съ отрядомъ Стрѣльцовъ, для подкрѣпленія Астраханскаго гарнизона. Онъ достигъ уже Чернаго Яра, но по слухамъ, что Разинъ взялъ уже Астрахань, и позволяетъ своимъ Казакамъ и передавшимся къ нему Стрѣльцамъ, грабить и безчинничать, что Царь съ своими Боярами и Нѣмецкими учителями строго имъ запрещаетъ; тотчасъ перебили всѣхъ своихъ начальныхъ людей и только одного Князя Львова, связавъ, представили Разину.

Утомившись убійствами, но еще не насытясь кровію, Разинъ сдѣлалъ нужныя распоряженія, и поручивъ храненіе Астрахани Атаману Васькѣ Усу, прозвищемъ Чертобородову; самъ 15 Іюля 1670 г. съ 2000 конныхъ Казаковъ берегомъ, и съ 200 струговъ, на коихъ посажена была пѣхота, состоявшая изъ Стрѣльцовъ, Донцовъ, Запорожцевъ и хохлачей Черкасъ, рѣкою поплылъ къ Симбирску. Изъ Царицына, Разинъ отправилъ въ Черкаскъ, Астраханскую свою добычу и 8 пушекъ. Сію казну, какъ думаютъ, милліоновъ стоившую, сопровождали Донскіе Казаки и Московскіе Стрѣльцы подъ начальствомъ Донскихъ Атамановъ Якушки Гаврилова и *Фролки Миняева.* Изъ донесенія Посольскаго Приказа Подъячаго Наума Колесникова, бывшаго при Персидскомъ

Послѣ въ Астрахани, и оттуда тайно бѣжавшаго въ Москву, видно: что Казаки Пяти-Избянскаго городка 15 Августа собравшись на Кругъ, положили итти къ Воронежу для воровства, и выбрали себѣ Атаманомъ Ивашку Толкача. Казаки верховыхъ городковъ уже грабили проѣзжихъ въ окрестностяхъ Рыбнаго (Острогожска). Атаманы снова потворствовали безпорядкамъ.

Злодѣйства Разина. 1670 г.

Изъ Царицына, Разинъ выступилъ съ 10,000 отчаянной сволочи. Саратовъ и Самара сданы ему мятежными Стрѣльцами безъ сопротивленія. Примѣръ заразителенъ: они какъ и Московскіе Стрѣльцы, перерѣзали всѣхъ своихъ начальниковъ. На пути къ Симбирску, Разинъ открылъ обширный планъ своихъ злодѣйствъ, явно обнаружилъ всю гнусность своего характера; и въ семъ отношеніи, ни одинъ изъ современныхъ намъ революціонеровъ, ни самъ Маратъ, ни Роберспьеръ, не совершили и не придумали ничего худшаго. Въ Замосковныхъ городахъ, съ давняго времяни крѣпостные люди и крестьяне, помѣщиковъ разоряли, грабили, жгли, убивали, и сбѣгали въ Нижней, Арзамасъ, на Курмышъ и на Алатырь; а изъ сихъ городовъ перебѣгали въ Казань и въ Низовые города. Изъ Указа 1658 года Февраля 15 видно, что Государь для возвращенія сихъ бѣглыхъ на прежнія жилища, посылалъ въ сіи города Сыщиковъ, указавъ виновныхъ въ убійствѣ, грабежѣ и зажигательствѣ казнить смертію. Безпорядки сіи еще продолжались: мысль увеличить ихъ, и

воспользоваться ими, родилась въ буйной головѣ Разина; — и онъ, по примѣру Хлопки Косолапа, немедля объявилъ себя покровителемъ черни, избавителемъ ея отъ ига помѣщиковъ; и что онъ идетъ въ Москву, для защищенія Царя противу враговъ и утѣснителей Отечества, Бояръ и всѣхъ благородныхъ людей. Съ сими зажигательными словами во всѣ стороны поскакали его гонцы, коимъ не трудно было легкомысленную чернь соблазнить вольною жизнію, богатою добычею и *будущимъ блаженствомъ*, для коего не нужны будутъ *ни подати, ни начальники*. Возмущеніе, подобно пожарному пламени, вдругъ обняло всю юговосточную Россію и распространилось отъ Астрахани до Нижняго-Новагорода. Мятежныя толпы явились за Рязанью, и даже ближе ста верстъ, въ самыхъ окрестностяхъ Москвы. Множество бездомковъ, дворовыхъ людей, гулякъ, бродягъ, выпущенныхъ изъ тюремъ преступниковъ, и многочисленныя шайки разбойниковъ, скрывавшихся по лѣсамъ, вскорѣ вмѣстѣ съ Донцами и Стрѣльцами составили толпу, простиравшуюся до 200,000 головорѣзовъ. Разинъ, для поддержанія броженія умовъ, и обмана народа, разсказывалъ, будто на одномъ его стругѣ сидитъ за годъ умершій Царевичь Алексѣй Алексѣевичь, а на другомъ низверженный Патріархъ Никонъ. Вмѣсто Царевича, иногда показывали мальчика лѣтъ шестнадцати, сына какого-то Черкескаго Князя. Народъ всему вѣрилъ, чему вѣрить хочется, и раздѣльными своими толпами, большею частію безоружными, безъ

порядка и начальниковъ производилъ величайшія злодѣянія, убійства и опустошенія; предавалъ огню и мечу сопротивлявшіеся города, разрушалъ усадьбы, мельницы и разныя заведенія, грабилъ Царскую казну, церкви, монастыри, купеческіе караваны. Словомъ, всѣ ужасы современной намъ Французской революціи угрожали нашимъ предкамъ: но Россія покрѣпче была Франціи, и Алексѣй не походилъ на Людовика; а посему, сія временная, хотя и сильная горячка, не могла разрушить здраваго тѣла, и болѣзнь не имѣла печальныхъ послѣдствій.

По счастію, Россія не имѣла тогда внѣшнихъ непріятелей, и Царь могъ располагать всею своею арміею, изрядно обученною и образованною иностранцами. Со всѣхъ сторонъ, солдатскіе и драгунскіе полки съ многочисленною артиллеріею, выступили къ театру дѣйствій, и трагедія вскорѣ кончилась. Къ насильственнымъ средствамъ присоединена была и сила убѣжденія. Московскій Патріархъ Іосафъ, пастырскимъ посланіемъ, увѣщевалъ Разина и его сообщниковъ покаяться, примириться съ Церковію, возвратиться на путь истины, и просить помилованія у Царя. Съ своей стороны, Царь, при краснорѣчивомъ посланіи, слогомъ церковнымъ, подобно проповѣди написаннымъ, препроводилъ вѣрному своему войску, Чудотворный образъ Владимірской Божіей Матери, рукою Евангелиста Луки написанный, тотъ самый, который при нашествіи Тамерлана, пере-

несенъ былъ изъ Владиміра въ Москву. „Да молится ему воинство, и получитъ побѣду надъ измѣнниками; да честные воины прилежатъ въ дѣлахъ званія своего вѣрно послужити. А Нашего Царскаго неизмѣннаго словесе, изводствомъ не косни, и паче чаянія вашего почтени будете.“ (a) Счастливый Разинъ, омраченный успѣхомъ не внялъ убѣжденіямъ Царя и Патріарха, и за то на первой недѣлѣ поста, Марта въ 12 день 1671 года, Патріархомъ со знатнѣйшимъ духовенствомъ соборне былъ проклятъ, преданъ Анафемѣ. Божескій гнѣвъ, подобно громовому удару палъ на главу злодѣя: чрезъ мѣсяцъ послѣ проклятія, его уже не стало.....

Осада Симбирска. 1671 г.

На пути къ Симбирску, Разинъ усилилъ свое войско многочисленными толпами разнаго сброда, въ началѣ Сентября сжегъ посады его, и въ рубленномъ городкѣ, осадилъ знаменитаго умомъ и храбростію Окольничаго Ивана Богдановича Милославскаго. Разинъ употребилъ то же коварство, что при взятіи Астрахани; но Милославскій имѣлъ подъ начальствомъ своимъ войска болѣе надежныя, нежели Стрѣльцы, и притомъ, самъ стоилъ цѣлой арміи; а потому, хотя съ малыми людьми, и съ великою нуждою, но отсидѣлся съ честію. На приступахъ и вылазкахъ много воровъ побилъ, и всѣхъ, попадавшихся въ плѣнъ, вѣшалъ на валу.

(a) Изъ книги подъ заглавіемъ: *Книга посланія грамотъ, отъ благочестивыхъ Царей и Патріарховъ, къ Православнымъ Патріархамъ и иные есть,* хранящейся въ Синодальной Московской библіотекѣ.

4 Октября 1671 года, на последнемъ приступѣ и на послѣдовавшей за нимъ вылазкѣ, Разинъ, претерпѣвъ совершенное пораженіе, съ немногими людьми бѣжалъ отъ Симбирска на судахъ внизъ Волгою къ Самарѣ.

Разбитіе мятежниковъ подъ Паловымъ. 1761 г.

Дабы скорѣе утушить пламя бунта, по разнымъ направленіямъ пущены были четыре корпуса. Въ то время, какъ Милославскій бился подъ Симбирскимъ, Окольничій Князь Юрій Алексѣевичь Долгорукій съ другимъ корпусомъ, въ исходѣ Сентября, между Арзамаса и Алатыря, подъ селомъ Паловымъ, при первой встрѣчѣ, 15000 отдѣльный Корпусъ Разина разбилъ на-голову. Мятежники тѣмъ большій претерпѣли уронъ, что защищались долго и упорно. Послѣ сего пораженія, они снова являлись, но уже не иначе, какъ разсѣянно и малыми партіями. Князь, не допуская ихъ къ соединенію, тѣмъ удобнѣе побѣждалъ ихъ и гналъ во всѣ стороны. Но пламя мятежа, утухая въ одномъ мѣстѣ, снова и снова прорывалось въ другихъ мѣстахъ. Такъ жители изъ Лыскова, Павлова перевоза и другихъ мѣстъ, приступили къ Макарьеву, и хотя съ великимъ урономъ были отбиты, но предательствомъ нѣкоего жида, Макарьево взято и пограблено. Лысковскіе крестьяне опомнились, пришли въ себя, и выдали 30 человѣкъ, присланныхъ отъ Стеньки начальниковъ, въ томъ числѣ были и изъ родни ему. За сію покорность Лысковская волость получила прощеніе. Вскорѣ пойманъ былъ главный Стенькинъ

предводитель, начальствовавшій въ сей сторонѣ: его четвертовали и повѣсили.

Царь, видя ужасное неустройство, и познавъ, что уже никакая милость не можетъ остановить мятежа, приказалъ, не однихъ начальниковъ и зачинщиковъ бунта, Донскихъ Казаковъ Разиновой породы; но уже всѣхъ безъ различія, попавшихся съ оружіемъ въ рукахъ, или обличенныхъ въ убивствѣ и грабежѣ, казнить безъ милосердія. Ужасенъ былъ видъ казней сихъ; ибо поля висѣлицами уставлены были, изъ которыхъ на иной по пятидесяти человѣкъ вмѣстѣ висѣло, и всѣ мѣста устланы были трупами и обагрены кровію: изрубленныя тѣла и кости валялись вездѣ; посаженные на колья разбойники жили дни по три и говорили. Адъ былъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ военные и гражданскіе властители проходили съ карательнымъ мечемъ своимъ, зарево пожаровъ освѣщало ихъ шествіе; вопли и рыданія осиротѣвшихъ женъ и дѣтей, сопровождали ихъ на каждомъ шагу. Куда бы зритель ни обратилъ своего взора, вездѣ встрѣчалъ отчаяніе и тяжкія страданія злодѣевъ, которые до того мучили невинныхъ. Толь великой жестокости требовала и нравственность и политика. При всемъ усиліи Правительства, бореніе, сопровождаемое ужаснѣйшимъ кровопролитіемъ, продолжалось три мѣсяца: Князь Долгорукій первый остановилъ мятежъ и укротилъ буйство разбойниковъ; но не иначе однакожъ, какъ переказнивъ ихъ до одиннадцати тысячь человѣкъ. Отъ грознаго меча его, разбойники разбѣжались

въ разные города. Даже въ Сибири, около Туринска, крестьяне и ратные люди приводили ихъ къ Воеводамъ, по двѣсти и по триста человѣкъ вдругъ; и хотя всѣхъ сихъ воровъ четвертовали и вѣшали, но искры мятежа еще долго тлѣлись въ отдаленныхъ мѣстахъ.

Кромѣ корпуса Князя Долгорукова, два другихъ отдѣльныхъ корпуса протекли лавою по разнымъ путямъ. Окольничій Князь Борятинскій укротилъ бунтъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы, и внизъ по теченію Оки до Нижняго-Новагорода. Князь Константинъ Щербатой, съ великимъ кровопролитіемъ, съ мечемъ военнымъ и мечемъ казни, прошелъ отъ Рязани за Тамбовъ. Воевода же Иванъ Сев. Хитрово, находившійся съ отрядомъ ратныхъ людей въ Черкаскѣ, съ пособіемъ оставшихся вѣрными Царю Донскихъ Казаковъ, успокоилъ и привелъ въ порядокъ Донскую землю. Дальнѣйшія подробности сихъ усилій Правительства, и чего они стоили народу, читатель легко себѣ вообразить можетъ.

Наконецъ, мужественный Милославскій, получивъ подкрѣпленіе, выступилъ изъ Симбирска въ поле и открылъ дѣйствія свои самымъ блистательнымъ образомъ. Малочисленнымъ своимъ полкомъ, при каждой встрѣчѣ, поражалъ онъ превосходное въ числѣ Разиново нестройное ополченіе, давилъ его по пятамъ, билъ на каждомъ шагу, гналъ передъ собою какъ беззащитное стадо овецъ. Стройнымъ чиномъ, подъ покрови-

тельствомъ хорошо устроенной артиллеріи, подобно ходячей крѣпости, посреди великаго множества превосходящей его силы, двигался онъ во всѣ стороны безпрепятственно. Отважнѣйшіе Казаки оторопѣли, ибо видѣли, что имѣютъ дѣло съ молодцомъ, не менѣе ихъ предпріимчивымъ, но болѣе искуснымъ въ ратномъ дѣлѣ. Разинъ, раненый подъ Симбирскомъ, ожесточился до того, что для полученія послѣдняго алтына отъ попадавшихся къ нему въ руки богатыхъ людей, купцовъ, монаховъ и чиновниковъ, живыхъ жегъ въ печи вмѣсто дровъ, тянулъ жилы, сдиралъ кожу, и разными пытками истязавъ, предавалъ мучительнѣйшей смерти. Прошло время обманамъ и обольщенію, и онъ уже не щадилъ ни пола, ни возраста, ни состоянія; губилъ и своихъ Казаковъ безъ милосердія, и на послѣдней сцѣнѣ сей трагедіи, которой онъ былъ героемъ, уподоблялся болѣе тигру, нежели человѣку.

Казнь Разина. 1671 г.

Разинъ не могъ опомниться отъ ударовъ, наносимыхъ ему искусною рукою Милославскаго: уже разбойники его только для добычи шатались малочисленными отрядами. Сбитый къ Царицыну Стенька надѣялся еще получить подкрѣпленіе съ Дона и отъ Запорожцевъ, и имѣя позади себя хорошо укрѣпленную Астрахань, надѣялся удержаться на переволокѣ между Царицынымъ и Качалинымъ. Милославскій искусными движеніями, не далъ ему времени сосредоточить разсѣянныя свои шайки; но обходя ихъ съ крыльевъ и

нападая съ тыла, порознь истребилъ ихъ на-голову, такъ что мятежныя толпы уже снова не являлись. Разинъ бѣжалъ на Донъ, но совершивъ столько злодѣяній, не могъ уже скрыться. Войсковый Атаманъ Корнилій Яковлевъ [a], открывъ убѣжище Разина, разбилъ его подъ Кагальницкимъ городкомъ, и со многими единомышленниками 14 Апрѣля 1671 года взялъ живаго; и взявши, на позоръ народу, приковалъ на цѣпь при дверяхъ Соборной Церкви въ Черкаскѣ, гдѣ оная и по нынѣ сохраняется подъ имянемъ *Разиновой цѣпи.* Товарищи его, въ Кагальникѣ и въ Черкаскомъ захваченные, по приговору круга за лютыя преступленія на лютую казнь осуждены, всѣ побиты и перевѣшаны были; а его, главнаго вора и заводчика, самъ Войсковой Атаманъ съ товарищами отвезъ въ Москву, гдѣ къ успокоенію всего народа въ томъ же 1671 году, на большой площади, въ Китаѣ городѣ, казненъ жестокою, но заслуженною имъ казнію. Фролка, братъ колесованнаго злодѣя, спасъ свою жизнь истиннымъ раскаяніемъ, и возвращеніемъ награбленнаго Разинымъ казеннаго и частныхъ людей имущества. Множество сокровищъ, серебра въ слиткахъ и въ окладахъ содранныхъ съ образовъ, и съ гробницъ, въ коихъ покоились нетлѣнныя мощи святыхъ, осталось на Дону; но ни одинъ изъ зло-

(a) Первый ввелъ въ употребленіе постоянный вѣсъ и мѣру; изъ коихъ послѣдняя, подъ названіемъ Корнѣевской осмухи, употреблялась еще въ концѣ XVIII столѣтія.

дѣевъ и святотатцевъ не успѣлъ воспользоваться оными; ибо немногія успѣли скрыться и спастись отъ карательнаго меча правосудія.

Убіеніе Астраханскаго Митрополита 1671 г.

Атаманъ Васька Усъ, управлялъ Астраханью болѣе года; когда же Разина не стало, то онъ, сдѣлавшись главою разбойниковъ, отправилъ подручника своего Ѳедьку Шелудяка къ Симбирску, дабы покореніемъ онаго собрать новыя силы для продолженія злодѣйствъ. Шелудякъ, отошедъ не далеко отъ Астрахани, и увидѣвъ, что всѣ пути къ оной охраняются Донскимъ войскомъ, собралъ свою вольницу на кругъ, на которомъ положили Астраханскаго Митрополита Іосифа и Князя Семена Львова убить за то, будто они на пагубу ихъ ссылаются съ Царскимъ мечемъ (такъ называли Милославскаго), и Донскимъ Атаманомъ, оговариваясь, что если сихъ Царскихъ слугъ не станетъ, то Астрахань содѣлается для нихъ надежнымъ убѣжищемъ. Злодѣйскій приговоръ, Васька Усъ исполнилъ какъ злодѣй. Безъ малѣйшаго уваженія къ сану, Казаки дерзновенно взяли Архіерея и привели его на площадь. Не убоясь смерти, Архіерей напомнилъ Стрѣльцамъ о ихъ долгѣ и присягѣ; и съ твердостію достойною Архипастыря, сказалъ: „Вамъ надлежитъ сихъ Донскихъ разбойниковъ перехватать.“ „Кого намъ хватать, мы всѣ разбойники,“ отвѣчали Стрѣльцы и схватя Святителя, долго его мучили, потомъ взвели на высокую крѣпостную башню и свергнули въ ровъ. Князя Львова также замучили и отру-

били ему голову; другихъ же остававшихся въ Астрахани Дворянъ, приказныхъ и всякихъ чиновъ Царскихъ людей, изтязавъ всѣхъ побили.

Казнь Астраханскихъ мятежниковъ. 1672 г. Нояб. 27.

Шелудякъ бодро выступилъ впередъ; но бдительный Милославскій съ малыми людьми съ однимъ Солдатскимъ и съ однимъ Драгунскимъ полкомъ, встрѣтилъ его за Царицынымъ, разбилъ и вогналъ въ Астрахань. На мѣсто Васьки Чертобородова, злою смертію скончавшагося, мятежники выбрали Ѳедьку своимъ главнымъ Атаманомъ. Шелудякъ рѣшился защищаться до послѣдней возможности; но Милославскій съ ратію, болѣе опытною нежели его сбродъ, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ истребилъ воровскія его шайки, отразилъ вылазки, и готовясь къ рѣшительному приступу, медлилъ; между тѣмъ предложилъ мятежникамъ пощаду, велъ съ ними переговоры. Наконецъ, твердостію и кротостію своею, достигнулъ до того, что преступники, отворивъ врата: вышли съ повинною. Милославскій вступилъ въ Астрахань 27 Ноября 1672 года. Злодѣи раскаялись и видя посреди Царскихъ войскъ несомую Чудотворную икону Владимірской Божіей матери, поверглись ницъ, прося ея защиты и заступленія; и стоя на колѣняхъ, или цѣлуя прахъ ногъ, слезно молили знаменитаго Воеводу, да отпуститъ имъ *достойныя смерти и всякаго посѣченія* вины ихъ, Но уже поздно грѣшники сіи принесли покаяніе. Князю Одоевскому поручено было отъ Государя изслѣдовать судебнымъ порядкомъ ихъ преступле-

нія. По приговору всѣ тѣ, кои участвовали въ здачѣ и взятіи Астрахани, и въ убійствѣ Митрополита и Воеводъ, числомъ до 12,000 человѣкъ, перевѣшаны были по большой дорогѣ изъ Астрахани въ Москву.

Изъ грамоты 1672 Ноября 5 видно, что Донскіе Казаки, вмѣстѣ съ Калмыками улуса Аюки-Хана, по повелѣнію Государя, ходили подъ Азовъ и въ наѣздахъ многихъ бусурмановъ побили, въ полонъ взяли 50 человѣкъ, да брата Азовскаго Паши, и сверхъ того отогнали много скота. „А какъ Воронежской Воевода Самаринъ, по слуху до него дошедшему доноситъ Намъ, что вы въ другой разъ съ Калмыками пошли подъ Азовъ, а брата Азовскаго Паши, хотите отдать на выкупъ за двѣ тысячи рублей, то сею грамотою, отправляемую Посольскаго приказа съ толмачемъ Иваномъ Кучумовымъ подтверждаемъ: Возмите, коли Богъ поможетъ, Каланчинскія башни, и укрѣпите ихъ такъ, чтобы въ нихъ сидѣть было безстрашно. Пришлите въ Москву двухъ или трехъ человѣкъ, знающихъ дорогу въ Крымъ и на Черное море; а имянно: Михайлу Самарина, Фрола Миняева и Романа Осипова, или изъ нихъ кого либо одного, а съ нимъ двухъ Казаковъ, бывшихъ въ Крыму и на морѣ. Брата Пашинскаго и другихъ плѣнниковъ, впредь до Нашего Указа на размѣнъ не отпускайте; а что у васъ подъ Азовымъ и подъ Каланчами случится, не медля дайте Намъ знать съ легкою станицею.“

Въ 1673 году, Октября 8 дня, Войсковой Атаманъ Корнилій Яковлевъ получилъ грамоту слѣдующаго содержанія: „До свѣдѣнія Нашего дошло, что многіе воры Разинскаго собранія тайно живутъ въ верхнихъ Казачьихъ городкахъ, и одинъ изъ нихъ, по имени Міюзской, съ 200 и больше человѣкъ, въ степи на Донцѣ до того усилился, что по тѣмъ дорогамъ проѣздъ сдѣлался труденъ. Дабы разбойники снова не распространились по Дону и по Волгѣ, вамъ Атаманамъ-Казакамъ и всему войску Донскому, предписываемъ, посовѣтовавъ съ Думнымъ Нашимъ Дворяниномъ Ив. Сев. Хитрово, съ достаточнымъ числомъ Нашихъ ратныхъ людей и Казаковъ выступить изъ Черкаска вмѣстѣ, пристанища воровскія раззорить и ихъ воровъ на Донцѣ, по Дону и гдѣ бы они не появились поймать и казнить. Въ верховные же городки, тамошнимъ Атаманамъ и Казакамъ пошлите *листы*, чтобы они нашихъ бѣглыхъ съ Дону ратныхъ людей, къ себѣ не принимали, въ пограничные Наши города не пропускали, а схватя препровождали бы ихъ назадъ въ полкъ Воеводы Ив. Сев. Хитрово, съ такимъ подтвержденіемъ, что за неисполненіе сего указа, подвергнутся ослушники жестокому по вашимъ Казачьимъ правамъ наказанію.“

Самозванецъ Семенъ. 1673 г.

1673 года Декабря 10го, Малороссійскій Гетманъ Иванъ Самойловичь, писалъ къ Царю, что въ Запорожье явился въ сопровожденіи 8 Донскихъ Казаковъ, Самозванецъ 15 лѣтъ, назвавшій себя

Царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, сыномъ Царя Алексѣя Михаиловича; во свидѣтельство чего, будто бы онъ на правомъ плечѣ имѣетъ знакъ вѣнца, а на рукѣ кривыя сабли.

Для истребованія отъ Запорожскаго Атамана Сѣрко, посылаемы были въ Запороги, Сотникъ Московскихъ Стрѣльцовъ Василій Чадуевъ и Малороссійскій Подьячій Семенъ Щоголевъ, которые писали, что самозванецъ показалъ о себѣ слѣдующее: „Одинъ разъ, онъ Семенъ, бывши въ Палатахъ дѣда своего Ильи Даниловича Милославскаго, подбѣжавъ къ нему, помѣшалъ разговору его съ Нѣмецкимъ Посломъ, за что Илья Даниловичъ невѣжливо отвелъ его рукою. Семенъ пришедъ потомъ къ матери своей Марьи Ильинишнѣ говорилъ: если бы ему на Царствѣ, хотя бы три дни побыть, то онъ бы Бояръ нежелательныхъ всѣхъ перевелъ. Государыня спросила его: кого бы онъ перевелъ? на что Царевичъ отвѣчалъ: первѣе всѣхъ Илью Даниловича, потомъ и иныхъ. Царица въ досадѣ кинула по немъ ножемъ, который воткнулся въ ногу, отъ чего Царевичъ занемогъ, а мать будто бы, велѣла Стряпчему Мих. Севастьянову, сына своего окормить. Стряпчій, вмѣсто его отравилъ лицомъ похожаго на него пѣвчаго, на мертваго надѣлъ платье Царевича, и такъ его похоронилъ, сказавъ, что Царскій сынъ скончался. Севастьяновъ, будто бы скрывалъ у себя Царевича три дни, потомъ заплативъ сто червонцевъ, отдалъ его двумъ нищимъ

старцамъ, безрукому да кривому, которые вывезли его изъ Москвы на телѣгѣ подъ рогожею, передали его какому-то посадскому мужику, а тотъ свезъ его къ Архангельской пристани. Тамъ, скитавшись долгое время прошелъ на Донъ, подъ именемъ Митюшки, служилъ Разину кошеваромъ и ходилъ съ нимъ на Хвалынскомъ море въ стругу. Стенька зналъ, что онъ Царевичь, вѣдали и Атаманы, но войско про то не знали." Предъ взятіемъ Разина, Царевичь писалъ къ отцу, съ однимъ чиновникомъ, присланнымъ на Донъ; но Бояре письмо къ Государю не допустили. Наступитъ однакожъ время, говорилъ Семенъ, что онъ пошлетъ письмо къ Царю съ такимъ человѣкомъ, который самъ до Его Величества донесетъ.

Сѣрко, сначала мало вѣрилъ словамъ и показаніямъ Самозванца; но когда по приказанію его, Священникъ на исповѣди Семена пыталъ, и сей поклялся, что онъ есть истинный Царевичь; и во увѣреніе причастился, то съ тѣхъ поръ Сѣрко и всѣ Запорожцы ему вѣрятъ, и кто что ни говори, и ни пиши, а въ противномъ никто ихъ не разувѣритъ. Однажды Сѣрко сказалъ перекрестясь Сотнику: „Что бы ни случилось, а *истинный* за нашъ о немъ промыслъ, дастъ намъ на три тысячи человѣкъ ежегодно на каждаго по десяти аршинъ кармазиннаго сукна, также денежную, свинцовую, пороховую казну многу, ломовыя пушки, ядра, и мастера, который бы тѣми ядрами

умѣлъ стрѣлять, и сапоги и чайки у насъ будутъ." Самозванецъ же говорилъ, что онъ знаетъ для чего Донцамъ и Запорожцамъ пушекъ и снарядовъ не даютъ: Царское *де* Величество *до нихъ милосердъ: много обѣщаетъ, а Бояре и мало не даютъ.*"

При настоятельномъ требованіи Сотника о выдачѣ ему Самозванца, по приказанію Кошеваго Атамана, Марта 17го того же 1673 года, Священникъ съ 11 куренными Атаманами, Самозванца осматривали и нашли на плечахъ подобіе вѣнца и двоеглаваго орла, *а мѣсяца съ звѣздою нѣтъ*, только на груди отъ плеча до другаго восемь пятенъ бѣлыхъ, *какъ перстомъ ткнутыя.* Не смотря на то, что Государь съ Сотникомъ Чадуевымъ писалъ Гетману и Кошевому, что сынъ Его, Царевичъ Симеонъ, похороненъ имъ самимъ и матерію его публично, что при отпѣваніи и погребеніи его въ Церкви Архистратига Михаила, были Патріархъ Паисій Александрійскій и все знатнѣйшее Россійское Духовенство, о чемъ въ то же время было объявлено по всѣмъ областямъ, и дано знать сосѣднимъ Государямъ; и что Царевичу Симеону было бы теперь девять лѣтъ, а не пятнадцать, какимъ сказывается Самозванецъ. Не внявъ всѣмъ симъ причинамъ, ослушный Сѣрко Марта 18го учиня раду, Самозванца не выдалъ; а написавъ два донесенія, одно, съ тремя посланцами послалъ къ Царскому Величеству, а другое, къ Гетману Самойловичу.

Получа донесеніе, Государь призвалъ присланныхъ въ Москву Запорожцевъ, Прокофья Семенова съ товарищами, въ присутствіи Своемъ приказалъ прочесть имъ новое Свое повелѣніе (1674 г. Мая 13), въ коемъ укорялъ Атамана Ивана Сѣрко, во первыхъ, за ослушаніе, а во вторыхъ, за то, что онъ безъ воли Царской допрашивалъ Самозванца, и о появленіи его въ Запорожье, въ свое время не донесъ Царю, и не далъ знать ни Гетману, ни Бѣлгородскому Намѣстнику, Боярину Кн. Ромадоновскому. Въ заключеніе, Царь подтвердилъ прежнее повелѣніе о высылкѣ Самозванца съ наставникомъ его Міюскою, и отпустилъ посланныхъ въ Запорожье, съ тѣмъ, что годовое ихъ жалованье будетъ удержано до тѣхъ поръ, пока они приказанное исполнятъ. Сей указъ вторично подтвержденъ 8го Іюня.

Долго Сѣрко упрямился и скрывая Самозванца, не хотѣлъ его выдать; наконецъ, по настоятельному требованію, отправилъ его въ Москву [a]. Обманщикъ при допросѣ и пыткѣ сбился въ словахъ: въ началѣ сказалъ, что онъ Полякъ, вѣры Католической, жилъ въ Лохвицѣ у Князей Вишневецкихъ, зовется Сенькою, а по отцѣ Еремѣевымъ, ушелъ въ Варшаву, гдѣ приняли его къ себѣ Нѣмцы и продали Глуховскому купцу, отъ

(a) За послушаніе Государь пожаловалъ Запорожцамъ, кромѣ пушекъ и другихъ воинскихъ и хлѣбныхъ запасовъ 500 червонцевъ, 150 половинокъ сукна и по 50 пудъ пороха и свинцу.

коего бѣжалъ въ Чугуевъ, оттуда на Донъ, гдѣ звался Митюшкою; наконецъ, на Донцѣ спознался съ Міюскомъ, который, покравши лошадей съ Дону бѣжалъ. Въ другомъ допросѣ Самозванецъ показалъ, что онъ мужицкой сынъ, того же Кн. Вишневецкаго, зовется Ивашко Андрѣевъ; по прозвищу Воробьевъ; въ третій сказалъ, что отецъ его жилъ не въ Лохвицѣ, а въ селѣ близъ оной, и съ Міюскомъ не на Донцѣ, а на Дону познакомился, и оттуда съ нимъ и съ иными 7 Казаками пришелъ въ Запорожье, гдѣ по убѣжденію и наученію Міюска, назвался Царевичемъ. Въ 1674 году въ Сентябрѣ, Сенька казненъ въ Москвѣ казнію Разина, а Міюску, скрывшагося въ Запорожье, велѣно неукоснительно сыскать и прислать въ Москву.

Дѣйствія Казаковъ въ Турецкую войну. 1673—1680 г.

По присоединеніи къ Россіи Малороссіи и Смоленска, Царь Алексѣй Михаиловичь, по политическимъ причинамъ, рѣшился помочь Польской Республикѣ противу Порты Оттоманской. Въ семъ намѣреніи отправленъ къ Портѣ Посломъ Окольничій Иванъ Михайловичь Милославскій, мужъ смѣлый и славолюбивый. Сей горделивый Вельможа, вошедъ въ Диванъ, не хотѣлъ трактовать о дѣлѣ съ Членами сего совѣта; но обратившись къ тому окну, за которымъ Султаны обыкновенно слушаютъ о чѣмъ говорится въ Диванѣ, подалъ Султану Царскую Грамату, чрезъ Верховнаго Визиря. Царь требовалъ Азова, и совѣтывалъ Туркамъ войны съ Польшею не начинать.

Посла хотѣли посадить въ Семибашенный замокъ, однакоже отпустили, съ гордымъ и неучтивымъ отвѣтнымъ письмомъ. Война была объявлена (1673). Въ семъ же году Калмыцкій Ханъ *Аюка*, со всѣмъ своимъ народомъ, присягнулъ Царю на вѣчное подданство.

Донскимъ Казакамъ, вмѣстѣ съ Калмыками, приказано было частыми набѣгами тревожить Азовскій гарнизонъ и раззорять окрестныя мѣста. Капитанъ-Паша, прибылъ къ Азову съ 39 галерами, преградилъ Казакамъ путь въ море, прогналъ ихъ изъ окрестностей, и привелъ обвѣтшавшую крѣпость въ то состояніе, въ какомъ Петръ Великій нашелъ ее въ 1695 году. Не смотря на присутствіе сильнаго Турецкаго флота подъ Азовомъ, Донцы вмѣстѣ съ Запорожцами, во все время продолженія сей войны, много безпокоили Турокъ и Татаръ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ.

Въ 1674 году, Стольникъ Князь Петръ Ивановичъ Хованской и Воевода Як. Тим. Хитрово, первый изъ Тамбова сухимъ путемъ, вторый изъ Воронежа Дономъ на судахъ со многими пѣшими и конными ратными людьми, съ Донскимъ войскомъ, Калмыками, Ногаями и Запорожцами ходили подъ Азовъ и въ Крымъ [a], но что тамъ сдѣлано, отписки мною не отъискано.

(a) Взято изъ Граматы Запорожскому Атаману Ив. Сѣрку, писанной 1674 Іюля 8. (См. Собр. Грамотъ часть IV. стр. 315).

Новый Войсковой Атаманъ Михайло Самаринъ, оказался ослушникомъ; по Указу Государеву, на Міюсѣ и на *Казачье еркъ*[a] для свободнаго хода на море, городковъ не построилъ, подъ каланчами никакого промысла не учинилъ и вора Сеньки Буянки съ товарищами въ Москву не прислалъ. Хотя за таковое ослушаніе, Атаманъ и все Донское войско заслуживали Царскую немилость и опалу; но какъ въ 1675 году (см. Грамату Дек. 2), сей Атаманъ Самаринъ, по доброй своей волѣ, безъ повелѣнія Государева, для подкрѣпленія корпуса Князя Каспулата Муцаловича Черкасскаго отправилъ къ Перекопу конныхъ своихъ Казаковъ и Татаръ, подъ начальствомъ выбраннаго походнаго Атамана Фрола Миняева, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Калмыками Мазана Батыря, Запорожцами и другими строевыми ратными людьми, составлявшими полкъ Кн. Черкасскаго, переправившись чрезъ гнилое море за Перекопъ, у Каменнаго моста, разбили Крымскую заставу, взяли лагерь съ шатрами и бунчукомъ, пожгли многія села и деревни; и потомъ выдержавъ жестокій бой съ треня Крымскими Салтанами, напавшими на нихъ съ превосходными силами, съ богатою добычею и нѣсколькими плѣнными съ малымъ урономъ отступили. За 1675 г.

(a) О семъ еркѣ (каналѣ) въ первый разъ упоминается въ Грамотѣ, на Донъ въ 1672 году писанной. Оный прорытъ былъ между Каланчею и Мертвымъ Донцомъ; за мѣлководіемъ сего канала, Турецкія галеры не могли преслѣдовать Донскихъ лодокъ, и потому сіи послѣднія, обходя Азовъ, выходили въ море уже свободно.

сей подвигъ и службу, Самарина и Казаковъ его, Государь милостиво простилъ, и *ослушанія вину, достойнаго примѣрнаго наказанія, отпустилъ; да впредь воспоминовенны не будутъ;* но съ тѣмъ однакожъ, что все прежними Указами предписанное, было бы исполнено неукоснительно. „Когда же усердіемъ и безхитростнымъ повиновеніемъ Моей Царской волѣ и власти, заслужите Мое Монаршее снисхожденіе и милость, тогда отпущено будетъ въ Приказъ (Посольскій) слѣдующее вамъ годовое денежное и хлѣбное жалованье, вино, сукна и военные запасы. Ждите награды, но старайтесь заслужить ее охочимъ радѣніемъ къ службѣ, да не будете ослушниками.“

Калмыцкій Ханъ Аюка, также не исполнилъ повелѣнія Государя; вмѣсто Соломѣ Сереня Тайши, послалъ меньшаго своего брата Замсу, который съ Дону воротился назадъ самовольно, а въ походъ добровольно пошелъ одинъ малолѣтный вышеупомянутый Мазанъ Батырь, только съ 1000 своихъ улусниковъ. Сихъ Государь пожаловалъ сукномъ и шапками. Впрочемъ изъ современныхъ актовъ видно, что Калмыки не очень усердно служили, до схода съ непріятелями и до удара еще держались съ войсками; а въ отводѣ отъ непріятелей и до совершенія службы никогда не бывали. Кубека же и Юсупъ Уракова, половины Казыева улуса Мурзъ, Орды, разошлись за Кубу рѣку къ Черкесамъ, а иныя къ Калмыкамъ.

Въ 1676 году, Князь Ромадановскій, разбилъ Крымскаго Хана, шедшаго къ Чигирину, и поло-

жилъ на мѣстѣ около 10,000 Татаръ, въ томъ числѣ Ханскаго сына и 8 Мурзъ. Отправленный Княземъ полкъ Стрѣльцевъ и 1500 Малороссійскихъ Казаковъ, чрезъ всю облегавшую крѣпость Турецкую армію пробились и въ Чигиринъ вошли. По приближеніи Россійской арміи, Паши, не надѣясь взять Чигиринъ въ виду ея, оставя лагерь, обозъ и артиллерію бѣжали за Бугъ. Въ семъ и слѣдующемъ году Донскіе Казаки подвизались подъ Азовомъ и громили на морѣ Турецкія суда.

ГЛАВА V.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА, ІОАННА и ПЕТРА I.

Грамата о возшествіи на Престолъ Царя Ѳеодора Алексѣевича. Казаки подъ Чигириномъ. Миръ съ Турціею. Присяга Царю Петру Алексѣевичу. Отвѣтъ Войсковаго Атамана Крымскому Хану. Новая война съ Турціею. Гоненіе на Раскольниковъ. Наѣзды и морскіе поиски Казаковъ. Осада Азова.

1676 — 1696 г.

Грамота о возшествіи на Престолъ Царя Ѳеодора Алексѣевича. 1676 г.

Въ семъ же 1676 году, Февраля 3, прибылъ въ Черкаскъ съ извѣстительною грамотою о возшествіи на Престолъ Царя Ѳеодора Алексѣевича, Стольникъ Семенъ Колтовской, который, по приводной записи, данной ему изъ Посольскаго Приказа, Войсковаго Атамана, Старшинъ и Казаковъ привелъ къ присягѣ; а жителей городковъ, приводили къ присягѣ Войсковыя Старшины вмѣстѣ съ головами Московскихъ Стрѣльцовъ, присланныхъ для сего отъ Воеводы Князя Хованскаго. Въ сей извѣстительной грамотѣ между прочимъ, въ заключеніи сказано: „дабы вы Намъ служили и прямили и всякаго добра хотѣли безо-всякія хитрости; и быти вамъ въ повелѣніи Нашемъ и жалованье и милость получати отъ Насъ противу прежняго, какъ было при Отцѣ Нашемъ; служба же ваша и радѣнье у Насъ, Великаго Государя, никогда забвенна не будетъ.“

Въ 1677 году Султанъ Магометъ IV, чрезъ Посла своего, присланнаго въ Москву, домогался о возвращеніи Чигирина, и объ изгнаніи Казаковъ изъ Государства; но Царь Θеодоръ Алексѣевичь отвѣчалъ ему на сіе: Казаковъ не выгоню, Азовъ возьму, и всѣ земли по Днѣстръ постараюсь покорить.

Въ 1678 году 8 Іюня, Турки со ста тысячною арміею, снова осадили Чигиринъ. Князь Рамадановскій, уклоняясь отъ генеральной битвы, маневрировалъ малыми отрядами, сражался 17 дней сряду съ славнымъ Алепскимъ Пашею Кара Мегмедомъ и всегда съ выгодою; наконецъ, въ началѣ Августа, дождавшись Донскихъ Казаковъ и Калмыковъ, съ Княземъ Черкаскимъ двинулся впередъ и напалъ 3 Августа на Каплана Пашу, осаждавшаго Чигиринъ. Турки были разбиты или лучше разсѣяны, и также, какъ и прежде, бросивъ лагерь, обозы и пушки, бѣжали чрезъ болото къ стану Верховнаго Визиря, находившагося по другую сторону Чигирина. Князь не рѣшился напасть на Визиря, но ввелъ въ Чигиринъ сильное вспоможеніе, и сталъ отъ него на пушечный выстрѣлъ, на мѣстѣ, гдѣ были укрѣпленія Каплана-Паши. Турки между тѣмъ продолжали осаду съ другой стороны болота безпрепятственно, подкопомъ взорвали знатную часть вала, ворвались чрезъ проломъ въ крѣпость (10 Августа) и, осажденные, оставя у пороховаго погреба фитиль, отступили въ лагерь. На другой день, по взятіи Чигирина,

Казаки подъ Чигиринымъ 1678 г.

Кн. Рамадановскій отошелъ къ Днѣпру; Визирь преслѣдовалъ его, но будучи пять разъ отбитъ, отступилъ къ Чигирину. На семъ отступленіи, начавшемся 19 Августа, былъ онъ разбитъ, и потерявъ артиллерію и обозы принужденъ былъ, разоривъ Чигиринъ, расположить армію свою на зимнія квартиры при устьѣ Днѣпра. Рамадановскій остановился на мѣстѣ битвы, и по тогдашней тактикѣ не хотѣлъ или не умѣлъ воспользоваться побѣдою, за что и былъ отозванъ въ Москву.

Въ 1679 году, Донскимъ Казакамъ, Калмыкамъ и Черкесамъ поручено было защищать границы по Муравской дорогѣ отъ впаденія Крымскихъ Татаръ; но какъ Султанъ большую часть силъ своихъ обратилъ противу Австрійцевъ, то въ сей сторонѣ никакого движенія и сраженія не произошло. Въ слѣдующемъ 1680 году, Царь Θеодоръ Алексѣевичъ заключилъ съ Турками въ Радзинѣ

Миръ съ Турціею. 1680 г.

выгодный 20 лѣтній миръ. По сему договору, Россіи возвращены всѣ мѣста Малороссіи принадлежавшія и по правую сторону Днѣпра находившіяся.

Не смотря на миръ, Азовскіе Турки подкрѣпляемые Крымцами, Ногаями и Черкесами, нападали на ближайшія къ границѣ Россійскія области и многія тысячи людей въ полонъ отводили. Донскія станицы, болѣе другихъ подвергались частымъ набѣгамъ. Войсковой Атаманъ Фролъ Миняевъ просилъ у Правительницы Софіи Алексѣевны пособія; но ему въ томъ отказано и запрещено

ходить войною для отмщенія. Не смотря на запрещеніе, Казаки, желая возвратить свой убытокъ, вышли на лодкахъ въ море, и тамъ многія приморскія селенія и пригороды разорили и много кораблей у Турковъ отняли. Крымскій Ханъ жаловался Двору на Миняева, а въ то же время его Татара увели изъ Тора 500 человѣкъ плѣнныхъ.

Присяга Царю Петру Алексѣевичу.

Въ 1682 году Маія 3, пріѣзжалъ на Донъ Стольникъ Егоръ Яновъ съ извѣстительною Грамотою о возшествіи на Престолъ Царя Петра Алексѣевича; онъ привелъ все Донское войско къ присягѣ. Ожидали ли тогда Казаки, что они, цѣлуя крестъ и Евангеліе младенцу, присягаютъ будущему Герою, Отцу, благодѣтелю своему?

Отвѣтъ Войсковаго Атамана Крымскому Хану.

Здѣсь приличнымъ почитаемъ помѣстить любопытную отписку Донскаго Атамана Фрола Миняева Крымскому Хану Муратъ-Гирею, посланную къ нему 1682 года въ Ноябрѣ, съ ближнимъ Агою, привозившимъ отъ Мурата письмо, на которое знаменитый храбростію и удальствомъ Фролъ Миняичь отъ имени всего Донскаго войска отвѣчалъ такъ: „Не мы Донскіе Казаки, а изъ улуса Соломъ Сереня дикіе Калмыки Щатырь Копка твой Ханскій юртъ разорили, и много животины и всякаго полону отогнали. Мы же вѣрно знаемъ, и неоднократно о томъ къ тебѣ писали, что твои Крымскіе Татара и Ногайцы, вмѣстѣ съ Сюнновыми Азовскаго Бея ратными людьми, по всякій годъ и во время мира, подъ нашими Украинскими и

Казачьими городками многія разоренія чинять. Если не уймешь ихъ, и мы молчать не будемъ. Въ отвѣтъ же на угрозы твои, что если мы взятое твое за Перекопомъ и въ иныхъ мѣстахъ не пришлемъ, то ты Ханъ Муратъ, пришлешь къ намъ твоихъ *зипунниковъ* одинъ отрядъ за другимъ, и всѣмъ нашимъ 32 городкамъ покою не дашь ни весною, ни лѣтомъ, ни осенью, ни зимою; а и самъ ты, Ханъ Муратъ Гирей, съ великою ратію и большимъ собраніемъ придешь къ намъ зимнимъ путемъ по льду: зачѣмъ тебѣ такъ далеко забиваться, мы люди не богатые, стадъ конскихъ и животинныхъ у насъ мало, городки наши некорыстны, оплетены плетнями, обвѣшанными терномъ; а добывать ихъ надобно твердыми головами, на посѣченіе которыхъ, какъ тебѣ вѣдомо, у насъ есть сильныя руки, острыя сабли и меткія пищали. Побереги здоровье, не ходи."...

Новая война съ Турціею. 1687-1700 г.

За малолѣтствомъ Царей, Боярская Дума, по совѣту Генерала Гордона, за великій грабежъ и многія неправды, рѣшилась разбойничье гнѣздо въ Крыму разорить окончательно. Къ сожалѣнію, мимо опытныхъ и искусныхъ Генераловъ, армія поручена была наперстнику Правительницы Царедворцу, искусному Министру, но плохому Полководцу Князю Голицыну, который со многочисленною арміею предпріявъ походъ въ Крымъ, по причинѣ выжженныхъ на двѣсти верстъ степей, и за недостаткомъ провіанта, не дошедъ до перекопа, отъ Конской рѣчки выше устья Акчак-

рака, въ 40 верстахъ отъ сѣчи Запорожской, возвратился безъ успѣха и съ потерею 40,000 человѣкъ. Во время сего похода, Атаманъ Фролъ Миняевъ съ своими Донскими Казаками, захватилъ Татарскій кошъ, 500 человѣкъ убилъ и 50 взялъ въ плѣнъ.

Въ 1688 году, Князь Голицынъ съ великою арміею и большимъ снарядомъ дошелъ до Перекопа, и разбилъ Татаръ, но Боярская Дума, именемъ малолѣтныхъ Царей управлявшая, подозрѣвая Польскую Республику въ недоброжелательствѣ, повелѣла арміи отступить въ Украйну, что и исполнено безъ потери. Въ сей походъ на Самарѣ, въ 7 верстахъ отъ Днѣпра, построена Богородицкая крѣпость. Войсковой же Атаманъ съ 3,000 Донцовъ, разбилъ двѣ непріятельскія партіи, а войсковая флотилія на Азовскомъ морѣ много судовъ захватила и возвратилась на Донъ съ богатою добычею, и малою потерею. Въ семъ же году, война съ Крымскимъ Ханомъ прекращена; но въ пограничныхъ мѣстахъ произвольныя набѣги, продолжались съ перемѣннымъ счастіемъ.

Гоненіе на раскольниковъ. 1688 г.

Въ теченіе 1688 года, какъ изъ грамоты, посланной изъ Москвы 14го Августа видно, случились на Дону слѣдующія происшествія: Раскольники изъ разныхъ верхнихъ городковъ, также изъ Паншина и Кагалина, собрались на рѣкѣ Медвѣдицѣ, съ тѣмъ, что бы уйти на Куму, для свободнѣйшаго и удобнаго оттуда хожденія для воровства подъ Царицынъ, на Волгу и подъ Чер-

каской городокъ. По указу Царей и Правительницы, Войсковой Атаманъ Фролъ Миняевъ отправилъ въ верхнія городки и на Медвѣдицу Станичнаго Атамана Осипа Михайлова, но раскольничьи попы Досифей и Пафнутій съ своими единомышленниками, успѣли уйти на Куму. Собравшіеся же на Медвѣдицѣ, въ числѣ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ *Кузьмы Косаго*, бѣжали въ дальныя мѣста и близъ Тамбова и Козлова укрѣпились; тамъ присоединились къ нимъ многіе раскольники изъ ближнихъ городовъ. Станичныя же Атаманы и всѣ Казаки верховыхъ городковъ, обѣщались служить Государю и Донскому войску вѣрою, а раскольникамъ не потворствовать, въ чемъ и крестъ цѣловали. А какъ Кузьма Косой съ собратіею отъ раскола отстать не хотѣли, повинной не принесли и Апостольской Соборной Церкви не покорились, то Осипъ Михайловъ съ 1,000 человѣкъ, напалъ на ихъ укрѣпленіе, долго бился съ ними; но какъ по мѣстоположенію городка до зимняго времени взять было его не возможно, то оставя для осады городка Атамана Мещерякова съ 500 Казаковъ, Михайловъ съ остальнымъ войскомъ возвратился на Донъ. Въ продолженіе сей смуты, несмирившіеся раскольники, изъ разныхъ Казачьихъ городковъ, даже изъ Черкаскаго и другихъ низовыхъ [a], которые по своимъ обрядамъ, признавались отъ другихъ собратій мер-

---

[a] Изъ Черкаска Илья Зерщиковъ, изъ Цымли Иванъ Карповъ, изъ Ясаулова Левка Епифановскій.

зостными и студными, по приговору Войсковаго круга были жестоко наказаны и казнены смертію. Оставленный при осадѣ раскольничьяго укрѣпленія Атаманъ Мещеряковъ, по присоединеніи къ нему немногихъ ратныхъ людей, пришедшихъ изъ Тамбова и Козлова, городокъ раскольничій взялъ и разорилъ. Изъ сихъ пустосвятовъ злѣйшіе и главнѣйшіе заводчики нелѣпыхъ толковъ, Атаманъ Ивашко Заецъ, Топилинъ, Колодинъ, Роспопа, Провоторовъ, Коноваловъ, Максимко Мельникъ и иныя, по правамъ Казачьимъ посажены въ воду или повѣшены; менѣе преступные наказаны и сосланы въ ссылку въ дальные города.

Наѣзды и морскіе поиски Казаковъ. 1692 г.

Въ 1692 году Войсковой Атаманъ, въ два *пойма* посылалъ Казаковъ своихъ на море. Казаки перваго отряда, состоявшаго изъ 76 лодокъ, нечаянными нападеніями учинили великій вредъ непріятелю, сожгли и разорили множество селеній, побили многихъ людей, взяли въ плѣнъ 130 челов. и отбили 200 человѣкъ Русскихъ плѣнныхъ. Второй отрядъ изъ 15 лодокъ, около Азова захватилъ караулъ, состоявшій изъ 10 человѣкъ.

Въ 1693 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, непріятель также сдѣлалъ два поиска: въ первомъ Азовцы и Калмыки отогнали было 200 лошадей; во второмъ, одни Азовцы, въ числѣ 500 человѣкъ подъ самымъ Черкаскомъ отбили и увели три табуна, но Казаки собравшись, пустились за ними въ погоню, и догнавъ въ тѣсныхъ и топкихъ мѣстахъ разбили, многихъ побили, иныхъ потопили и 50

человѣкъ въ плѣнъ взяли. Въ томъ же мѣсяцѣ, небольшой отрядъ Казаковъ съ Калмыками, между ими поселившимися, напалъ на Ногаевъ, взялъ въ плѣнъ 36 чел. и отбилъ 22 человѣка Русскихъ.

Властолюбивая Правительница Софія Алексѣевна, для своихъ видовъ, покровительствовала раскольникамъ; извѣстно сколь великія безпокойства причиняли они своимъ буйствомъ, за что въ послѣдствіи и началось на нихъ въ Россіи гоненіе. Большая часть раскольниковъ бѣжала на Донъ, но какъ и тамъ нѣкоторыя изъ сектъ не были терпимы, то нѣсколько семействъ въ 1692 году перешли на Кубань, гдѣ Крымскій Ханъ принялъ ихъ съ любовію, и велѣлъ строить имъ каменный городъ на острову, составляемомъ рѣками Кубанью и Лабененчикомъ. Къ симъ поселенцамъ отъ Шавкала Тарханскаго перешло еще 200 чел. раскольниковъ, которые бѣжали къ нему съ Аграхани рѣки, къ нимъ же съ Дону ожидали многихъ другихъ бѣглецовъ; а какъ Кубекъ Ага изъ подъ Азова со всѣмъ его кочевьемъ прибылъ также въ новостроющуюся крѣпость, то жители оной, такимъ образомъ усиленныя, вмѣстѣ съ Татарами Казыева улуса, могли ходить войною на Украинскіе наши города въ значительныхъ силахъ и безпрепятственно.

Изъ грамоты Царей 2го Марта 1693 года Войсковому Атаману Фролу Миняеву посланной, видно: что кромѣ обыкновеннаго жалованья, отправ-

леннаго въ бударахъ изъ Воронежа, приказано недосланныхъ 10 лодочныхъ трубъ [a] на морскіе струшки сдѣлать въ Лебедянскихъ и Ольшанскихъ лѣсахъ. „Отъ набѣговъ Калмыцкаго Хана Аюки Тайши беречься, и пересылки его съ Крымскимъ Ханомъ перенимать; когда же Татара пойдутъ войною на Нашу Украйну, то стараться промышлять надъ ними, какъ возможно и сколько Господь Богъ помощи подастъ." За жалованьемъ, впредь приказано присылать въ Москву, въ зимовыхъ станицахъ не болѣе 100 человѣкъ, а въ легкихъ по пяти, по шести и не болѣе 10 человѣкъ. Другою же грамотою отъ 28 Іюля повелѣно: „Строимую раскольниками крѣпость на Кубани разорить, и въ верховыхъ городкахъ строго смотрѣть, что бы никто изъ Казаковъ къ тѣмъ раскольникатъ не ушелъ; во всѣхъ же городкахъ имѣть отъ непріятеля осторожность, и промышляя надъ нимъ легкими отрядами, смотрѣть, что бы онъ безвѣстно на Донъ не пришелъ.

Въ 1694 году Войсковой Атаманъ Фролъ Миняевъ ѣздилъ въ Москву, съ нимъ отпущено годовое жалованье войску, сверхъ коего Калмыкамъ, принятымъ въ войско, пожаловано 500 рублей, не въ примѣръ и не въ окладъ. Кагалинскому Священнику, поставленному въ Москвѣ, отпу- 1694 г.

(а) Трубами назывались липовыя и ветловыя деревья, изъ коихъ сердцевина выколачивалась.

щено на строеніе Станичной Церкви 50 руб., а съ Атаманомъ на Черкаскую Церковь въ прибавку къ прежнимъ отпущено еще 100 рублей. Указомъ же изъ Посольскаго Приказа, отъ 15 Мая сего года, повелѣно войску, „бѣжавшимъ отъ нихъ на Аграхань рѣку Казакамъ возвратиться на прежнія мѣста, гдѣ кто прежде жилъ; и какъ по Царскому милосердію, вины ихъ прощены, и впредь воспоминовенны имъ не будутъ, то принявъ ихъ, укорызны и поношенія имъ не дѣлать.“

Въ послѣднихъ числахъ Іюля мѣсяца Гадяцкой и Полтавской Полковники, стоявшіе на границѣ съ 10,000 Малороссійскихъ Казаковъ, предложили Войсковому Атаману соединиться съ ними за Міусомъ у Соленыхъ озеръ, и вмѣстѣ напасть на Азовцовъ, которые въ сихъ мѣстахъ ловятъ Русскихъ промышленниковъ, и въ прошломъ году увели болѣе 800 Малороссіанъ. Но какъ, посланные отъ Полковниковъ, при вершинѣ рѣки Туздова переѣхали оставленный непріятелемъ лагерь, изъ коего (сакма) слѣдъ пошелъ на Украинскіе города, то за отсутствіемъ Войсковаго, походный Атаманъ Иванъ Семеновъ, поспѣшно собравшись съ 500 Казаковъ выступилъ изъ Черкаска. Въ восьмой день быстраго похода, на рѣчкѣ Лазовкѣ, близъ впаденія ея въ Калитву, часа за три до ночи, Семеновъ открылъ непріятельскій станъ. Турки, усмотрѣвъ многолюдство Казаковъ, не дожидая удара, бѣжали стремглавъ, Казаки гнали ихъ болѣе 30 верстъ, многихъ побили и переранили

и 32 человѣка изъ Азовскаго гарнизона взяли въ плѣнъ. Такимъ образомъ, не допустивъ непріятеля до Рыбнаго (нынѣ Острогожскъ), перваго пограничнаго города, за полтора дня хода, Казаки возвратились въ Черкаскъ безъ потери. Взятые въ плѣнъ Калмыки Аюкова улуса, за многія ихъ раззоренія и обиды, были всѣ въ степи изрублены.

8го Сентября, непріятель успѣлъ нечаяннымъ нападеніемъ разорить на Хопрѣ три городка, причемъ много женъ и дѣтей взято въ плѣнъ. Въ слѣдъ за непріятелемъ устремились два отряда: первый, догналъ его близъ Тамбова, между рѣчекъ Торси и Елани, гдѣ и произошелъ бой, на коемъ Азовскіе Турки, въ числѣ 260 чел., кромѣ убитыхъ и раненныхъ потеряли 48 чел. взятыхъ въ плѣнъ; у Казаковъ кромѣ раненыхъ убито 9 человѣкъ. Въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ, однихъ Калмыковъ было 27 чел. Аюка Ханъ, называясь подданнымъ Россіи, не преставалъ нападать на наши пограничные города, не преставалъ доброжелательствовать Туркамъ, и въ Азовѣ снабжалъ ихъ всякими съѣстными припасами. Посему, хотя и предлагалъ онъ Казакамъ за каждаго своего плѣннаго по 200 и по 300 лошадей, но какъ взятые Калмыки, были люди знатные и въ наѣздничествѣ знаменитые, то Казаки, посовѣтовавъ въ кругу своемъ, заплатя изъ войсковой казны взявшимъ ихъ вмѣсто окупа 250 руб., и, привязавъ плѣнныхъ къ хвостамъ, коньми растаскали по острову всѣхъ, кромѣ одного, котораго для ули-

ки Хана послали въ Москву. Другая партія Казаковъ не догнала непріятельскаго отряда, состоявшаго изъ однихъ Калмыковъ, которые, обошедъ тайно Хоперскіе городки, близъ Козлова и Сокольска на рѣчкѣ Матыре, сожгли одну деревню, и узнавъ о погонѣ, поспѣшно ушли за Волгу въ свои улусы.

Въ семъ же 1694 году, въ Маѣ мѣсяцѣ вышли въ море 65 лодокъ съ 1,000 Казаковъ, подъ начальствомъ походнаго Атамана Бориса Данилова. О выходѣ Донской флотиліи Азовскій Бей далъ знать по обѣ стороны моря, и прибрежные жители успѣли такъ *окрѣпиться крѣпостями*, что Казаки не могли учинить имъ большаго вреда. Походъ вообще былъ не удаченъ. Хотя Казаки съ свойственною имъ отвагою нападали на укрѣпленные города Темрюкъ и Кизилташъ; но послѣ упорнаго боя, сожегши оставленные въ пустѣ Ногайскія и Черкескія селенія, близъ береговъ моря находившіяся, принуждены были итти назадъ съ значительною потерею въ людяхъ и безъ добычи. Пришедъ къ Дону, нашли всѣ гирлы его заняты-ми ратными людьми: 30 галеръ и иныхъ мелкихъ судовъ, заступали всѣ проходы. Казаки съ мужествомъ напали на одинъ корабль, отбили бывшій при немъ тунбасъ (баркасъ); но при абордажѣ, въ жестокомъ рукопашномъ бою, поражаемые картечью, потеряли 40 убитыми и 60 ранеными. Претерпѣвъ не малую *трутизну* и не могши пробиться, Казаки отступили и вошедъ въ Міусъ,

въ крѣпкихъ и тайныхъ мѣстахъ лодки свои затопили, а сами съ великою нуждою пробрались степью въ Черкаскъ. Азовцы, вскорѣ пришедъ на Міусъ суда отыскали, и вытаскавъ изъ воды сожгли всѣ безъ остатка.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, 700 Запорожцевъ, соединясь съ отрядомъ Донскаго войска, ходили подъ Перекопъ, разорили одинъ замокъ, отняли у непріятеля 8 пушекъ, и, послѣ кровопролитной битвы у Молочныхъ водъ съ Крымскимъ Султаномъ Нурадиномъ, возвратились по домамъ съ многими плѣнными и богатою добычею (a).

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, другіе 17 лодокъ съ 300 Казаковъ, подъ начальствомъ Атамана Зота Андреева, ходили на промыслъ подъ Крымскія мѣста, къ Тонкимъ водамъ. На походѣ, у рѣки Бердинки, соединившись съ Запорожцами, вошли они въ Гнилое море, вышли на берегъ и послѣ жаркой схватки осадили Чингарскій городокъ; а какъ жители онаго ночью тайно ушли, то Казаки раззоривъ городокъ и взявъ 7 пушекъ и знамя, поспѣшно сѣвъ на суда, удалились. Между тѣмъ Татара собрались, но опоздали и не успѣли напасть на нихъ съ превосходными силами. Подѣлившись добычею съ Запорожцами, Донцы удачно прокрались мимо Азова и привезли въ Черкаскъ три пушечки и знамя, а Запорожцы получа 4 пушки, остались для поисковъ на морѣ.

(a) Ист. Малой Россіи Часть III. стр. 18.

Лѣтомъ, сего же 1694 года 200 Казаковъ и Калмыковъ съ Атаманомъ Козьмою Заворуемъ, посланы на дороги, которыми Ногайцы ходили на низовыя наши по Волгѣ города. На одной изъ сихъ дорогъ, Атаманъ подстророжилъ 300 человѣкъ Черкесъ и Ногаевъ, напалъ на нихъ, отбилъ суда, которые везли они къ Волгѣ на колесахъ; и прогналъ назадъ въ степь. Кубанскіе раскольники, служили непріятелю провожатыми и на переговоркѣ, хвалились, что они на другой годъ съ бо́льшимъ числомъ людей и судовъ будутъ на Волгѣ.

Въ отпискѣ, посланной въ концѣ Октября съ Атаманомъ Зимовой станицы Борисомъ Даниловымъ, Войсковой Атаманъ доноситъ, что къ 500 рублямъ пожалованныхъ Калмыкамъ, Казаки удѣлили имъ изъ своего, и по всякъ годъ положили давать имъ излишнее противу себя, дабы они „держались въ Вашей Великихъ Государей отчинѣ и Вамъ служили." Обнадеженные нашимъ ласковымъ пріемомъ и Вашимъ Царскимъ милостивымъ призрѣніемъ, Аюковы Калмыки семьями приходятъ къ намъ на вѣчное житье, и въ семъ году перешли на Донъ 47 семей, укрѣпились поруками, и обѣщались служить Вамъ Великимъ Государямъ вѣрою и правдою. Куда же мы вмѣстѣ съ ними пойдемъ, они Калмыки будутъ „наши крылѣ и бодрость, а непріятелемъ страхъ и досада." Аюка и Монкатемиръ Тайши [a],

[a] Тайша, значитъ наслѣдственный Князь, и тоже что коилѣдишъ.

въ семъ году распустили своей Орды болѣе 2000 человѣкъ порознь, и наши верховыя городки опустошили людьми, скотомъ и коньми. За такое разореніе и обиды, мы хотѣли бы сходить къ нимъ въ улусы, да опасаемся Вашего Великихъ Государей гнѣва на себя. Притомъ Воеводы низовыхъ городовъ, почитая Аюку Хана своимъ доброхотомъ, всегда даютъ ему знать о нашемъ сборѣ. Повелите Великіе Государи Воеводамъ: Саратовскому, Царицынскому и Черноярскому намъ вспоможеніе чинить, а Аюкѣ вѣстей не давать. До полученія же воли Вашей, послали мы къ нему своихъ посыльщиковъ, которымъ поручено розыскавъ, сдѣлать договоръ, чтобы взаимные убытки на обѣ стороны уплатить безобидно. Противу Указа, 25 лишнихъ Казаковъ отпущены на Москву, по просьбѣ ихъ, что они оскудали и въ походахъ сего года добычи не получили; четырехъ же изъ новопришедшихъ Калмыковъ посылаемъ для того, дабы имъ узрѣть очи Ваши и получить милость по разсмотрѣнію Вашему,"

Въ челобитной, приложенной къ сей отпискѣ, сказано: „По учрежденіи на Воронежѣ и въ другихъ городахъ прибыльщиковъ, на Дону въ хлѣбныхъ запасахъ оказался недостатокъ, купцовъ не стало, а немногіе, которые пріѣзжаютъ, продаютъ товаръ, въ три цѣны противу прежняго. Извѣстно Вамъ. Великимъ Государямъ, что изъ хлѣбнаго вашего жалованья достается намъ по раздѣлу, по четверти только на брата; недостаю-

щее покупаемъ дорогою цѣною изъ получаемой добычи. Великіе Государи! пожалуйте Ваше Донское войско, за его службу и за кровь, за раны и за нужное полонное терпѣніе, Своимъ милостивымъ годовымъ жалованьемъ, предъ прошлымъ годомъ съ прибавкою, также и Калмыкамъ; — и чтобы намъ отъ прибыльщиковъ, берущихъ взятки и налагающихъ произвольно подати, не умереть голодною смертію, повелите на Воронежѣ и иныхъ городахъ быть по прежнему выборнымъ. По недостатку мореходныхъ судовъ, а паче по неудачному нынѣшняго года поиску, хотя и скудость терпимъ, а отъ службы отбыть не хотимъ; но какъ лодочныхъ трубъ изъ Россіи давно не привозятъ, то намъ строить суда не изъ чего, только надѣемся на Вашу Великихъ Государей милость и жалованье."

По сему прошенію Государь указалъ (1695 г. Марта 15) Лебедянскому, Елецкому, Козловскому, Воронежскому, Костянскому и Коратоякскому Воеводамъ, всякія хлѣбные запасы и товары пропускать на Донъ безъ задержанія, взимая пошлины по прежнему Указу. „Коли же кто, изъ пограничныхъ приставовъ, съ Донскихъ Казаковъ и Нашихъ торговыхъ людей, отселѣ впредь осмѣлится брать взятки, и лишнія пошлины; а начальныя надъ городами люди, не будутъ ихъ Казаковъ и Нашихъ купцовъ беречь отъ обидъ, налоговъ и всякаго посягательства, то по надлежащемъ обличеніи, виновные будутъ жестоко наказаны."

Для перевоза военныхъ снарядовъ, принадлежащихъ Корпусу Генерала Пет. Ив. Гордона, шедшаго изъ Тамбова въ Черкаскъ, Указомъ Посольскаго Приказа отъ 16 Марта 1695 года, Войсковому Атаману приказано изготовить тысячу конныхъ подводъ. Грамотою же, отъ того же числа повелѣно, всему Донскому войску изготовиться къ походу, и по мѣрѣ прибытія въ городки регулярныхъ полковъ, выступать и соединенно итти къ Черкаску; станичникамъ показывать дорогу, знатнымъ старшинамъ снабжать войско всѣмъ нужнымъ, а отъ Азовцовъ, гдѣ прилично поставить тайные и крѣпкіе караулы; про походъ же войска и о нарядѣ Казаковъ содержать въ тайнѣ. Для войска сварить пиво, и для сохраненія его, въ нѣкоторыхъ станицахъ на дорогѣ лежащихъ, построить погреба и набить ихъ льдомъ. 1695 года.

Аюка Ханъ, провѣдавъ о походѣ войскъ, далъ знать въ Азовъ, откуда для полученія подлинныхъ вѣстей въ разные стороны посланы подъѣзды, въ слѣдъ за коими, Войсковой Атаманъ, еще 1 Марта послалъ на Астраханскія дороги 150 чел., а въ Крымскую степь 300 человѣкъ. Азовскій Бей приказалъ Черкесамъ и Ногаямъ изготовиться къ походу, и изъ 10 чел. только одному остаться дома. Аюкѣ Тайшѣ, за обѣщанную помощь, Бей послалъ богатые подарки, состоящія въ панцыряхъ и оружіи.

На второй недѣлѣ Великаго поста въ Пятницу, Азовской Бей и Янычарской Ага съ 3000 рат-

ныхъ людей безъ артиллеріи, стали военнымъ строемъ въ 3хъ или 4 верстахъ отъ Черкаска. Войсковой Атаманъ Фролъ Миняевъ, собравшись на скоро, съ 500 чел. напалъ на нихъ мужественно, опрокинулъ и гналъ 15 верстъ. По великому превосходству въ силахъ, непріятель отступилъ съ малымъ урономъ; изъ Казаковъ же убитъ одинъ, 50 ранено и 9 взято въ плѣнъ. Послѣднее случилось потому, что Казаки гнались въ разсыпную, гдѣ каждый искалъ своего счастія, и гнался за кѣмъ хотѣлъ. При такомъ разстроенномъ нападеніи, войска смѣшались, и Татара, засѣвши по сторонамъ дороги, нечаянно схватили 9 Казаковъ; а какъ преслѣдованіе вскорѣ остановлено, и войска разъѣхались, то и не было уже возможности выручить ихъ изъ плѣна.

14 Іюня, Войсковой Атаманъ доносилъ, что все повелѣнное Указомъ отъ 16 Марта исполнено, и Донское Войско, соединившись съ Корпусомъ Генерала Гордона, находится на походѣ въ недальнемъ разстояніи отъ Черкаска. Раскольники же, жившіе на Кумѣ, раскаявшись перешли на Терекъ, и съ Терскими Казаками служатъ подъ Царицынымъ; раскольникъ же Левка Маныцкой бѣжавшій на Кубань, пришелъ въ Черкаскъ съ повинною, но по подозрѣнію въ зломъ умыслѣ разстрѣлянъ.

Осада Азова. 1695 года.

Въ 1695 году, Царь Петръ Алексѣевичь напалъ на Турокъ двумя арміями. Бояринъ Шере-

метевъ со ста тысячами изъ Брянска на судахъ спустился по Днѣпру, взялъ шесть непріятельскихъ укрѣпленій, срылъ и вмѣсто оныхъ возобновилъ Богородицкую крѣпость, нынѣ Старо-Самарскою называемую. Бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ съ 30,000 изъ Воронежа спустился на судахъ по Дону, и въ присутствіи юнаго Царя 4 Іюля осадилъ Азовъ. Донское войско присоединено было къ регулярнымъ полкамъ. 14-го Іюля двѣ крѣпостцы, называемыя Турками Каланчами, находивщіяся въ двухъ верстахъ ниже Азова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ чрезъ Донъ протянута была цѣпь, окружены и первая, по сбитіи стѣнъ ея до подошвы, полкомъ Царской гвардіи взята приступомъ. Въ ночь на 16 Іюля при жестокой стрѣльбѣ изъ пушекъ, вторую каланчу устрашили бомбардированіемъ. Къ утру гарнизонъ бѣжалъ въ Азовъ, но на пути многіе въ рѣкѣ потонули. По покореніи сей крѣпостцы со всею артиллеріею, со стороны Дона получена свобода напасть на самый Азовъ. При сей Каланчѣ взято 1000 071 струговъ большихъ и малыхъ со всякими припасами; а въ обоихъ Каланчахъ взято 32 орудія.

По взятіи Каланчей, войска наши облегли Азовъ кругомъ, и построивъ на ближнемъ пушечномъ выстрѣлѣ осадныя укрѣпленія, пушками все строеніе въ городѣ разорили и выжгли, уцѣлѣло только за землянымъ валомъ, къ сторонѣ рѣки Дона, нѣсколько домовъ, ядрами на вылѣтъ

пробитыхъ. Три вылазки гарнизона противу осадныхъ работъ были неудачны: на одной изъ нихъ Государь лично съ своимъ Преображенскимъ полкомъ преслѣдовалъ непріятеля и въ самомъ крѣпостномъ рвѣ побилъ болѣе 700 Янычаръ. Въ то же время 4000 Татаръ смѣло напали на нашъ лагерь, проникли до пристани, гдѣ стояли будары съ хлѣбными запасами, отбили было наши конскіе табуны, но были вскорѣ окружены и загнаны въ Донъ подлѣ Каланчи, гдѣ большая изъ нихъ часть побиты, или въ рѣкѣ утонули. Послѣ перваго и съ нашей стороны неудачнаго приступа, 8 Августа, Татара, и Турки, пришедшіе для освобожденія крѣпости, съ потерею 3000 убитыми были отражены, разбиты и прогнаны за Кагальникъ. Въ теченіе Августа и Сентября было нѣсколько вылазокъ, и извнѣ нападеній отъ Татаръ, вообще для Россійскаго войска удачныхъ; но по приближеніи осенняго времени, за недостаткомъ осадной артиллерій, особенно флота, необходимаго для покоренія всякой прибрежной крѣпости, Государь, оставя въ Каланчахъ 3000 гарнизона, въ исходѣ Сентября снялъ осаду. Богородицкая крѣпость на Днѣпрѣ снабжена значительнымъ гарнизономъ; обѣ же арміи отошли на зимнія квартиры въ ближніе города.

ГЛАВА VI.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Сраженіе Донскихъ лодокъ съ Турецкимъ флотомъ. Взятіе Азова. Побѣда подъ Азовымъ Боярина Шеина. Соединеніе Волги съ Дономъ. Построеніе Таганрога. Первый Россійскій флотъ на Азовскомъ морѣ. Казаки въ Лифляндіи. Бунтъ Астраханскихъ Стрѣльцовъ. Похвальная Грамата Донскому Войску. Охотники. Дѣйствія Казаковъ въ Польшѣ.

1696—1707 г.

Граматою отъ 8 Генваря 1696 года, предписано Донскому Войску, въ новопостроенный Сергіевъ городокъ, также и въ Каланчи послать потребное число добрыхъ Казаковъ; а въ случаѣ осады городка или Каланчей, всѣмъ войскомъ защищать оныя до прихода регулярныхъ полковъ, съ строгою за небреженіе или неисполненіе отвѣтственностію. Повелѣніе сіе, до полученія Граматы уже исполнено было: 600 Казаковъ введены въ Новосергіевскъ и Каланчи. Войсковой Атаманъ, донося о семъ Государю, представлялъ, что по причинѣ дороговизны и зимняго времени, Казакамъ содержать почту на своемъ иждивеніи отяготительно, почему и просилъ: „пожалуйте насъ холопей Своихъ, Своимъ милостивымъ жалованьемъ на наемъ подводъ, чѣмъ Вамъ Богъ по сердцу извѣститъ.“ 1696 г.

Въ продолженіе зимы подъ Азовымъ ничего важнаго не послѣдовало, только въ Мартѣ мѣсяцѣ подъ Лютикомъ произошли двѣ небольшія стычки, въ коихъ Казаки взяли 13 человѣкъ плѣнныхъ. Подъ Новосергіевскимъ же, Казаки вмѣстѣ съ ратными людьми, подъ начальствомъ Воеводы Ржевскаго, прогнали приступавшихъ къ крѣпостцѣ Азовцовъ, и взяли у нихъ двухъ языковъ. За службу сію, сверхъ обыкновеннаго годоваго жалованья, отпущено войску 5000 рублей и 3500 четвертей хлѣба.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, Стольникъ Андрей Ляпуновъ донесъ изъ Саратова, что въ пойманной воровской шайкѣ, грабившей на Волгѣ купеческіе караваны, обличены семь Донскихъ Казаковъ. Сіи воры въ распросѣ показали, что отпускали ихъ на Волгу гласно и ружья давали станичные Атаманы, Есаулы и рядовыя Казаки изъ-полу. Для допроса и очной ставки, Государь указалъ пойманныхъ прислать изъ Саратова въ Москву, откуда зимовую станицу не прежде отпустить на Донъ, какъ по окончаніи слѣдствія и наказанія виновныхъ, какъ воровъ, такъ и тѣхъ, которые отпускали ихъ изъ станицъ.

Изъ судебнаго приговора, покушавшихся на жизнь Царя, Саковнина, Цыклера и другихъ злодѣевъ видно [a], что въ семъ заговорѣ участвовалъ Донской Казакъ Петрушка Лукьяновъ. Сей

(a) Древ. Рос. Вивліоѳика Часть XV. стр. 354 и слѣд.

крестопреступникъ обѣщалъ Цыклеру возмутить Донцовъ, и съ ними, по стопамъ Разина, итти для раззоренія Москвы, такъ чтобы Казакамъ раззорять ее съ одного конца, а Стрѣльцамъ съ другаго.

Въ 1696 году, Боярину Шереметеву съ 70,000 поручено стать на Днѣпрѣ и не допускать Татаръ до Азова. Бояринъ Шеинъ съ 54,000 регулярнаго войска, 5000 Донскихъ съ ихъ Атаманомъ Фроломъ Миняевымъ, 15,000 Малороссійскихъ Казаковъ, подъ начальствомъ Полковника Лизогуба бывшихъ, и 4000 матросовъ, поручено осадить Азовъ [(6)]. Петръ Алексѣевичъ, по смерти старшаго брата своего, сдѣлавшись единодержавнымъ, въ одинъ годъ сотворилъ флотъ и къ удивленію современниковъ 9 Маія съ 2 кораблями [(a)], 30 галерами, 2 галеасами и 4 брандерами прибылъ изъ Воронежа въ Черкасскъ, совершивъ плаваніе сіе въ 6 дней. На флотѣ семъ, подъ начальствомъ Адмирала Франца Як. Лефорта, посажены были Гвардейскіе Преображенскій и Семеновскій полки, изъ коихъ въ первомъ командиромъ роты былъ Капитанъ *Петръ Алексѣевъ!* Здѣсь Атаманъ Фролъ Миняевъ донесъ Царю, что посланный для развѣдыванія Походный Атаманъ Поздѣевъ съ 250 Казаковъ, усмотрѣвъ два непріятельскія корабля, шедшія 3 Маія къ Азову, обступилъ ихъ своими

(a) Одинъ изъ нихъ назывался, Корабль Его Величества, другой Генералъ Лефортъ; оба 44-хъ пушечныя.

малыми судами, стрѣлялъ изъ мѣлкаго ружья и бросалъ на нихъ ручныя гранаты; но какъ корабли были высоки, и взойти на нихъ вскорѣ было затруднительно, то пока били ихъ боемъ, нѣсколько лодокъ пристали къ кораблямъ, съ тѣмъ, чтобы снизу отъ воды прорубить ихъ топорами и потопить; но бусурманы бросая въ нихъ *каменьями* [a], вскорѣ отогнали смѣлыхъ Казаковъ. Атаманъ видя, что кораблей имъ не взять, не смотря на жестокій картечный и ружейный огонь, отступилъ съ потерею *только 4 раненыхъ*, изъ коихъ одинъ умеръ.

Сраженіе Донскихъ лодокъ съ Турецкимъ флотомъ. 13 Маія 1696 г.

Флотъ, предводительствуемый Адмираломъ Лефортомъ, въ присутствіи самаго Монарха, не смотря на ужасный огонь съ крѣпости, прошелъ Азовъ и остановился у Каланчей 12 Маія. Въ тотъ же день Государь, минуя Азовъ, рѣкою *Ерикомъ* отплылъ для осмотра устьевъ Дона; но за мѣлководіемъ, случившимся отъ дувшаго тогда Сѣверовосточнаго вѣтра, оставя 16 галеръ въ Катюрминскомъ рукавѣ, со ста Донскими лодками, на коихъ было 6000 Казаковъ съ Войсковымъ Атаманомъ Фроломъ Миняевымъ, обозрѣвъ всѣ гирлы, присталъ къ Канаярнскому острову. Вскорѣ показался вдали Турецкій флотъ, состоящій

(a) Здѣсь вмѣсто *каменьевъ*, надобно поставить *ядрами*, или что подъ руку попало, а вмѣсто четырехъ раненыхъ *число гораздо сего поболѣе;* ибо каменный баластъ кладется на днѣ кораблей; а при отступленіи подъ картечными выстрѣлами, храбрые Казаки безъ сомнѣнія должны были поплатиться подороже.

изъ 9 большихъ кораблей и нѣсколькихъ галеръ, плывшихъ къ Азову съ высаднымъ войскомъ и припасами. На разсвѣтѣ 13 Маія, непріятельскій флотъ, не подозрѣвая присутствія нашей Донской флотиліи, скрытно стоявшей за островомъ, бросилъ якорь, и нагрузя 24 тумбаса разными матеріалами, отправилъ ихъ къ устью Дона. Едва сіи небольшія плоскодонныя суда поровнялись съ островомъ, какъ Донская флотилія изъ скрытнаго мѣста выступила. Казаки, предводительствуемые самимъ Царемъ, съ такою храбростію встрѣтили, остановили и напали на тумбасы, что одинадцать изъ нихъ во мгновеніе ока взяли приступомъ и рукопашнымъ боемъ. Остальные тумбасы успѣли притти въ Азовъ. Юный Монархъ, немедля устремился на большія корабли, которые, обрубивъ канаты, на всѣхъ парусахъ предались бѣгству; но за тихостію вѣтра два задніе наибольшіе корабля были догнаны, и не смотря на жестокое пораженіе картечью, Казаки взяли ихъ абордажемъ съ одною саблею въ рукахъ. Одинъ изъ сихъ кораблей былъ сожженъ, другой потопленъ, для того, что ихъ къ Азову по мѣлководію устьевъ Дона, провести было не возможно. 10 полугалеръ, 10 чаекъ и всѣ мѣлкія суда, бывшія при непріятельскомъ флотѣ, загнаны на мѣль, истреблены огнемъ, и Государь съ малою потерею и первою на морѣ побѣдою возвратился къ Азову. Турки, кромѣ потонувшихъ и сгорѣвшихъ, одними убитыми потеряли болѣе 2000 человѣкъ, плѣнныхъ было мало: одинъ Ага и 300 Янычаровъ.

На взятыхъ судахъ пріобрѣтено: 70 мѣдныхъ пушекъ, 86 бочекъ пороха, множество снарядовъ, оружія, съѣстныхъ припасовъ, 50,000 червонныхъ и на 4000 человѣкъ сукна. Деньги и сукно Государь отдалъ своимъ храбрымъ сподвижникамъ, и отпустилъ ихъ для дѣлежа въ Черкаскъ. Такой добычи Казаки давно не пріобрѣтали.

Взятіе Азова. 18 Іюля 1696 г. По прибытіи всѣхъ войскъ, 16 Маія, Азовъ окруженъ и началась осада. Планъ нападенія начертанъ самимъ Государемъ, который Своею рукою сыпалъ овесъ, для означенія линіи, по коимъ долженствовали возвыситься укрѣпленія. Подъ градомъ ядеръ и картечь, Государь копалъ, возилъ землю и работалъ на-ровнѣ съ простыми воинами. Генералы, удивленные Его познаніями, видя Царя повсюду, просили и убѣждали для блага Отечества, не подвергать себя столь очевиднымъ опасностямъ. Юноша, но уже Герой и Великій Государь, отвѣчалъ имъ: *Аще Богъ по насъ, никто же на ны, на службѣ Государству и Моему народу не пощажу живота Моего. Примѣръ Мой нуженъ для поощренія воиновъ, съ которыми долженъ и хочу раздѣлять всякіе труды и опасности.* Когда крѣпость совершенно была обложена, такъ что непріятелю ни съ моря, ни съ сухаго пути подойти къ ней невозможно было; когда всѣ укрѣпленія окончаны, пушки и мортиры на мѣста поставлены, Государь, въ ставкѣ Главнокомандующаго помолившись Богу, 17 Іюня самъ пустилъ первую бомбу; по сему знаку со

всѣхъ батарей открыли огонь. При первыхъ выстрѣлахъ, отъ взлѣтевшаго на воздухъ пороховаго погреба, городъ загорѣлся и вскорѣ внѣшнія укрѣпленія и земляной крѣпостной валъ были сбиты до подошвы. При громѣ неумолкаемой канонады, Петръ Алексѣевичъ стоялъ въ переднихъ окопахъ, которыми сплошь и кругомъ была обведена крѣпость, передавалъ свое мужество окружавшимъ его, ободрялъ, хвалилъ и осыпалъ милостями Бояръ, Воеводъ и простыхъ воиновъ равно, справедливо и по достоинству; питалъ больныхъ со своего стола, смердящія раны солдатъ перевязывалъ своими руками, строго наблюдалъ порядокъ и подчиненность, вдовамъ строилъ домы [a] и щедрою рукою награждалъ осиротѣвшія семейства. Богъ, по милосердію своему, изрѣдка даетъ народамъ такихъ властителей; — и мы его имѣли!

60,000 Турецкаго войска, подъ предводительствомъ Крымскаго Султана Нурадина и Кафинскаго Муртазы Паши, стоявшіе лагеремъ за рѣкою Кагальникомъ, въ 10 верстахъ отъ Азова, шесть разъ нападали на нашу армію, врывались въ самыя укрѣпленія, но всегда были отражаемы съ значительною потерею. Битвы 10 и 24 Іюня, были самыя убійственныя: непріятель, выдержавъ жесточайшій картечный огонь, въ безпорядкѣ бѣ-

---

[a] До 1804 года, Казаки Бесергеневской станицы, какъ нѣкую святыню, хранили дубовой домикъ, построенный иждивеніемъ Великаго Царя, и пожалованный имъ бѣдной вдовѣ убитаго подъ Азовымъ Казака.

жалъ стремглавъ, но былъ преслѣдуемъ по пятамъ; въ отчаяніи остановился на берегу тинистаго и глубокаго Кагальника. Въ такомъ положеніи Татара, атакованные въ припоръ ружья, въ смятеніи, толпами бросались въ рѣку и въ тѣснотѣ топили другъ друга; подоспѣли нѣсколько легкихъ орудій, и два, три залпа картечью, на самомъ близкомъ разстояніи пущенные, и послѣднихъ, еще остававшихся на берегу, столкнули въ воду. Капитанъ-Паша, съ многочисленнымъ флотомъ, состоящимъ изъ 40 фрегатовъ, нѣсколькихъ галеръ и другихъ судовъ, высадилъ привезенныя на корабляхъ войска; но при обозрѣніи устьевъ Дона, что учинилъ онъ двумя фрегатами, напавшими на прибрежныя укрѣпленія, усмотря, что главный фарватеръ рѣки сильно укрѣпленъ батареями и бомомъ, не осмѣлился пробиться, возвратилъ на корабли высаженныя войска и въ продолженіе осады праздно и спокойно стоялъ въ морѣ на якоряхъ.

17 Іюля 1500 Донскихъ Казаковъ, для добычи хлѣба, какъ они сказывали, самовольно, безъ позволенія ворвались въ крѣпость, и бывъ поддержаны малымъ числомъ охочихъ Малороссіянъ и Великороссіянъ, взяли два бастіона съ 4 пушками и въ нихъ удержались. Счастливыхъ побѣдителей Государь „не гнѣвомъ, а милостиво, многою похвалою пожаловалъ.“ Храбрый Азовскій Комендантъ Хачеки Челакъ Агменъ, видя, что крѣпостной ровъ былъ уже засыпанъ, три подкопа и все

прочее къ рѣшительному приступу было готово, 18 Іюля сдался на договоръ честный для него, и славный для Петра. На другой день, посланному Донскому войску и Калмыкамъ, приписаннымъ къ нимъ, сдалась и крѣпость Лютикъ, въ 18 верстахъ ниже Азова находившаяся. На третій день Комендантъ, выдавъ измѣнника Нѣмца Янсена, вручилъ ключи крѣпости Государю и съ 3700 Янычаръ и 5900 гражданъ съ честію отпущенъ Дономъ на 18 бударахъ на Кагальникъ рѣку. Гражданамъ и воинамъ позволено было взять изъ имѣнія столько, сколько каждый на себѣ унести можетъ. Во всѣхъ крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ пріобрѣтено: 171 пушекъ и мортиръ (кромѣ 70 орудій, взятыхъ въ морскомъ сраженіи), 1000 пудовъ пороха и великое количество разныхъ снарядовъ, оружія и запасовъ. Во время осады убито на водѣ и на сухомъ пути 26,420 Турокъ и Татаръ; въ плѣнъ взято 500, кораблей и разныхъ судовъ 35. Съ Россійской же стороны уронъ состоялъ изъ 2608 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ. Причину столь великой непріятельской потери, должно приписать дѣйствію многочисленной нашей артиллеріи и дерзновенной храбрости Татарской и иной нерегулярной конницы.

Найденное въ Азовѣ на весьма значительную сумму имущество, состоявшее изъ мѣдной и серебреной посуды, суконъ, ковровъ, парчей, шелковыхъ и другихъ матерій, все безъ остатка от-

дано на раздѣлъ войску. По вступленіи въ крѣпость, Государь принесъ торжественное благодареніе Побѣдодавцу Богу, обратилъ двѣ мечети въ храмы, во имя Пресвятой Богородицы и Крестителя Іоанна, и приказалъ вокругъ Азова насыпать новый земляной валъ, вышиною въ 8, и толщиною при подошвѣ въ 15 саженъ. Сверхъ того, на смежныхъ островахъ построены два укрѣпленія, Царскими и Гордоновскими шанцами названныхъ. Каланча, на правомъ берегу находящаяся, названа Никоновскою; а на лѣвомъ Сергіевскою. Противу же города, положено основаніе Петровской крѣпости, а подлѣ Гордоновскихъ шанцовъ Павловскому редуту. Комендантомъ въ Азовъ назначенъ Стольникъ Князь Львовъ, и съ нимъ оставлено 8303 солдатъ и стрѣльцовъ и одинъ Казачій полкъ, составленный изъ Донцовъ; для строенія же укрѣпленій опредѣленъ Инженеръ Лаваль. За симъ, флоту повелѣно оставить при крѣпости 32 чайки и возвратиться въ Воронежъ; а Самъ Государь съ регулярными и стрѣлецкими полками, подобно Римскимъ Императорамъ, вступилъ въ Москву съ тріумфомъ.

Юный Петръ Алексѣевичъ, умомъ и познаніями столько превосходилъ современниковъ своихъ, что почти во всѣхъ благихъ начинаніяхъ, для просвѣщенія подданныхъ имъ предпринятыхъ, встрѣчалъ и явное и тайное сопротивленіе. Такъ и ближніе къ нему Бояре, не понимая его цѣли, осуждали построеніе флота въ Воронежѣ, но ког-

да при осадѣ Азова увидѣли, что безъ онаго, ни какъ бы Азова не взять, то, зная намѣреніе Государя, котораго Онъ не таилъ болѣе: освободить Грековъ и всему утѣсненному отъ Турокъ Христіанству подать сильное вспоможеніе, чего, не имѣя флота, съ желаемымъ успѣхомъ совершить было не возможно; нѣкоторые Вельможи предложили на свой счетъ построить нѣсколько военныхъ кораблей. Его Величество принялъ предложеніе сіе съ удовольствіемъ; ибо съ сердцемъ преисполненнымъ самой жаркой любви къ отечеству, Царь видѣлъ, быть можетъ въ первый разъ въ жизни, благопріятное мнѣніе и расположеніе подданныхъ Своихъ, къ Его великимъ, и слишкомъ обширнымъ, для тѣсныхъ предѣловъ обыкновеннаго человѣческаго разума, предначинаніямъ. По возвращеніи изъ перваго своего за границу путешествія, Государь съ восторгомъ увидѣлъ на Азовскомъ морѣ 66 военныхъ судовъ, въ три года въ Воронежѣ построенныхъ. Для любопытныхъ читателей, въ концѣ сего тома прилагаю обстоятельную сего флота роспись, заимствованную мною изъ книги, подъ заглавіемъ: Древнія Азовскія и Крымскія извѣстія (7).

Въ 1697 году, Князь Яковъ Долгорукой съ обсерваціоннымъ Корпусомъ стоялъ на Бѣлгородской границѣ; Бояринъ Шеинъ съ 77,000 арміею въ окрестностяхъ Азова. Турецкій флотъ, состоящій изъ бригантинъ и другихъ мѣлкихъ судовъ, съ высаднымъ войскомъ, назначеннымъ для взя- Побѣда подъ Азовымъ Боярина Шеина. 1697 г.

тія Азова, прибылъ къ устью Дона въ Маѣ мѣсяцѣ. Казаки, бдительно наблюдавшіе движенія непріятеля, на своихъ лодкахъ подходили во время тишины ко флоту, и при удобномъ случаѣ нападая на оный, взяли или истребили нѣсколько мѣлкихъ судовъ. Турецкій Адмиралъ, не успѣвъ сдѣлать на Азовъ нечаяннаго нападенія, и свѣдавъ, что сильная армія готова защищать его, отступилъ и изъ Азовскаго моря вышелъ. 1го Августа, Крымскіе и Ногайскіе Татара и Черкесы, подъ предводительствомъ Крымскаго Калги Султана, явились подъ Азовымъ. Бояринъ Шеинъ, выждалъ ихъ нападенія въ способномъ мѣстѣ: сраженіе было упорное и кровопролитное, одиннадцать часовъ продолжавшееся. Храбрая Татарская конница, съ великимъ постоянствомъ и долго держалась на тѣсномъ пространствѣ, сильною нашею артиллеріею обстрѣливаемомъ, однако же при всѣхъ напускахъ, нигдѣ не могла поколебать нашего неподвижнаго строя. Наконецъ, Шеинъ, охладивъ горячность непріятеля картечью и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ, двинулся, въ свою очередь, наступилъ, ударилъ, смѣшалъ и гналъ нестройную толпу до Кагальника. Усѣявъ поле трупами, Татара, припертые къ рѣкѣ, также какъ и при осадѣ Азова, съ мужествомъ защищались; но преслѣдуемые всею арміею, устоять не могли, и загрузили Кагальникъ утонувшими конями и всадниками. Спасшіеся, въ ужасѣ разсѣялись и исчезли въ пустынныхъ степяхъ. Не извѣстно сколь великъ былъ уронъ непріятельскій, сказано только,

что съ нашей стороны одних чиновниковъ убито и ранено 77 человѣкъ. Сія побѣда была столь рѣшительна, что Шеинъ достигнулъ Кубани, не встрѣтивъ ни одного непріятельскаго отряда; и, такимъ образомъ, послѣ Святослава, Россійскія знамена снова явились въ виду снѣжнаго Эльборуса. Городъ Кубань (нынѣ Копылъ) и множество юртъ, покорились безъ сопротивленія. Кубанскіе Татара и хищные Черкесы, смиренные страхомъ, посредствомъ Шавкала Тарханскаго и Аюки Хана Калмыцкаго, получили позволеніе отъ Государя жить на прежнихъ мѣстахъ, съ обязательствомъ, въ нужномъ случаѣ, прислать на службу Царя нѣсколько тысячь смѣлыхъ наѣздниковъ.

Ни внѣшнія войны, ни внутреннія замѣшательства не могли утомить дѣятельности Петра. Сей дивный Царь, подобно Высочайшему Промыслу, все въ Россіи устроилъ и учредилъ. Не взирая на множество препятствій, не дорожа личною славою, Онъ, съ рѣдкимъ постоянствомъ, шелъ къ Своей цѣли, и пекся единственно о благосостояніи подданныхъ и Государства Своего, какъ Онъ изволилъ называть любезное Ему отечество. Такимъ образомъ, то, что славолюбивый Селимъ, въ 1569 году предпринималъ для завоеваній дальныхъ и мечтательныхъ, прозорливый Петръ, рѣшился исполнить для оживленія иноземной и внутренней торговли. По сочиненіи карты Россіи съ смѣжными къ ней странами, особенно лежащими на Югъ, отъ Персіи до Царяграда включительно, Соединеніе Волги съ Дономъ. 1697 г.

съ точнымъ изображеніемъ теченія рѣкъ: Волги, Дона, Днѣпра, Сѣверной и Западной Двины; мудрый Монархъ вознамѣрился соединить воднымъ путемъ Черное, Азовское, Каспійское и Бѣлое моря. Для сего весною 1697 года, приказалъ 35,000 солдатамъ и стрѣльцамъ, подъ распоряженіемъ Князя Голицына, рыть каналъ отъ рѣчки Камышенки, впадающей въ Волгу, до верховья Иловлы, впадающей близъ Качалинской станицы въ Донъ.

Построеніе Таганрога. 1698 г.

Въ сіе время, Россія имѣла для внѣшней торговли одинъ Архангельскъ; слѣдственно завоеваніе Азова, въ мысляхъ Петра Великаго, составляло пріобрѣтеніе важное; ибо доставляло возможность утвердиться на Азовскомъ морѣ. Построеніе флота въ Воронежѣ показываетъ рѣшительное Его въ семъ отношеніи намѣреніе; но Азовъ, по мѣстному своему положенію, за мѣлководіемъ устьевъ Дона, не могъ быть торговымъ и еще менѣе того военнымъ портомъ. По сей причинѣ, надобно было искать другаго пункта; и сначала предположено было устроить гавань, близъ устья Міуса, на лѣвомъ его берегу, гдѣ Австрійскій Инженеръ Борсдорфъ, по повелѣнію Царя и построилъ уже крѣпость Семеновскую. Вскорѣ послѣ того, предпочли мѣсто при Таганрогскомъ урочищѣ, въ 60 верстахъ отъ Азова находящееся; и тамъ, гдѣ уединенно стояла оставленная Турками сторожевая каменная башня, обнесенная землянымъ валомъ, въ 1698 году начали строить гавань и крѣпость, подъ именемъ Троицкой на Та-

ганрогѣ. Крѣпость состояла изъ правильнаго пятиугольника, съ четырьмя полигонами, четырьмя равелинами и прикрытымъ путемъ. Концы укрѣпленныхъ полигоновъ примыкали къ морскому берегу, въ семъ мѣстѣ довольно возвышенному. Окружность крѣпостнаго вала составляла 1,290 саженъ; сухой ровъ былъ глубиною въ 10, шириною по верхней его плоскости 126 футовъ; валъ отъ бермы высотою 18, толстотою при подошвѣ 63 фута. Гавань, обнесена была деревянною, на сваяхъ утвержденною и набученною камнемъ стѣною, 890 саженъ длиною и 35 футъ шириною. Для прикрытія строющагося города и для безопасности всѣхъ окрестностей отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ и Ногаевъ, построена была укрѣпленная линія. Она начиналась крѣпостцою Черепахою, въ 5 верстахъ отъ Таганрога, на берегу Азовскаго моря построенною, и шла на Сѣверъ къ Міусу на разстояніе 9 верстъ и 200 саженъ, гдѣ оканчивалась крѣпостцою, названною Павловскою.

Мѣстоположеніе, климатъ и выгоды, какіе Таганрогъ могъ имѣть отъ торговли, плодоноснаго и всѣмъ изобильнаго юго-восточнаго края Россіи, столько нравились Великому Царю, что и по построеніи Санктпетербурга, Онъ еще думалъ, южному или сѣверному городу быть столицею Имперіи. Послѣдующія политическія происшествія, рѣшили сіе недоумѣніе; новый Петровъ градъ объявленъ столицею, и геній Царя принялъ другое

направленіе. Мысль построить новую столицу въ южномъ краѣ, столько занимала Петра Алексѣевича, что при самомъ заложеніи Таганрога, уже помышлялъ Онъ о покореніи Крыма; ибо въ томъ же 1698 году, Князь Долгорукій со многочисленною арміею, дошелъ до Перекопа, разбилъ Татаръ, положилъ ихъ на мѣстѣ битвы до 40,000 человѣкъ, отбилъ 30,000 лошадей и множество другаго скота, но за недостаткомъ провіанта также какъ и прежде, принужденъ былъ возвратиться.

Первый Россійской флотъ на Азовскомъ морѣ. 1699 г.

Въ 1699 году, семь Стрѣлецкихъ полковъ, бывшихъ въ Азовѣ, начали своевольничать, замышляли бунтъ и призвали къ себѣ на помощь Крымскаго Хана, который, пользуясь замѣшательствомъ, малыми партіями нѣсколько селеній въ Азовскомъ округѣ разорилъ, другія ограбилъ. Государь, только что возвратившійся изъ Вѣны, немедленно прискакалъ въ Азовъ (8 Маія), однимъ своимъ присутствіемъ предупредилъ бунтъ, Крымцы отъ страха мести бѣжали, и все по прежнему успокоилось. Осматривая строимыя въ Азовѣ укрѣпленія, Государь нашелъ несообразности, уклоненіе отъ даннаго наставленія, за что Инженера Лаваля отдалъ подъ судъ, ошибку поправилъ, и другому Инженеру далъ новый планъ, съ подробнымъ росписаніемъ, Своею рукою начертаннымъ и объясненнымъ. За симъ, на прекрасномъ новопостроенномъ Своемъ флотѣ, соста-

влявшемъ душевное Его наслажденіе, и состоявшемъ изъ 10 кораблей [a] 2 галеръ, 6 галіотовъ, 1 яхты и 6 Донскихъ лодокъ отправился въ море. 1го Августа въ Таганрогѣ производилъ эволюціи, и со всѣмъ флотомъ Своимъ 18го Августа прибылъ въ Керчь; откуда думный Дьякъ Украинцовъ, въ званіи Посла, отправленъ въ Константинопольна великолѣпномъ 30 пушечномъ фрегатѣ Ласткѣ, въ сопровожденіи 4 Турецкихъ военныхъ кораблей. Возвратившись на флотѣ въ Таганрогъ, Государь приказалъ продолжать строеніе прилежно, учредилъ въ семъ городѣ губернію и назначилъ Губернаторомъ Звенигородскаго Намѣстника Ивана Толстаго.

3го Іюня 1700 года, заключенъ былъ съ Оттоманскою Портою миръ на 30 лѣтъ, съ утвержденіемъ за Россіею Азова, Таганрога, а на Днѣпрѣ Богородицкой крѣпости, съ принадлежащими Казаки въ Лифляндіи 1701—1703 г.

	Пушекъ.		Пушекъ.
(a) Фохтъ	26	Валрандъ	26
Его Величество	42	Памбургъ	36
Адмиралъ	50	Контръ-Адмиралъ	36
Шаутбенахтъ	36	Капитанъ Кинъ	36
Мейеръ	36	Бекманъ	36

И того 360 пуш.

Симъ флотомъ командовалъ Адмиралъ Ѳед. Алексѣевичъ Головинъ. Форватеръ при Донскомъ устьѣ, въ сіе время при полной водѣ былъ глубиною отъ 12 до 15 футовъ; а въ Керчи, близъ замка, 11 и 13 футовъ.

къ нимъ землями и укрѣпленіями. Въ слѣдствіе непродолжительной переписки съ Стокгольмскимъ Дворомъ, о возвращеніи части берега Финскаго залива, издревле Россіи принадлежавшаго, и дабы построеніемъ тамъ торговаго порта оживить Сѣверныя области, заграничною торговлею; 19 Августа, объявлена Швеціи война, и на третій годъ оной, явились Кронштатъ и Санктпетербургъ. Въ продолженіе сей войны, Донскіе Казаки употреблялись при регулярной арміи, для содержанія передовыхъ постовъ и разъѣздовъ, пріучаясь такимъ образомъ къ большей подчиненности, порядку и устройству. Въ Ливоніи служили они подъ начальствомъ Генерала Шереметева, командовавшаго особымъ отрядомъ, составленнымъ изъ нерегулярной конницы и Драгунскихъ полковъ. Казаки участвовали во всѣхъ его побѣдахъ, и при разбитіи Шведскаго Генерала Шлипенбаха, при Ерестферѣ и Гумоли, особенно отличились; а при покореніи Эстляндіи и Лифляндіи, Казаки, малыми партіями по одной Рижской дорогѣ, между Дерптомъ, Вольмаромъ и Маріенбургомъ, пожгли болѣе 600 мызъ и деревень, и забрали много скота и всякаго имущества. Словомъ, какъ видно изъ употребленія ихъ, они находились въ своей сферѣ, и необычною для нихъ правильною войною, скучать не могли.

1701 г. Въ 1701 году, кромѣ Катюрминскаго устья, Государь повелѣлъ, всѣ другія мѣлководныя гирлы Дона запереть сваями, изъ коихъ нѣкоторыя

въ 1816 году были еще видны. Въ 1702 году, Капитанъ Памбургъ, вновь сочинилъ карту теченію Дона отъ Воронежа до устья съ промѣромъ, и окрестностямъ канала, долженствовавшаго соединить Волгу съ Дономъ, также и окрестностямъ Азова и Таганрога.

Въ 1703 году, Калмыцкіе Мункотемиръ и Черкесъ Тайши съ ихъ ордами переведены были изъ за Волги къ Азову, но въ слѣдующемъ году самовольно возвратились они на прежнее свое кочевье. Азовскій Губернаторъ Толстой посылалъ за ними Полковника Васильева, коему Калмыки объявили: что Донскіе Казаки отняли у нихъ сто кибитокъ, въ пять разъ отогнали много лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ, увели къ себѣ сто Калмыковъ и задержали Посла ихъ, отправленнаго въ Азовъ; а перешли они безъ спроса потому, что какъ подъ Азовымъ, такъ и за Волгою, земля Государева же. Не извѣстно получили ли Калмыки за похищенное у нихъ какое удовлетвореніе; изъ современныхъ документовъ видно только, что они тогда же возвратились къ Азову; а начальники ихъ награждены деньгами, камками, сукнами и лисьими мѣхами. Думать надобно, что Калмыки сами отгоняли скотъ у Казаковъ; но какъ увидѣли, что сосѣды въ семъ ремеслѣ ихъ посильнѣе, то и рѣшились безъ жалобы перейти отъ нихъ подалѣе. 1703 г.

Въ 1704 году послѣдовало окончательное разграниченіе между Россіею и Турціею. Разграни- 1704 г.

ченіе сіе произведено довольно страннымъ образомъ: Губернаторъ Толстой съ одной, а Гассанъ Паша съ другой стороны, вмѣстѣ выѣхали изъ Азова верхами, ѣхали ступью ровно десять часовъ, и тамъ, гдѣ по минованіи сего опредѣленнаго по договору срока остановились, тамъ и границу назначили. Граница сія пришлася въ 50 верстахъ отъ Азова у рѣки Ей, которой теченіе и принято за межу между двумя Имперіями.

1705 года 31 Іюля, Стольнику Леонтію Шеншину Указомъ повелѣно: городки, Новой Айдаръ, Шулгинъ, Осиновой, Ревенекъ, построенные самовольно на рѣчкѣ Красной Кабанѣ, не на показанныхъ мѣстахъ, перевесть и поселить по Сѣверную сторону Донца, по дорогамъ изъ Азова чрезъ Волуйку и Острогожскъ, для защиты оныхъ отъ набѣговъ Крымскихъ и другихъ пограничныхъ народовъ. „Въ сіи вновь переведенные и иные городки, бѣглецовъ не принимать, а пришлыхъ уже, за карауломъ выслать въ Русскіе города, кто отколѣ пришелъ; ибо люди сіи, забравъ въ зачетъ работы казенныя деньги, бѣжали.

Въ томъ же 1705 году 13 Октября, Мазепа, еще вѣрный Петру, доносилъ изъ Замостья, что отъ Донскихъ раскольниковъ, имянуемыхъ Капитонами, пріѣзжалъ къ нему въ Батуринъ, Есаулъ, и склонялъ его, дабы заключа союзъ, вмѣстѣ ополчиться на Россію, обнадеживая въ помощи Крымскаго Хана; и что онъ Мазепа сего Есаула,

тогда же изъ Батурина отослалъ въ Москву для допроса. [a]

Буитъ Астраханскихъ Стрѣльцовъ. 1705 г.

Астраханскіе Стрѣльцы раскольники, подобно Московскимъ, желая сохранить свои бороды и кафтаны, а болѣе неурядицу, рѣшились истребить всѣхъ Начальниковъ, Нѣмцевъ и мундирныхъ солдатъ. Въ ночь на 30 Іюля 1705 года, убили они Астраханскаго воеводу и Стольника Ржевскаго, съ его дѣтьми и съ 300 человѣкъ чиновныхъ людей. Вскорѣ пристали къ нимъ Стрѣльцы Краснаго и Чернаго Яра, также Гребенскіе и Терскіе Казаки, которые своего Полковника Некрасова убили. Мятежники къ вящщему себя усиленію, отправили на Донъ Стрѣльца Михайлу Скорнякова съ семью товарищами съ возмутительнымъ письмомъ. Войсковой Атаманъ Лукьянъ Максимовъ, принявъ письмо, собралъ Старшинъ и Казаковъ на кругъ, гдѣ по общему приговору положили, остаться Государю вѣрными, въ чемъ цѣловали Крестъ и Евангеліе, а подосланныхъ Стрѣльцовъ, подъ стражею и заковавъ при станичномъ Атаманѣ, Саввѣ Кочетѣ, отправили въ Москву. Вскорѣ получена въ Черкаскѣ Царская грамота, 10 Августа изъ Москвы посланная, коею повелѣно бунтовщиковъ не слушать, и пребыть Царю и Церкви вѣрными. Для исполненія сей грамоты во всѣ станицы посланъ съ нарочными приказъ, чтобы ни кто, ни тайно,

---

(a) Исторія Малороссіи, Томъ III. Примѣчаніе 84, стр. 25.

ни явно къ Астраханскимъ измѣнникамъ не приставалъ; а кто въ противность того учинитъ, того по войсковому обычаю сажать въ воду [a]. Войсковой же Атаманъ, немедленно отправилъ къ Царицыну сильной отрядъ подъ начальствомъ походныхъ Атамановъ, Максима Фролова и Василья Поздѣева, которые занявъ Царицынъ, шедшихъ къ нему отъ Астрахани Стрѣльцовъ вверхъ по Волгѣ не пропустили и принудили возвратиться. Такимъ образомъ, удержавъ при самомъ началѣ распространеніе бунта, походные Атаманы, оставя въ Царицынѣ Старшинъ Пирожникова и Леонтія Поздѣева съ 900 Казаками, съ остальными возвратились на Донъ, дабы и въ сію сторону не допустить мятежниковъ распространиться.

1705 года отъ 29 Августа, Войсковой Атаманъ Лукьянъ Васильевъ, отпискою въ Посольской Приказъ доносилъ о полученіи на сей годъ жалованья, присланнаго съ Дворяниномъ Федосѣемъ Мих. Дуровымъ и съ Станичнымъ Атаманомъ Максимомъ Фроловымъ, именно: денегъ 5,000 р.; вмѣсто 430 половинокъ Анбурскаго сукна по 5 рублей 50 коп. за половинку, 2,365 руб.; 230 пудъ пороха; 115 свинца, 6,500 четвертей хлѣба, 500 ведръ вина; да Калмыкамъ 500 руб. и

(a) Преступника зашивали въ мѣшокъ, наполненный пескомъ или каменьями, и при собраніи народа на веревкѣ опускали въ рѣку, гдѣ держали до тѣхъ поръ, пока человѣкъ необходимо долженъ умереть.

10 пудъ Свейскаго желѣза. „Жалованью Твоему Великій Государь учинена встрѣча судами Дономъ, и конными берегомъ, и изъ мѣлкаго ружья и пушечнагосна ряда стрѣляли; а по встрѣчѣ за Тебя и Наслѣдника Царевича Алексѣя Петровича, молились и жалованье Твое подѣлили. “

Другою отпискою Войсковой Атаманъ донесъ, что въ 10 часу ночи на 20 Октября сего года, Астраханскіе воры разбили Царицынскую заставу и взявъ Саратовскихъ Стрѣльцовъ и Донскихъ Казаковъ, на оной бывшихъ, остановились при верхѣ Сарпинскаго острова, гдѣ и стояли по 24 Октября. „Воевода Афонасій Турчанинъ съ Полковникомъ Кортомъ, и съ Твоими Государскими ратными людьми, и съ солдаты, и съ Донскими Казаками сѣли въ струги и лодки, и выѣхавъ противу ихъ бунтовщиковъ били изъ пушечнаго и изъ мѣлкаго ружья, и милостію Божіею и Твоимъ Государь счастіемъ, ихъ воровъ съ Сарпинскаго острова сбили и до Царицына не допустили. “ Бунтовщики прислали къ Донскому Походному Атаману двухъ человѣкъ для переговорки; а Атаманъ задержавъ ихъ, послалъ къ нимъ трехъ своихъ Казаковъ; но воры, оставя своихъ и взявъ нашихъ, ушли къ Астрахани, приславъ слѣдующее письмо:

„Благодѣтелямъ нашимъ, Атаману Антону и всему Донскому походному войску, Великаго Астраханскаго, Терскаго и Гребенскаго войска Походный Атаманъ Андр. Прокофьевъ и все войско че-

ломъ бьетъ, здравствуйте на множество лѣтъ. Въ нынѣшнемъ 1705 году 22 Октября, прислали вы къ намъ Есаула Ерм. Михайлова съ товарищи, что бы мы ѣхали на переговорку; и мы отпустили къ вамъ своего Старшину Ив. Федорова и Есаула Сем. Кондратьева, и они у васъ на переговоркѣ были; вы же вмѣсто своихъ Казаковъ задержали нашихъ трехъ аманатами, и нынѣшняго числа отпустили къ намъ одного изъ нихъ, который и сказалъ намъ, чтобы мы отпустили къ вамъ взятыхъ нами на заставѣ. Отпустимъ и бунчукъ отдадимъ, если Воевода Аф. Васильевъ будетъ пропускать барки съ хлѣбомъ, и другими товарами, и внизъ и вверхъ по Волгѣ. А что Воевода говоритъ, будто онъ на то имѣетъ Указъ Государевъ, то просимъ васъ посмотрите, въ которомъ годѣ, мѣсяцѣ и числѣ тотъ Указъ присланъ, и намъ съ него пришлите списокъ; а безъ того вашихъ не отпустимъ. Да просимъ отпустите намъ Стрѣльца Тим. Болдыря, взятаго подъ Чернымъ Яромъ, а буде Воевода его не отпуститъ, то насъ о семъ увѣдомьте.“

Въ семъ же 1705 году, Февраля въ 8 день, повелѣно на Москвѣ и въ городахъ соль всю у всякихъ чиновъ описать, и описавъ впредь продавать изъ Казны вышнею цѣною. О чемъ изъ Помѣстнаго въ Посольскій Приказъ сообщено *памятью* 29 Августа; но отвѣта не получено. А какъ сего 5 Ноября Полковникъ Изюмскаго полка Ѳед. Шидловскій доноситъ: что Донскіе Казаки его Пол-

ковника къ описи соли не допускаютъ, отговариваясь тѣмъ, что тотъ Указъ, не изъ Посольскаго Приказа присланъ; почему Государь и указалъ (Ноября 16) выслать въ Изюмъ и Бахмутъ къ Донскимъ Казакамъ изъ Посольскаго Приказа послушную грамоту съ подтвержденіемъ, о немедленномъ допущеніи къ описи у нихъ соли.

Декабря 1го отправленъ въ Москву Атаманъ Ефремъ Петровъ съ 92 Казаками для принятія жалованья на слѣдующій 1706 годъ, при чѣмъ Войсковой Атаманъ доносилъ: „что старшина Василій Поздѣевъ съ 300 Казаковъ, изъ Царицына ходилъ подъ Черный Яръ, гдѣ боемъ били и языка взяли и отдали его Царицынскому Воеводѣ. Казакъ же Мат. Ларіоновъ съ товарищи посланъ былъ къ Аюкѣ и къ инымъ Мурзамъ за Волгу для вѣдомостей и пересылокъ; о чемъ Астраханскіе мятежники провѣдали и писали къ Аюкѣ, что бы симъ нашимъ Казакамъ быть ниже Черного Яра для переговорки. Но когда наши Казаки туда пріѣхали, то увидѣли, что 1,000 бунтовщиковъ въ стругахъ, бѣгутъ подъ парусами вверхъ Волгою къ Черному Яру: наши съ ними перекликались, что бы они измѣнники Тебѣ Государю повинную принесли, а они де воры на сговоръ не дались. Яикскіе Казаки, бывшіе у Аюки, также для розыску и вѣстей, сказали: что Астраханцы съ Кубанскою Ордою пересылаются, и хотятъ съ ними вмѣстѣ итти на Аюку и Монкотемира Тайшей.“

27 Декабря, Войсковой Атаманъ отпискою доносилъ, о полученіи Высочайшей грамоты изъ Гродны за отворчатою Государственною печатью, съ премилосердымъ Государевымъ милостивымъ похвальнымъ словомъ и съ препровожденіемъ при оном Донскому Войску за усмиреніе Астраханскаго бунта 20,000 рублей. „Получа милость Твою, весьма обрадовались, и казнѣ Твоей по прежнему уряду учинили конную и пѣшую встрѣчу, и изъ мѣлкаго ружья и пушечнаго снаряду стрѣляли довольно гораздо, и Господу Богу за Тебя и Царевича молились усердно. Доставившаго казну Твою, Воронежскаго полка Прапорщика Афон. Митрюнина съ сею отпискою къ Москвѣ отпустили, и велѣли ему подать оную въ Посольскій Приказъ.“

Въ грамотѣ, писанной 1706 года Февраля въ 7 день, Великаго Государя Петра Алексѣевича, Походнаго войска Донскимъ Старшинамъ Пирожникову и Поздѣеву, сказано: „Призирая на ваши вѣрныя и радѣтельныя службы указали Мы, находящимся на службѣ въ Царицынѣ 900 Казаковъ выдать каждому по 2 рубли, да тремъ Старшинамъ по 3 рубли, да Панщинскому Атаману Сав. Чекунову, за его многую службу, 26 рублей, всего 1,853 рубли. А какъ ся Наша Грамота къ вамъ придетъ, то вы бы деньги кому сказано роздали по рукамъ сполна; двухъ же Астраханскихъ бунтовщиковъ, задержанныхъ вами на переговоркѣ отпустить, и вмѣсто ихъ своихъ 12

Казаковъ возьмите; объ исполненіи же донесть чрезъ почту въ Посольскій Приказъ, къ Боярину Өед. Алекс. Головину съ товарищи."

Въ семъ же 1706 году 21 Февраля, прислана на Донъ милостивая похвальная Грамота, за собственноручнымъ Государя подписаніемъ, въ коей, похваливъ Атамановъ-Казаковъ и все Донское войско за ихъ усердную и радѣтельную службу, Отцу, брату и Ему Царю, и особенно за усмиреніе Астраханскаго бунта, на вѣчную хвалу и славу, въ роды родовъ и въ знакъ особливой Царской милости, сверхъ доставленныхъ 21,853 руб., пожалованы всему Донскому войску *честныя клейноды*. Войсковымъ Атаманамъ, какъ знакъ ихъ власти, *Перначъ* (родъ посоха) серебряный, позлащенный, украшенный самоцвѣтными каменьями; имъ же *Бунчукъ* съ яблокомъ, доскою и трубкою серебряными, также позлащенными; Войску, большое *знамя*, писанное на камкѣ золотомъ; и *шесть* Станичныхъ камчатыхъ *знаменъ*, писанныхъ золотомъ и серебромъ. Клейноды сіи вручены были нарочно присланному въ Москву Атаману Зимовой Станицы, составленной изъ добрыхъ и знатныхъ выборныхъ людей, которые при отпускѣ милостиво одарены были деньгами, камками и сукномъ; а во всѣхъ станицахъ и въ Черкаскѣ, по обычаю, приняты и сопровождаемы были съ великою почестью и неизрѣченною радостью. При пріемѣ честныхъ Клейнодовъ, во всѣхъ Станицахъ и городкѣ зело гораздо стрѣляли, усердно

Похвальная Грамата Донскому войску. 21 Фев. 1706 г.

Богу молились, и за многолѣтное здравіе Царя и Наслѣдника Царевича радостно *гуляли.*

Въ семъ 1706 году, при Атаманѣ Максимовѣ, заложенъ въ Черкаскѣ большой каменный Соборъ, который оконченъ и освященъ въ 1719 году 1го Февраля.

Зная, что одним Казакамъ сильно укрѣпленную Астрахань взять не льзя, Государь для покоренія ея отправилъ Фельдмаршала Шереметева и Окольничаго Апраксина съ значительнымъ корпусомъ регулярныхъ войскъ. Фельдмаршалъ земляной валъ взялъ приступомъ; но видя, что бунтовщики съ лютостію оборонялись въ каменномъ городѣ, пустилъ туда нѣсколько бомбъ. 13 Марта 1706 года, бунтовщики, устрашась бомбардированія, покорились и вышли изъ города съ повинною. Глава и зачинщикъ бунта Носовъ, съ 273 болѣе виновными Стрѣльцами, отосланы на казнь въ Москву.

Изъ донесеній Войсковаго Атамана въ Посольскій Приказъ, изъ именныхъ повелѣній Государя, указовъ Посольскаго Приказа, и изъ другихъ документовъ сему 1706 году принадлежащихъ, видно слѣдующее:

По возникшему спору между Донскими Казаками и Полковникомъ Изюмскаго полка Ѳедор. Влад. Шидловскимъ, о соленыхъ озерахъ на рѣчкѣ Бахмутѣ бывшихъ; верховыхъ станицъ Казаки собравшись во многолюдствѣ, въ два набѣга, въ исходѣ 1705 и въ Январѣ 1706 года, принадле-

жавшія Малороссіянамъ соловарни разорили, всю посуду разбили, готовую соль, вино и другіе запасы увезли, многихъ рабочихъ побили и всѣхъ промышленниковъ ограбили. Въ Февралѣ мѣсяцѣ, Войсковому Атаману приказано сдѣлать розыскъ, все взятое немедленно возвратить, а виновныхъ въ самоуправствѣ предать суду; но какъ слѣдствія по оному вскорѣ не учинено, то 9го Іюля, Государь поручилъ Адмиралтейцу Ѳед. Мат. Апраксину по справедливости розыскать; а до окончанія розыска и размежеванія, каждой сторонѣ владѣть тѣмъ, чѣмъ до сего владѣли. Въ оправданіе поступка Казаковъ, Войсковой Атаманъ 11 Октября донесъ: „что Малороссіяне Изюмскаго полка, также во владѣніяхъ верховыхъ Казаковъ великое разореніе чинятъ: лѣсъ рубятъ, хлѣбныя поля скотомъ своимъ топчутъ, въ одоньяхъ жатый хлѣбъ берутъ, землю ихъ пашутъ и сѣно на лугахъ косятъ; а 10 Мая Луганской станицы Казака, ѣхавшаго для торга съ рыбою, ограбили и убили."

По настоятельному требованію Государя, Султанъ прислалъ своего Казнодара Абдулла Агу съ тремя Сановниками въ Азовъ, для розыску и удовлетворенія взаимныхъ обидъ, Россійскими и Турецкими подданными понесенныхъ. Войсковые Старшины Ив. Ивановъ и Лар. Кузьминъ, для сего разбирательства ѣздили въ Азовъ; но возвратились въ Черкаскъ 2 Мая, не получа никакой уплаты, вѣроятно потому, что Казакамъ приходилось

платить болѣе, нежели имъ получить съ подданныхъ Султана. Они заключили только договоръ, что бы впредь Турецкимъ подданнымъ ни явно, ни тайно, подъ Украинскіе Казачьи городки не ходить; а если пойдутъ и въ нихъ что возьмутъ, то за каждаго Казака платить 20 человѣкъ, а за лошадь 20 лошадей.

Сего лѣта, въ разное время Кубанцы, небольшими партіями, съ вѣдома, а можетъ быть и по позволенію Царяградскаго Капиджи-Паши, приходили подъ Казачьи городки для тайнаго воровства; но поиски ихъ были неудачны. 15го Мая, нападали они на Цымлянскъ, Терновской, Кумшатской, Романовской и Каргальской городки; но Казаки, догнавъ ихъ на Манычѣ у Черкаскихъ Копаней, разбили, многихъ побили, добычу отбили и изъ 74 бывшихъ подъ начальствомъ 5 Мурзъ 15 чел. взяли въ плѣнъ. Въ Іюлѣ и Августѣ, Кубанцы подъ разными городками отбили четыре табуна, въ плѣнъ взяли 15 мужескаго и 7 женскаго пола, убили 8 человѣкъ; но Казаки, догнавъ ихъ на рѣчкѣ Сусадѣ, всю добычу отбили, и сверхъ того, кромѣ многихъ убитыхъ и раненыхъ, взяли у нихъ 36 человѣкъ въ плѣнъ.

Охотники. Подобныя происшествія на Дону были слишкомъ обыкновенны; ибо не смотря на миръ, заключенный съ Турціею, и на строгое запрещеніе Государя ходить для отмщенія на Кубань и въ Крымъ; наѣздники ихъ, такъ называемые *охотники*, безъ позволенія Атамана, ходили войною не

только въ Султанскія владѣнія; но нападали и на подданныхъ Россійскихъ, особенно Калмыковъ, которые въ семъ промыслѣ едва ли не превосходили Казаковъ, или, по крайней мѣрѣ не уступали имъ въ ловкости и проворствѣ. Молодые бездомные люди, которыхъ *охотниками* и также *вольницею* называли, и которые никакимъ хозяйствомъ не занимались; почитали долгомъ отличиться наѣздничествомъ. Они, воровство называли промысломъ, охотою; и также какъ и Спартанцы похвалялись имъ, и также, украсть не бывъ пойманнымъ, почитали удальствомъ, молодечествомъ. Тактика сихъ витязей состояла въ томъ, что бы тайно подкравшись, сдѣлать нечаянное нападеніе, схватить что подъ руку попадется, и съ добычею ускакать не бывъ догнаннымъ; и, вообще уклоняться отъ битвы съ превосходными силами, обходить врага проселочными дорогами или глухою степью, и нападать только тамъ, гдѣ съ наименьшею потерею можно болѣе пріобрѣсти. Словомъ, еще и въ сіе время, при строгомъ хранителѣ всякаго порядка и правды, Петрѣ Великомъ, Казаки вели безпрерывную Партизанскую войну со всѣми своими сосѣдами, на друзей и непріятелей нападали безъ разбора; жили и богатѣли добычею, а потому, почитали врагомъ всякаго, у кого было что отнять, и называли потерею то, чего утащить не удавалось. Но какъ съ одной стороны, Правительство такіе поиски всемѣрно воспрещало, и ослушныхъ удальцовъ безъ наказанія не оставляло; то Казаки, при такомъ своевольствѣ, еще почи-

таемой ими правомъ вольности, болѣе теряли, нежели выигрывали, что изъ случившагося въ семъ году усмотрѣть можно.

Въ началѣ лѣта, человѣкъ сто Донскихъ охотниковъ, переѣхавъ Волгу противъ Чернояра, отогнали изъ Аюкина и Чеметеева улусовъ 400 лошадей съ пятью табунщиками; и сверхъ того двухъ ранили. Чеметеевъ Мурза Аранчинъ, съ 180 Калмыковъ, пустился за ними въ погоню; но не догнавъ, жестокимъ образомъ отмстилъ имъ за свою обиду. Во первыхъ, встрѣтивъ подъ Григорьевымъ городкомъ, Стольника Дмит. Ив. Дивова, ѣхавшаго на 20 подводахъ съ артиллерійскими припасами, съ 6 служилыми людьми и съ 9 провожавшими его Казаками, убилъ. Послѣ сего Аранча, отправивъ добычу домой, въ сопровожденіи 20 человѣкъ, у которыхъ лошади пристали, съ остальными въ продолженіе лѣта, по донесенію Войсковаго Атамана столь великое разореніе и озлобленіе учинилъ, что во многихъ верхнихъ городкахъ, скотскіе табуны всѣ безъ остатку отогналъ; Казаковъ, бывшихъ на звѣриной гульбѣ и рыбной ловлѣ побилъ, и на сѣнныхъ покосахъ много женскаго пола въ полонъ взялъ; и всю ту сторону въ такой привелъ страхъ, что жители сидѣли отъ него какъ бы въ осадѣ, и не смѣли въ поле на работу выходить. Аранча съ великою добычею и плѣномъ возвратился въ свои улусы, уклонился отъ сраженія съ превосходными силами и ускользнулъ отъ преслѣдованія. Только та

партія, которая на уставшихъ лошадяхъ отправлена была съ добычею домой, на рѣчкѣ Ширяю съ версту выше Царицына, была настигнута 200 Казаковъ Григорьевской и другихъ двухъ ближнихъ къ ней станицъ, которые убитаго Стольника Дивова оловянную посуду, и иное его имущество отбили, и 5 Калмыковъ взяли въ плѣнъ.

Указомъ, даннымъ Посольскому Приказу, 26 Ноября сего 1706 года, повелѣно: „Калмыцкому Аюкѣ Хану, поймавъ Мурзу Аранчина и допрося, казнить, дабы впредь другимъ было не повадно, все взятое имъ возвратить; а прочимъ его улусникамъ строго запретить ходить на воровство подъ Казачьи городки, подъ опасеніемъ за ослушаніе смертной казни. По жалобѣ Мурзы Батыря Тайши, перешедшаго со ста кибитками на Донъ, и вступившаго тамъ на службу, Аюкѣ Хану приказано, задержанныхъ имъ дѣтей Мурзы, отцу возвратить; также жену, дѣтей и улусныхъ людей Мурзы Баахана Тайши, немедленно на Донъ отпустить. Войсковому же Атаману, особымъ Указомъ приказано подтвердить Казакамъ, чтобы отнюдь подъ Калмыцкіе улусы не ходили, и никакого разоренія въ отмщеніе имъ не дѣлали, подъ опасеніемъ ослушникамъ смертной казни. Казанскому Воеводѣ Никитѣ Кудрявцову велѣно подтвердить Царицынскому и другимъ Воеводамъ, чтобы они окрестнымъ жителямъ и рыбакамъ строго запретили, перевозить чрезъ Волгу какъ Калмыковъ, такъ и Казаковъ; „зачѣмъ и Воево-

дамъ тщательно смотрѣть и всемѣрно имъ въ томъ препятствовать, и на всѣхъ переправахъ крѣпко ихъ беречь."

Дѣйствіе Казаковъ въ Польшѣ. 1707 г.

Въ продолженіе военныхъ дѣйствій въ Польшѣ противу Шведовъ, Донскіе Казаки, подъ начальствомъ Походнаго Атамана Данилы Ефремова, служили безсмѣнно, и во многихъ сраженіяхъ отличились храбростію. Подъ Калишемъ, гдѣ Саксонскій Генералъ Шуленбургъ разбитъ былъ Шведскимъ Генераломъ Рейншильдомъ, Казаки, въ числѣ 6000 Русскаго войска, одни устояли; четыре часа бились противу превосходныхъ силъ, и не прежде отступили, какъ осталось у нихъ въ строю 1000 человѣкъ. Здѣсь-то, къ сожалѣнію, должно замѣтить, нѣсколько Казаковъ, взятыхъ въ плѣнъ, побиты до смерти палками. На походѣ чрезъ Галицію, подъ начальствомъ Князя Меншикова, Казаки дѣйствовали удачно; и въ другой разъ отличились подъ Калишемъ при разбитіи и взятіи въ плѣнъ Шведскаго Генерала Мардефельда. Въ 1706 году, самъ Шведскій Король, переѣхавши Вислу близъ Варшавы для обозрѣнія, едва не былъ взятъ въ плѣнъ разъѣздомъ Казаковъ, и спасся только пожертвованіемъ провожавшаго его конвоя. Въ другой разъ, при отступленіи изъ Гродно, 1707 Генв. 28, Король едва также не попался въ плѣнъ; ибо Казаки вмѣстѣ съ регулярною конницею напали на самую его квартиру и бывшій при оной караулъ едва не весь порубили. Въ 1708 году, при отступленіи арміи къ Россій-

скимъ границамъ, Казаки, находясь въ аріергардѣ, тревожили непріятеля частыми нечаянными нападеніями, не допускали къ нему подвозовъ провіанта, били его фуражировъ, и отступая, опустошали всѣ мѣста, по коимъ Шведамъ должно было проходить. Тутъ также какъ и въ Лифляндіи, Казаки вели малую войну, имъ свойственную и обычную, отличались и одерживали верхъ во всякой почти схваткѣ.

ГЛАВА VII.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Бунтъ Буловина. Буловинъ скрывается, въ Запорожской сѣчи. Разбитіе Войсковаго Атамана, Взятіе Черкаска. Буловинъ Войсковымъ Атаманомъ. Пораженіе трехъ мятежническихъ отрядовъ. Смерть Буловина. Бѣгство Некрасова съ раскольниками на Кубань. Гербъ Войска. Казаки подъ Лѣснымъ и Полтавою. Донское войско въ вѣдѣніи Сената. Поселеніе Калмыковъ въ Чугуевѣ. Разбитіе Бахты Гирея Султана. Персидская война.

1707 — 1725 г.

Бунтъ Буловина. 1707 г.

Карлъ XII, похваляясь воинскою бѣшеною храбростію, въ особѣ Государя едва ли не безразсудною, старался превозмочь своего Великаго соперника, не однимъ мужествомъ, превосходно обученнаго и опытнаго своего войска; но подкупомъ, обольщеніями и измѣною. Гетманъ Малороссійскихъ и Запорожскихъ Казаковъ Мазепа, прельстившись Королевскими обѣщаніями, сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ Полоцкаго и Витебскаго Княжества, первый измѣнилъ Россіи. Онъ обѣщалъ Королю, привлечь въ союзъ свой Аюку Хана Калмыцкаго, Бѣлгородскихъ Татаръ и Донскихъ Казаковъ, и при вступленіи Шведской арміи въ Малороссію, съ нѣсколькими

тысячами своихъ Казаковъ предался непріятелю. Сей коварный предатель, еще таяся, хотя не успѣлъ во всѣхъ своихъ предположеніяхъ; но сыскалъ въ войскѣ Донскомъ подобнаго ему Іуду, въ лицѣ Кондрата Буловина; сыскалъ, и, не ошибся въ своемъ выборѣ.

Буловинъ, обольщенный Мазепою, съ которымъ онъ познакомился въ прежнихъ походахъ Крымскихъ и будучи завѣренъ въ помощи Турокъ, Крымскихъ Татаръ и Запорожцевъ, спѣшилъ воспользоваться случившимися тогда обстоятельствами, развернулъ знамя бунта, — но преждевремянно: злодѣи, обыкновенно запутываются въ собственныхъ своихъ сѣтяхъ. Въ званіи походнаго Атамана ему поручено было охраненіе границъ со стороны рѣки Донца и Бахмута, гдѣ Донское войско имѣло свои варницы для добыванія соли. Въ сіе время Полковникъ Князь Юрій Долгорукой съ командою, по Указу Царскому, вмѣстѣ съ Войсковымъ Старшиною Еф. Петровымъ, въ восьми верховыхъ станичныхъ юртахъ, схватилъ и выслалъ на прежнія жилища до 3000 разнаго званія бѣглыхъ изъ Россіи людей. Но какъ, въ нѣкоторыхъ Станицахъ, Казаки дерзнули сопротивляться, то главные зачинщики были наказываемы; и при семъ, вѣроятно, не обошлось безъ насилія съ обѣихъ сторонъ. Буловинъ, полагая сей случай весьма благопріятнымъ для возмущенія недовольныхъ дѣйствіемъ высшаго Правительства, успѣлъ преклонить къ бунту Казаковъ восьми помяну-

тыхъ верховыхъ станицъ. Мазепа притворялся еще вѣрнымъ, но тайно переписывался и пересылался съ Буловинымъ и возмущалъ Малороссіянъ пустыми слухами, будто Государь хочетъ обратить Казаковъ въ войско регулярное, подъ рукою допустилъ, что не малое число пришлецовъ и бродягъ изъ ближнихъ Украинскихъ городовъ наполнили Бахмутъ; откуда дерзновенный Буловинъ съ симъ набродомъ немедля выступилъ. Скорымъ переходомъ достигнулъ онъ Хопра и близъ Урюпинской Станицы, внезапно (въ Октябрѣ) ночью напалъ на Князя Долгорукова, неподозрѣвавшаго измѣны, и его и всѣхъ при немъ бывшихъ, около 1000 солдатъ съ Офицерами, перерѣзалъ. По совершеніи сего злодѣянія, Буловинъ послалъ по всѣмъ Станицамъ возмутительное письмо, слѣдующаго содержанія:

„Всѣмъ Старшинамъ и Казакамъ, за домъ Пресвятыя Богородицы, и за истинную Христіанскую вѣру, и за все великое войско Донское; также сыну за отца, брату за брата, и другъ за друга стоять и умереть за-одно: ибо зло на насъ помышляютъ, жгутъ и казнятъ напрасно; а злые Бояре и Нѣмцы вводятъ насъ въ *Еллинскую* вѣру, а отъ истинной (раскольничей) Христіанской отвращаютъ. Вѣдаете вы Атаманы и молодцы, какъ наши дѣды и отцы на семъ полѣ жили, и прежде сего наше старое поле крѣпко стояло и держалось; а тѣ злые наши супостаты, то старое поле все перевели и ни во что почли. Чтобы намъ не

потерять его, и единодушно всѣмъ стать, ему Атаману Буловину дайте правое слово и душами своими укрѣпите; Запорожскіе же Казаки и Бѣлогородская Орда станутъ съ нами вкупѣ и заодно; и вамъ бы Атаманы-молодцы о семъ вѣдать. Куда сіе наше письмо придетъ, то половинѣ остаться въ куреняхъ, а другой половинѣ быть готовой къ походу. А буде кто, или которою Станицею сему нашему Войсковому письму будутъ ослушны и противны, и тому будетъ учинена смертная казнь безъ пощады; а верстаться поноламъ опричь вольницы, которымъ всѣмъ итти въ походъ. Сіе письмо посылать отъ городка до городка, на-скоро, и днемъ и ночью, не мѣшкавъ, во всѣ станицы и на Усть и вверхъ Бузулука и Мѣдвѣдицы."

Государь, получа извѣстіе о столь неожиданномъ возмущеніи на Дону, и опасаясь вредныхъ послѣдствій онаго, немедленно приказалъ итти противу Буловина 1000 Драгунамъ полка Гулица, изъ Тамбова всей бригадѣ Степана Бахметева, Воеводѣ Князю Мих. Анд. Волконскому, собравъ въ Ряжскѣ Московскихъ чиновъ людей, Рязанскаго разряду и за-Оцкихъ и Украинскихъ городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ съ ихъ дворовыми людьми, итти также на Хоперъ. Войсковому Атаману съ вѣрными Казаками велѣно воровскихъ прелестей Буловина не слушать, и воевать его какъ врага. Украинскому Воеводѣ Князю Дмитр. Мих. Голицыну и Азовскому Губернатору Толсто-

му, приказано взять всѣ нужныя мѣры осторожности.

Войсковой Атаманъ Максимовъ, при первомъ слухѣ о возмущеніи, послалъ во всѣ станицы приказъ, Буловина не слушать, а остальному наличному войску, за откомандированіемъ большой половины полковъ противу Шведовъ, собраться въ Черкаскъ въ половинномъ числѣ, и съ сими немедля выступилъ къ Хопру. Буловинъ, надѣясь вскорѣ собрать на Хопрѣ многочисленную толпу, намѣренъ былъ итти въ Москву, губить Бояръ, мундирныхъ солдатъ и Нѣмцовъ. Но надежда его не исполнилась. Передовые его отряды, при наступленіи Войсковаго Атамана бѣжали, и Буловинъ, еще малосильный, опасаясь неудачи, уклонился отъ нападенія и отступилъ (въ Ноябрѣ 1707 г.) съ Хопра къ Бахмуту, гдѣ удобнѣе могъ получить обѣщанную помощь отъ Татаръ, Запорожцевъ и отъ Мазепы. Тамъ, приказалъ онъ своимъ главнымъ соумышленникамъ Хохлу, Некрасову, Драному, Голому и прочимъ перейти Донецъ и стать за Міусомъ, гдѣ стараться усилить отряды свои бѣглецами изъ Малороссіи и вольницею съ Дона; самъ же отправился въ Запорожскую сѣчь.

Буловинъ скрывается въ Запорожской сѣчи. 1707 г.

Буловинъ, прибывъ въ сѣчь въ половинѣ Ноября 1707 года, просилъ на Радѣ, чтобы ему съ 12 Казаками позволено было поселиться на рѣчкѣ Каменкѣ: имъ позволили жить въ Кадакѣ. Государь, еще не подозрѣвая измѣны и будучи твердо

увѣренъ въ преданности Мазепы, поручилъ ему присмотръ за усмиренными бунтовщиками. Въ продолженіе зимы на Дону все было спокойно; но Мазепа, съ преданнымъ ему Запорожскимъ Атаманомъ Гордѣенкомъ, дѣйствовали неослабно. Буловинъ, тайно ими покровительствуемый, набиралъ въ Запорожьи и Малороссіи всякой сбродъ, и отсылалъ ихъ въ отряды свои, скрывавшіеся въ пустынныхъ степяхъ за Міусомъ; и даже въ пограничные Великороссійскіе города посылалъ онъ обольстительныя письма и подговорщиковъ своихъ, но безъ успѣха.

Мазепа, готовясь къ измѣнѣ, до того притворствовалъ, что при самомъ началѣ и во все продолженіе бунта посылалъ нѣсколько своихъ Казаковъ противу бунтовщиковъ, и отъ Запорожскаго Кошеваго Атамана Гордѣенки, для одного вида, требовалъ выдачи самаго Буловина. За всѣмъ тѣмъ опасаясь, чтобы Государь преждевремянно не проникъ его злоумышленія, и дабы выиграть время, онъ доносилъ о распоряженіяхъ своихъ спустя уже нѣсколько мѣсяцовъ послѣ. Такъ, отъ 15 Марта 1708 года писалъ онъ къ Государю, что еще *прошедшаго года*, требовалъ отъ Гордѣенки выдачи Буловина; но *будто* Запорожцы его не послушали, на Радѣ его Гетмана бранили, и листъ его изорвали, а о Буловинѣ сказали, что про него вовсе не вѣдаютъ. Между тѣмъ Кошевой, Писарь, и другіе куренные Запорожскіе Атаманы, на сырной недѣлѣ заключили съ Булови- 1708 г.

нымъ тайный союзъ, „*чтобы Донскому и Запорожскому войску быть въ соединеніи, и другъ за друга стоять твердо, и радѣть единодушно* [a]. Хитрый Гордѣенко, въ отвѣтъ на повелѣніе Государя, требовавшаго немедленной выдачи Буловина, также спустя долгое время, доносилъ отъ 3 Апрѣля, что: „Буловинъ былъ на Днѣпрѣ *давно минувшихъ лѣтъ*, съ намѣреніемъ затянуть насъ въ свои замыслы, однако же мы съ безчестіемъ изъ Коша его выгнали, и теперь его Буловина, въ нашей сѣчѣ нѣтъ, пошелъ къ Дону, откуда появился. Намъ его ловить невозможно, ибо все наше Низовое войско, по обыкновенію своему, въ разныхъ мѣстахъ *рыбу ловятъ*. Повелите Ваше Царское Величество, Донскому войску его изловить, яко съ одной рѣки и одного мѣста измѣну учинили; и какъ онъ нынѣ на Донъ ушелъ, то поймать его Донцамъ легче и болѣе приличествуетъ, нежели намъ. Когда Буловинъ былъ у насъ, не было еще извѣщенія, какая его была вина, и настоятельнаго о выдачѣ его и поимкѣ требованія не было. Да онъ же Буловинъ и Самарскимъ Воеводою Сем. Полуек. Шеншинымъ свободно былъ пропущенъ.“ Государь, не сомнѣваясь болѣе въ участіи Кошеваго, указалъ 21 Апрѣля, 88 Запорожцевъ присланныхъ въ Москву за годовымъ жалованьемъ, держать подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока Гордѣенко не сыщетъ и не выдастъ

---

[a] Изъ Малороссійскихъ дѣлъ о бунтѣ Буловина.

плевосвятеля Буловина. Мазепа, сложивъ вину на Гордѣенко, который уже дѣйствовалъ болѣе открытымъ образомъ, счастливо избѣгъ грозы, умѣлъ скрыть свои замыслы, умѣлъ отклонить отъ себя подозрѣніе; и за столь явное коварство удостоился еще получить Монаршее благоволеніе.

Дѣятельный Государь, предвидя опасность, рѣшился значительною массою силъ утушить пламя бунта при самомъ его началѣ. Для сего въ Витебскѣ, 5 Апрѣля, Собственною рукою написалъ роспись войска [a], начерталъ планъ дѣйствій, и съ такою быстротою привелъ его въ исполненіе, что, какъ говоритъ лѣтопись, того дотолѣ на Руси не бывало. Со всѣхъ сторонъ двинулись войска: Князю Дмит. Мих. Голицыну поручено собрать въ Тулѣ 20,000 корпусъ регулярныхъ войскъ, къ коимъ Мазепа присоединилъ нѣсколько своихъ кампанейскихъ полковъ. Вскорѣ послѣ, корпусъ сей, вмѣстѣ съ Донскими Казаками, оставшимися Царю вѣрными, отданъ подъ команду ближнему Стольнику Гвардіи Маіору Князю Василію Володиміровичу Долгорукому, брату убіеннаго Полковника, который 12 Апрѣля на Битюгѣ уже дѣй-

(a) Въ Росписи, написанной въ видѣ простой записки, значится: „Бахметева со всѣмъ Корпусомъ; съ Воронежа 400 Драгунъ; съ Москвы полкъ Драгунской Фондельдена, да новой пѣхотной, Шидловскаго со всею бригадою, также изъ Ахтырскаго и Сумскаго полковъ по баталіону; къ томужъ Дворянамъ и Царедворцамъ всѣмъ, и прочимъ, сколько возможно сыскать въ Москвѣ конныхъ.“ Вскорѣ послѣ присланы еще, два полка: конной Ингерманландской и Бильсовъ пѣхотной.

ствовалъ противу мятежниковъ. Въ данномъ Князю Долгорукому наставленіи, сказано: „всѣ казачьи городки, самовольно построенные за чертою прежнихъ Донскихъ земель, уничтожить; которые изъ мятежниковъ принесутъ повинную въ теченіи двухъ мѣсяцовъ, простить и отпустить съ ласкою; всѣхъ же прочихъ, попавшихся съ оружіемъ въ рукахъ, особенно заводчиковъ, рубить, вѣшать, сажать на колъ и колесовать; ибо сія *сарынь* (такъ сказано въ Указѣ), ничѣмъ кромѣ жестокости унята быть не можетъ." Мятежники наипаче устрашены были разнесшимся слухомъ, что Самъ Царь слѣдуетъ за Долгоруковымъ съ сильною арміею. Слухъ сей подтвержденъ былъ прибытіемъ къ арміи Князя Долгорукова одного баталіона Преображенскаго полка.

Изъ Витебска же и отъ того же 5 Апрѣля Государь приказалъ Войсковому Атаману Максимову, съ знатнымъ числомъ Донскаго Войска не мѣшкавъ итти противу Буловина, стараться поймать его, и скорымъ разбитіемъ не допустить до многаго кровопролитія. Между тѣмъ, по всѣмъ городкамъ объявить, что тѣмъ изъ мятежниковъ, которые принесутъ повинную немедленно, „Мы, милосердствуя къ нимъ, яко къ подданнымъ и чадамъ Своимъ, вины ихъ простимъ. Распопинской станицѣ Казакамъ воспретить итти своевольно для добычи на Калмыцкіе улусы; ибо оные Калмыки посланы Нами на Башкирцовъ; а въ обидахъ, какіе Казаки отъ нихъ потерпѣли, повелѣли Мы всякое удовлетвореніе сдѣлать."

Во исполненіе сего Указа, Войсковой Атаманъ съ готовымъ войскомъ немедленно выступилъ изъ Черкаска; а за отсутствіемъ его Наказный Атаманъ Илья Григорьевъ писалъ въ Сѣчь, чтобы Запорожцы не вѣрили Буловину, будто Донское Войско отъ Государя отложилось; что напротивъ оно за Него головы свои положитъ. „А какъ извѣстно, что Буловинъ живетъ у васъ, то просимъ схватить его и оковавъ прислать за карауломъ въ Черкаскъ или въ Таганрогъ."

Буловинъ оказалъ не меньшую дѣятельность: распоряженія и дѣйствія его показываютъ человѣка рѣшительнаго, съ духомъ, быть можетъ, болѣе дерзновеннымъ, нежели силы и способности его то позволяли. Перезимовавши на Днѣпрѣ, онъ рано весною 1708 года, съ 3000 Запорожцевъ пришелъ къ Міусу, гдѣ сосредоточилъ всѣ отряды своихъ сподручниковъ, и засѣлъ во многихъ скрытныхъ мѣстахъ, лѣвыхъ потеклей рѣки Крынки, впадающей въ Міусъ, и правыхъ отвершковъ сей послѣдней рѣки. Войсковой Атаманъ Лукьянъ Максимовъ на походѣ изъ Черкаска, въ первыхъ числахъ Апрѣля, на рѣчкѣ Голубой, разбилъ отрядъ мятежниковъ, и вскорѣ явился предъ главными ихъ силами, на рѣчкѣ Крынкѣ собранными. Вѣрный Царю и своему долгу, не смотря на великое превосходство Буловинцовъ числомъ воиновъ, Максимовъ, не хотѣлъ отступить безъ боя; напалъ, и, сраженіе, какъ всѣ междоусобныя, было упорное и кровопролитное. При равномъ искуствѣ и

Разбитіе Войсковаго Атамана. 1708 г.

храбрости, многолюдство пріобрѣло безславную и дорого стоившую побѣду. Буловинъ овладѣлъ пушками и всѣмъ станомъ Максимова, который поспѣшно отступилъ въ Черкаскъ. Мѣсто, гдѣ сражались Казаки, братъ противу брата и сынъ противу отца, и донынѣ извѣстно подъ имянемъ Буловина колодезя.

По одержаніи побѣды, Буловинъ отправилъ нѣсколько легкихъ отрядовъ, къ Станицамъ Донецкимъ, Хоперскимъ, Бузулукскимъ и Мѣдвѣдицкимъ, откуда оныя распространились даже до Козлова и Тамбова. Запорожцы, составлявшіе одинъ изъ сихъ отрядовъ, на походѣ убили Сумскаго Полковника съ Войсковымъ Старшиною и обозъ у нихъ отняли. Самъ Буловинъ съ главными силами, прикрывши лѣвое свое крыло сими отрядами, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Азова и Черкаска, пошелъ степью прямо къ Кобылянской станицѣ, расположенной на правомъ берегу Дона. На семъ маршѣ мятежники встрѣтили сильное сопротивленіе: жители вѣрныхъ Станицъ [a], искуствомъ и отчасти природою укрѣпленныхъ, встрѣтили ихъ какъ враговъ, и будучи ими осаждены, защищались по мѣрѣ силъ своихъ. По достиженіи Кобылянской станицы и до самаго Черкаска, не только не встрѣтилъ онъ никакого препятствія, но нашелъ возможность усилить

(a) Донецкая, Усть-Мѣдведицкая, Казанка, Правоторовская и Бурацкая. Отъ Нижне-Курмоноярской, всѣ станицы внизъ по Дону до Черкаска, также пребыли вѣрными.

свое войско. Станицы сіи населены большею частію раскольниками, которые, принявъ въ свое сонмище великое число бѣглыхъ своихъ собратій, изгнанныхъ изъ Россіи, за свое суесвятство, превосходствомъ своимъ принудили вѣрныхъ Царю и Церкви Казаковъ, удалиться при наступленіи Буловинцевъ, въ разныя мѣста. Раскольники, не любя Царя за его нововведенія, и называя Россіянъ и всѣхъ истинныхъ сыновъ Церкви *Еллинами*, (что по ихъ невѣжеству значило то же, что бусурмане); приняли мятежниковъ какъ пріятелей, и къ нимъ присоединились. Буловинъ со многочисленною толпою новобранцевъ поспѣшно пошелъ на судахъ Дономъ, и сухопутно по лѣвому его берегу, дабы рѣкою прикрыть свои движенія отъ нечаяннаго нападенія, и въ случаѣ сраженія, чтобы не имѣть въ тылу рѣку. Остановившись на Васильевѣ, противу Черкаска, Буловинъ не осмѣлился взять городъ приступомъ, и вмѣсто того употребилъ коварство и измѣну. Черкаскъ (8), обнесенный валомъ и палисадомъ, и защищаемый многочисленнымъ гарнизономъ и артиллеріею, для Буловинской толпы, дѣйствительно былъ непреодолимъ.

Жители верхней, Средней и Нижне-Рыковскихъ станицъ, ниже города по Дону расположенныхъ, измѣнивъ вѣрнымъ, предалися мятежникамъ. Въ ночное время, съ притворнымъ страхомъ прибѣжали они къ крѣпостнымъ воротамъ, и просили спасти ихъ отъ лютости Буловина, который буд- Взятіе Черкаска.

то бы ихъ ограбилъ и многихъ мучительски казнилъ. Какъ скоро отворили ворота, отважнѣйшіе изъ бунтовщиковъ, вмѣстѣ съ Рыковцами вошли въ Черкаскъ, изрубили караулы, заняли бастіоны и когда по данному знаку, все Буловиново войско, на лодкахъ переплывъ Донъ, вышло на пристань, сопротивленіе сдѣлалось невозможнымъ. Мятежники шумною толпою разсѣялись по городу, войсковому Атаману Максимову и четыремъ Старшинамъ отрубили головы; пятаго же Старшину, Ефрема Петрова, славившагося даромъ слова и съ твердостію уличившаго измѣнника въ вѣроломствѣ, Буловинъ приказалъ удушить. Многіе вѣрные Царю чиновники и Казаки съ камнями на шеѣ были брошены въ рѣку, домы ихъ ограблены, жены и дочери поруганы; спаслись только тѣ, кои заблаговременно переѣхали въ Азовъ.

Буловинъ Войсковымъ Атаманомъ. 1708 г.

Единомышленники Буловина, собранные имъ въ кругъ, провозгласили его Войсковымъ Атаманомъ. Новый начальникъ войска, дабы на время ослабить впечатлѣніе совершеннаго имъ злодѣянія и удержать карающую руку, 17 Маія, послалъ въ Азовъ и въ Москву отписки. Въ первой говорилъ о неучиненіи имъ ничего противнаго правительству; а во второй старался оправдаться и увѣрялъ въ своей покорности. Въ Московской отпискѣ, между прочимъ сказано: „Князь Долгорукой и помогавшіе ему Старшины и Войсковой Атаманъ, при высылкѣ изъ городковъ пришлыхъ изъ Россіи людей, чинили не противъ

Его Великаго Государя Указа и не такъ, какъ повелѣно; а городки наши многіе разорили и пожгли, Казаковъ пытали, кнутомъ били, носы и губы рѣзали напрасно. За что Долгорукова, Атамана и всѣхъ при нихъ бывшихъ побили до смерти, по совѣту не одного Буловина, а всего войска Донскаго."

Измѣнникъ продолжалъ обѣщаніями возмущать народъ, лестію преклонялъ его ко вступленію къ нему въ службу, и немедленно отправилъ знатную часть войска съ Некрасовымъ водою, въ верховыя, несдавшіяся ему станицы; другой, болѣе значительный корпусъ съ Дранымъ послалъ онъ противу гвардіи Маіора Князя Юрія Долгорукова; третій, съ Лучко Хохломъ поставилъ при Куртлакѣ; самъ же остался для охраненія Черкаска. Наконецъ, Татаръ, Калмыковъ, Терскихъ и Яикскихъ Казаковъ, приглашалъ стать за одно, тайно сносился съ Мазепою; пріятелей же своихъ Запорожцевъ, письмомъ отъ 17 Маія, увѣдомилъ о своихъ распоряженіяхъ, о томъ, что Государевы полки идутъ разорить Черкаскъ и стоятъ уже на Донцѣ, близъ Святогорскаго Монастыря, и о скорѣйшемъ съ собою соединеніи. „Какъ-то вы намъ обѣщали и души свои позадавали, а мы вамъ войско Донское всѣ помощники, чтобы жить намъ за одно, и другъ за друга стоять въ правдѣ, и свое здоровье беречь купно."

По полученіи извѣстія о разбитіи войсковаго Атамана, Государь (въ началѣ Маія) приказалъ

Генералу Бахметеву съ его бригадою, *съ великимъ поспѣшеніемъ денно и нощно* итти прямо въ Черкаскъ, для защиты онаго противу мятежниковъ. Войсковому же Атаману подтверждено убѣжденіемъ и силою приводить бунтовщиковъ въ повиновеніе. Для тайныхъ сношеній и переписки, Князю Долгорукову и Азовскому Губернатору Ивану Толстому, даны были отъ Государя цыфирь и ключь къ оной. Въ то же время, на подкрѣпленіе Азова и Таганрога, Маія 9го, выступили изъ Кіева Смоленскій пѣхотный полкъ и два Драгунскихъ; а за Казаками, находившимися при арміи, велѣно имѣть бдительнѣйшій надзоръ.

Пораженіе трехъ мятежническихъ отрядовъ.

По принятіи начальства, Князь Долгорукой немедленно выступилъ и шелъ усиленными переходами; но какъ бригада Бахметева не успѣла предупредить Буловина въ Черкаскѣ, то онъ и присоединилъ ее къ своему корпусу. Путь къ Черкаску должно было открыть силою оружія; ибо на дорогѣ къ нему уже стояли два многолюдныхъ мятежническихъ корпуса; и разсѣянныя легкія его партіи, повсюду сопротивлялись, пересѣкали сообщенія, и затрудняли подвозы провіанта и фуража. Не смотря на всѣ препятствія, Долгорукой шелъ не останавливаясь; узнавъ же о настоящемъ расположеніи, силѣ и направленіи, трехъ Буловинскихъ корпусовъ, и, надѣясь на вѣрность Верховыхъ Донскихъ станицъ, куда корпусъ Некрасова на судахъ, плывя противу теченія, не скоро еще могъ достигнуть, раздѣлилъ свой корпусъ на двѣ неровныя части. Съ глав-

нымъ и большимъ отрядомъ, подъ начальствомъ Генераловъ Бахметева, Тевяшова и Полковника Рикмана, къ коему присоединены были ополченіе съ Битюга и нѣсколько вѣрныхъ Донскихъ Казаковъ, устремился онъ на рѣчку Куртлакъ, гдѣ 28 Апрѣля мужественно напалъ на 15000 бунтовщиковъ, предводимыхъ Лучко Хохломъ. Казаки, разсыпнымъ своимъ строемъ, не могли ни остановить шествія регулярныхъ полковъ, ни сразиться съ ними въ открытомъ полѣ; но надѣялись удержаться въ укрѣпленномъ своемъ станѣ. Долгоруковъ, первымъ ударомъ сбилъ Хохлача съ поля, первымъ приступомъ взялъ станъ и обозъ, артиллерію, 3 знамя, нѣсколько мѣлкаго оружія и множество лошадей, верблюдовъ и разнаго скота. Мятежники дрались робко, не дружно; и нестройныя ихъ толпы, уступя первому натиску, бѣжали стремглавъ и разсѣянно. Князь быстро по пятамъ преслѣдовалъ ихъ на разстояніи 20 верстъ: побѣда была столь рѣшительна и совершенна, что весьма немногіе изъ измѣнниковъ успѣли спастись лѣсами и болотами. Сраженіе хотя было не продолжительно, но Хохлу стоило много крови: поле и станъ покрыты были трупами мятежниковъ; за ожесточеніемъ солдатъ плѣнныхъ взято мало, всего 143 человѣка, и то изъ пришельцовъ [a]. Со стороны Царскихъ войскъ, ра-

---

(a) Съ Хохлачемъ были: Изъ Ярыжекъ, Ѳадей Локтевъ; изъ Высоцкаго, Андрей Рубецъ; съ Куманья, Агей Ивановъ; съ Мѣдвѣдицы, Павелъ Іевлевъ; Есаулы: Бурацкаго, Иванъ Орелъ; Михайловскаго, Конд. Дьяковъ; съ Усть-Бузулука, Тих. Семеновъ; Тишанскаго, Ив. Долгой.

нено: Полковникъ Рикманъ, 1 Стольникъ, 4 офицера и 4 рядовыхъ; убитъ одинъ гренадеръ. Въ то же почти время, какъ Хохлачь разбитъ былъ при Кутлакѣ, Полковники Кропотовъ и Гулицъ съ другимъ отрядомъ разбили на голову Дранаго съ всѣмъ его набродомъ. По разбитіи двухъ мятежническихъ корпусовъ, Князь Долгорукой не пошелъ однакожъ прямо въ Черкаскъ; но для обезпеченія тыла и фланговъ отъ разсѣянныхъ партій Хохлача и Дранаго, которые могли соединиться, и снова въ тылу составить значительный отрядъ, съ главнымъ корпусомъ пошелъ къ Донцу, а Кропотову приказалъ остатки Корпуса Дранаго истребить и не допустить его соединиться съ Некрасовымъ.

Письма, посланные Буловинымъ къ Туркамъ и Татарамъ, были перехвачены, скрывавшимися въ буеракахъ вѣрными Донскими Казаками и доставлены Азовскому Губернатору Толстому. Буловинъ, не успѣвъ въ первыхъ дѣйствіяхъ своихъ, еще имѣлъ силу духа и рѣшимость сопротивляться законной власти. 5го Іюня Хохлачь, Казанкинъ и Ганкинъ, съ 5000 на судахъ, и берегомъ на конѣ, перебравшись чрезъ Донъ, расположились станомъ подъ Азовомъ, имѣя въ тылу своемъ рѣчку, что близко Каланчей протекаетъ. Гарнизонъ подкрѣпленъ былъ нѣкоторою частію войскъ, присланныхъ изъ Таганрога, и пришедшими изъ Кіева Смоленскимъ пѣхотнымъ и двумя Драгунскими полками. Самъ Государь, съ

тремя баталіонами своей гвардіи, располагался придти на Донъ, если возмущеніе тамъ не скоро прекратится. 6го Іюля, на разсвѣтѣ, Хохлачъ съ войскомъ своимъ подошелъ къ городу у дѣловаго двора, гдѣ хранились лѣсные матеріалы. Полковникъ Васильевъ съ Казачьимъ Азовскимъ полкомъ, и съ Донскимъ ополченіемъ подъ управленіемъ Старшины Вас. Фролова, напалъ на Булавинцовъ; но будучи принужденъ уступить превосходной силѣ, въ порядкѣ отошелъ къ Матрозской слободѣ. Въ сіе время, четыре роты солдатъ вышли изъ крѣпости, соединились съ преслѣдуемыми и бой уравновѣсили. Когда же Азовцы, по приказанію, еще нѣсколько подались назадъ и подвели мятежниковъ на пушечный выстрѣлъ къ крѣпости; тогда съ трехъ бастіоновъ: Алексѣевскаго, Петровскаго и Сергіевскаго съ одной стороны, а съ кораблей съ другой, открыли огонь болѣе, нежели изъ ста орудій вдругъ. Хохлачъ и Ганька не долго мужествовали, и вмѣстѣ съ Казанкинымъ скоро обратили тылъ; и въ уторопь, стремглавъ, не оглядываясь бѣжали къ Каланчѣ, гдѣ близко преслѣдуемые и еще не опомнившись отъ страха, смятенною толпою бросились въ воду и другъ друга топили. Мятежники оставили на мѣстѣ 423 ч. убитыхъ, болѣе 400 потонуло, и только 60 попалось въ плѣнъ; сверхъ того взято одно знамя, много ружей и панцырей: спасшіеся ушли къ Лютику. Со стороны вѣрныхъ убитъ одинъ Казакъ и 10 ранено.

Смерть Булавина 7-го Іюля 1708 г.

Не смотря на то, что Буловинъ господствовалъ въ Черкаскѣ, изъ жителей сего города и окрестныхъ станицъ, сдѣлались его сообщниками только одиннадцать человѣкъ, прочіе, при первой неудачѣ, какъ то всегда случается, оставили его. Благонамѣренные, узнавъ о пораженіи мятяжниковъ подъ Азовымъ, на другой же день, 7го Іюля, вышедъ изъ скрытыхъ мѣстъ, подъ предводительствомъ выбраннаго ими Старшины Ильи Зершикова, съ помощію жителей ворвались въ Черкаскъ и напали на домъ Атамана. Буловинъ, изъ своихъ рукъ убилъ двухъ Казаковъ, и съ малымъ числомъ преданныхъ ему защищался мужественно; но когда начали стрѣлять по дому изъ пушекъ; и готовились, обложа камышемъ зажечь его, Буловинъ будучи окруженъ, и почти отъ всѣхъ оставленъ, лишась надежды къ спасенію, не хотѣлъ однакожъ сдаться, и въ отчаяніи умертвилъ себя пистолетнымъ выстрѣломъ. Такъ погибъ предтеча Мазепинъ, котораго можно было бы назвать Байрактаромъ, если бы храбрый сей Казакъ защищалъ правое дѣло; — но человѣкъ, осмѣлившійся противиться Петру, долженствовалъ имѣть какія либо достоинства. Изъ дѣйствій его мы видѣли, что онъ благороднѣе поступилъ Неаполитанскихъ Карбонаріевъ, которые съ отчаянія не застрѣлились, а покравши деньги, заблаговременно бѣжали. Самоубійство Буловина сокрыло тайну, долженствовавшую изобличить предательство Мазепы и не допустить его до исполненія своихъ замысловъ. Всѣ совѣтники и

главные соумышленники Буловина были закованы, и подъ стражею отправлены въ Москву; а тѣло его для удостовѣренія отвезено въ Азовъ, и тамъ по отсѣченіи головы, повѣшено за ногу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ разбиты были присланные имъ измѣнники.

Извѣстіе о погибели Буловина, Государь получилъ въ Горкахъ 20го Іюля; Карлъ XII стоялъ въ Могилевѣ и могъ слышать пальбу, произведенную въ Русскомъ лагерѣ въ знакъ благодарности Богу за укрощеніе бунта; но Король надѣялся еще на Мазепу и на Запорожцевъ... и не усомнился слѣдовать путемъ коварства и измѣны. Праводушный въ сердцѣ и въ политикѣ, Великій его соперникъ, строго наказывая непокорныхъ, щедро награждалъ вѣрныхъ ему подданныхъ. Въ награду за службу и храбрость, Государь указалъ тѣмъ изъ офицеровъ и рядовыхъ Азовскаго и Таганрогскаго гарнизоновъ, кои были въ сраженіи, выдать жалованье не въ зачетъ за три, а кои не были, за одинъ мѣсяцъ; Войсковому же Старшинѣ Василью Фролову съ Казаками 1400 рублей, Солдатамъ и офицерамъ корпуса Князя Долгорукова, приказалъ роздать всю доставленную къ нему изъ Москвы сумму. Высшіе чиновники, способствовавшіе къ прекращенію возмущенія, щедро награждены прибавкою жалованья, чинами и землями. Станичнымъ Атаманамъ Извалову и Ѳедосѣеву, служившимъ подъ начальствомъ Кн. Долгорукова, особо выдано по сту рублей. Вмѣ-

сто Буловина по волѣ Государя избранъ и утвержденъ войсковымъ Атаманомъ Максимъ Фроловъ [a]. Годовое хлѣбное жалованье, задержанное весною въ Воронежѣ, по причинѣ маловодія, доставлено не все сполна. По смерти Буловина, Государь смягчилъ прежнее предписаніе, данное Князю Долгорукову, приказавъ казнить смертію только первыхъ и главныхъ зачинщиковъ.

Бѣгство Некрасова съ раскольниками на Кубань.

Азовскій Губернаторъ, сообразуясь съ повелѣніемъ Государя, для совершеннаго прекращенія бунта и успокоенія Донскихъ Станицъ, по сношенію съ Княземъ Долгоруковымъ и войсковыми Старшинами, отправилъ въ верхъ по Дону два корабля, двѣ галеры и брандеръ, въ сопровожденіи отряда Казаковъ, собранныхъ въ окрестностяхъ Черкаска. Въ то же время Кн. Долгоруковъ, съ регулярными полками и Донскимъ ополченіемъ, слѣдовалъ внизъ по Дону къ Черкаску. Некрасовъ, узнавши о разбитіи трехъ мятежническихъ отрядовъ, о погибели самаго Буловина и о томъ, что находится между двухъ корпусовъ, не находилъ возможности сопротивляться имъ, а потому согласилъ многихъ раскольниковъ, въ отрядѣ его бывшихъ, оставить отечество: бросилъ на Дону всѣ суда, и въ числѣ 7 или 8 тысячь чел. обоего пола, пошелъ на Кубань. Тамъ приняты они благосклонно: Султанъ далъ имъ земли для по-

(a) Сынъ знаменитаго Фрола Минаича. Всѣ дѣти Миняева, по обычаю предковъ, приняли фамилію по имени отца своего.

селенія, освободилъ отъ податей, и усвоилъ имъ многія другія преимущества [a].

По удаленіи раскольниковъ съ Некрасовымъ, партіи бунтовщиковъ были еще столько силь-

---

(a) Сіи раскольники, назвавшись Некрасовцами, водворились на Таманѣ, въ 30 верстахъ отъ моря, и построили три городка: Ханъ-Тюбе, Кара-Игнатъ (Черный Игнатъ) и Себелей. По прежней привычкѣ они ходили на Черное море для грабежа; въ числѣ 500 человѣкъ служили Крымскимъ Ханамъ; нерѣдко хищникамъ бусурманскимъ показывали дорогу къ Царицыну, къ Черкаску, и посредствомъ прежнихъ своихъ пріятелей заводили на Дону смуты. Въ Турецкую войну, отъ 1736 до 1739 года продолжавшуюся, Донскіе Казаки съ Калмыками сожгли Ханъ-Тюбе, и много скота отогнали. Некрасовцы, скрывшись въ горахъ, возвратились на прежнее жительство по минованіи уже войны. Въ 1777 году, когда Кубань сдѣлалась Россійскою границею, Некрасовцы отошли къ Анапѣ, тогда еще не существовавшей, и поселились на земляхъ Абазинскаго поколѣнія Шегаки, между рѣчки Заны и моремъ. По присоединеніи же Крыма къ Россіи, они удалились въ Анатолію, гдѣ близъ Синопа, у пригородка Чаршамба, поселились. Изъ Азіи выгнала ихъ чума, и наши раскольники, переплывъ море водворились при Днѣстрѣ, въ 80 верстахъ выше Овидіополя, въ слободѣ Чобругахъ. Наконецъ, не хотя быть Русскими, въ 1787 году отошли въ Булгарію къ рѣчкѣ Дунавцу и озеру Розелькѣ. Въ селеніи ихъ Дунавцы считалось до 1200 дворовъ; въ другомъ селеніи, Саръ-Кіой, жили тѣ изъ ихъ собратій, которые при Биронѣ бѣжали за границу. Сихъ послѣднихъ, Донскіе выходцы, принадлежавшіе къ самой закоснѣлой сектѣ суесвятовъ, въ совмѣстное съ собою жительство не принимали, и даже въ родство съ ними не входили. Некрасовцы, служа Султанамъ, во время войны выходили въ поле, въ числѣ 3000 человѣкъ, почитавшихся въ Турецкой арміи храбрѣйшими наѣздниками. Петръ Великій и преемники Его неоднократно требовали отъ Порты выдачи сихъ заблудшихъ сыновъ Церкви и отечества, но Султаны обѣщая, уклонялись отъ исполненія. Наконецъ, чрезъ 120 лѣтъ отчужденія и скитанія на чужой сторонѣ, въ послѣднюю съ Турками войну, въ 1828 году, они сами предались въ покровительство и присягнули Императору, своему Царю-Бѣлому, Отцу-Государю Николаю Павловичу.

ны, и духъ неподчиненности столь великъ, что Князь Долгоруковъ для усмиренія и казни ихъ принужденъ былъ, раздѣля армію на отряды, итти въ разные городки, гдѣ мятежники еще не покорялись законной власти. Спокойствіе было не прежде повсюду водворено, какъ по истребленіи и уничтоженіи всѣхъ городковъ по Донцу, выше Луганскаго, Старо-Айдарской, Бобровской, Краснянской и Сухоревской до Изюма; по Хопру, выше Михайловскаго; по Бузулуку, выше Филиповскаго; по Мѣдвѣдицѣ, между Арчадинскаго и Етеревскаго, и выше Березовскаго; по Айдару, Деркулу, Калитвамъ и другимъ рѣчкамъ всѣ; по рѣчкѣ же Иловлѣ, по Иловлинскій городокъ. Земли по Донцу причислены къ Бахмутской провинціи; по Айдару къ Слободскому Острогожскому полку; а земли вверхъ по Хопру, гдѣ нынѣ Хоперскъ, къ Воронежской губерніи. Виновнѣйшіе Казаки, числомъ до 7000 человѣкъ, наказаны смертною казнію, другіе сосланы въ Сибирь и по дальнимъ городамъ. Губернаторъ Толстой, съ своей стороны, ввелъ въ Лютикъ гарнизонъ изъ солдатъ, а бывшихъ тамъ Казаковъ отпустилъ по домамъ; въ Бахмутѣ же вновь учредилъ добываніе соли подъ охраненіемъ регулярныхъ войскъ.

Хотя возмущеніе вскорѣ по разбитіи трехъ мятежническихъ партій, особенно по смерти главы ихъ, почти было прекращено; но многіе небольшіе отряды, скрываясь въ глубинѣ степей, или, въ

селеніяхъ наиболѣе преданныхъ Буловину, еще долго злодѣйствовали. Такъ посланный отъ Кн. Долгорукова въ Азовъ Бильсовъ пѣхотный полкъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ принужденъ былъ пробиваться туда силою. Полкъ сей, отъ частыхъ нападеній разсѣянныхъ мятежническихъ партій, по прибытіи въ Азовъ потерялъ до 500 солдатъ, выбывшихъ изъ строя. Даже въ Октябрѣ, Совѣтникъ Буловина, Никита Голой, плывшій Дономъ изъ Коротояка въ Азовъ и Таганрогъ, караванъ изъ ста буеровъ, нагруженныхъ казеннымъ провіантомъ, денежною казною и артиллеріею, разбилъ и расхитилъ. Но сіе дѣйствіе было послѣднимъ вздохомъ умирающей крамолы: партіи истреблены были до послѣдней и исчезли, какъ прахъ, вѣтромъ въ воздухѣ развѣянной; обитатели Дона успокоились и все пришло въ въ прежній порядокъ.

Запорожцы, участвовавшіе въ возмущеніи, не остались безъ наказанія: тѣ изъ нихъ, кои взяты были съ оружіемъ въ рукахъ, казнены смертію, и все войско наказано опалою и гнѣвною грамотою. Для любопытныхъ прилагаемъ отписку Кошеваго Атамана Гордѣенки, изъ которой можно усмотрѣть, въ какомъ смыслѣ Запорожцы, также какъ и Донскіе Казаки, называли себя *людьми вольными* и по какимъ убѣжденіямъ предавались они буйству и непослушанію, не смотря на то, что за всякій безпорядокъ были строго наказуемы; и наконецъ непокорствомъ своимъ

и измѣною до того раздражили Государя, что еще прежде Полтавской битвы Сѣчь ихъ была разорена.

„5 Августа 1708 года, прислана намъ всему Запорожскому войску, чрезъ Гетмана Мазепу, Вашего Царскаго Величества опальная грамота, за то, будто бы унимать и удерживать Буловина не старалися, и наше товариство волею къ нему на помощь ходило, и допустили, что Сумскаго Полковника съ Донскимъ Старшиною бунтовщики убили и обозъ у нихъ отняли. На сіе рабски отвѣтствуемъ: чтобы не допустить своихъ товарищей къ бунтовщикамъ переходить, писали мы къ Вамъ чрезъ Гетмана Мазепу, чтобы нашему войску указать службу иную, а не на Дону, на что отвѣта не имѣли, и по такой нуждѣ, нѣкоторые наши Казаки, *яко люди вольные*, въ маломъ числѣ ушли къ Буловину, взираючи и засмотруючися на городовыхъ Великороссійскихъ и Малороссійскихъ людей, которые въ большомъ числѣ поуходили къ тому же вору. Всему злу они городовые люди причастны, и насъ своимъ злымъ и многолюднымъ походомъ, въ немилость и гнѣвъ Вашего Величества приправили. А мы Атаманъ со всѣмъ посполитствомъ были Вамъ прежде угодны, и какъ прежде готовы служить, не щадя своего здоровья, желая службою всеусердно отъ Вашего Царскаго Величества благопризрительнаго помилованія и прещедрой Монаршей ласки получить.“

Казаки подъ Лѣснымъ и Полтавою.

При пораженіи Шведскаго Генерала Левенгаупта подъ Лѣснымъ, (1708 г. Сент. 27) Донскіе Казаки вмѣстѣ съ Калмыками, преслѣдовали бѣжавшаго непріятеля, и у Пропойска, вмѣстѣ съ регулярною Кавалеріею, побили 500 чел. Шведовъ, и отняли у нихъ остальныя 2000 телегъ съ провіантомъ. Сія первая побѣда надъ Шведами, справедливо названа матерью Полтавской битвы; ибо послѣдняя послѣ первой произошла ровно чрезъ 9 мѣсяцовъ.

Какое участіе Донское войско, бывшее подъ начальствомъ своего Атамана Максима Фролова, принимало въ славномъ Полтавскомъ сраженіи (1709 г. Іюня 27) и что учинено ими въ преслѣдованіи до Переволочны, того въ реляціи не означено. Вѣроятно Казаки прибыли къ Полтавѣ вмѣстѣ съ Калмыками на другой день сраженія, и въ дѣлѣ не были.

Гербъ Войску. 1709 г.

Въ бытность Государя въ Черкаскѣ, 1709 года около 20 Апрѣля [a], Казаки, призванные по очереди на службу, предъ отправленіемъ въ походъ *гуляли*. Царь, по обычаю своему, просто одѣтый, прогуливался по городу съ однимъ деньщикомъ; и замѣтя въ толпѣ народной пьянаго Казака, нагаго до пояса, подошелъ къ нему и спросилъ:

(a) Апрѣля 7 и 8 числъ, въ присутствіи Государя, въ Воронежѣ спущены 4 корабля: 1 осмидесятный Орелъ, 2 семидесятныхъ и 1 пятидесятный, названный Ласкою. 22 Апрѣля Государь прибылъ на судахъ въ Азовъ, 26 былъ въ Таганрогѣ, откуда чрезъ Изюмъ и Харьковъ прибылъ къ Полтавѣ Маія 27. См. Журналъ Петра Великаго.

„Для чего не продалъ ты ружья, за которое могъ бы получить болѣе денегъ на пропой?“ Пьяница, не узнавъ Царя, смѣло отвѣчалъ: „Какъ бы не такъ, — съ ружьемъ, Богу, Государю и Все-Великому Войску Донскому честь и славу заслужу; и одежду у врага добуду; а безъ ружья никому не угодишь.“ — Войско не имѣло еще герба: Государь, вникнувъ въ смыслъ рѣчи пьяницы, представлявшей настоящій нравъ и свойства народа, пожаловалъ Донскому Войску гербъ; съ изображеніемъ Казака, нагаго до пояса, сидящаго на бочкѣ, и надъ главою держащаго ружье. Уже въ 1775 году, дана войску печать съ двуглавымъ орломъ; а гербъ данъ съ изображеніемъ скачущаго оленя съ вонзенною въ спинѣ стрѣлою.

Въ кратковременную войну съ Турками, кончившуюся Прутскимъ миромъ, какъ изъ грамоты на Донъ отъ 26 Февраля 1711 года видно, Донское войско было отдано подъ начальство Адмирала, Тайнаго Совѣтника и Генералъ-Губернатора Азовскаго Графа Ѳед. Мат. Апраксина, коему повелѣно, тѣмъ изъ Казаковъ, которые будутъ въ походѣ, выдавать въ продолженіе онаго, особливо назначенное имъ жалованье. Войсковому Атаману вмѣстѣ съ симъ приказано, изготовить къ веснѣ лодки и стружки, и собравшись всѣмъ войскомъ вмѣстѣ съ Калмыками, выступя сухопутно и водою, открыть военныя дѣйствія противу непріятеля и исполнять все то, что Адмиралъ прикажетъ. Хотя Ханъ Крымскій, Ногаи и раскольни-

ки съ Игнашкою Некрасовымъ, ходили подъ Украинскіе города; хотя Ногаи подъ Азовымъ нѣкоторое разореніе учинили; и самъ Ханъ съ измѣнникомъ Орликомъ и Запорожцами были на Самарѣ подъ Ново-Богородицкимъ и въ Харьковскомъ полку; хотя Калга Крымскаго Хана съ Кіевскимъ Воеводою вступилъ въ Браславскій полкъ, но какія дѣйствія послѣдовали со стороны Казаковъ, въ послѣдующихъ грамотахъ не означено, и нигдѣ индѣ мною не отыскано.

Въ Молдавскомъ походѣ, какъ извѣстно, Петръ Великій съ 38,000, окруженъ былъ 200,000ю непріятельскою арміею, и послѣ трехъдневной битвы, за недостаткомъ провіанта, принужденъ былъ заключить невыгодный миръ. По сему миру, заключенному при рѣкѣ Прутѣ, Азовъ возвращенъ Туркамъ, Таганрогское строеніе уничтожено и крѣпость Богородицкая на Самарѣ срыта. Безъ сомнѣнія, прискорбна была Великому Государю утрата Азова и Таганрога, и особенно необходимость, отказаться отъ обладанія Азовскимъ моремъ, была конечно весьма непріятна; но если сію утрату сравнить съ выгодами, пріобрѣтенными на Сѣверѣ, то мы съ благоговѣніемъ должны благодарить Всевышній промыслъ, за испытаніе насъ временною неудачею при Прутѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы успѣхъ оружія далъ Петру возможность распространить Свои владѣнія на Югѣ, то тамъ, встрѣтились бы мы съ народомъ могущественнымъ, силою своею еще угрожавшимъ Европѣ;

тамъ, встрѣтили бы мы наибольшое сопротивленіе, и наименьшее просвѣщеніе. Напротивъ, Швеція, послѣ одного пораженія подъ Полтавою, не могла уже съ выгодою бороться съ Россіею; и въ началѣ будучи наставницею ея въ ратномъ дѣлѣ, въ послѣдствіи, доставила ей способы къ распространенію и утвержденію торговли на Балтійскомъ морѣ, которое сблизило и уровняло насъ съ просвѣщенными народами.

1712 г. По срытіи Азовскихъ и Таганрогскихъ укрѣпленій, откуда вся артиллерія и снаряды вывезены, для обороны Донскаго края въ 1712 году, на правомъ берегу Дона въ 25 верстахъ отъ Азова и въ 35 отъ Черкаска, при Монастырскомъ урочищѣ былъ построенъ ретраншементъ, для защиты котораго назначена часть Азовскаго гарнизона; остальная же часть онаго, переведена въ Черкаскъ для охраненія онаго, и болѣе, какъ думать должно, для содержанія Казаковъ въ страхѣ и повиновеніи. Монастырскій же ретраншаментъ послужилъ къ тому, что бы не пропускать Казаковъ въ море для поисковъ, когда то Правительству будетъ не угодно.

По наущенію Шведскаго Короля, Турки снова объявили Россіи войну; пословъ нашихъ, Шафирова и Мих. Шереметева, посадили въ семибашенный и самъ Султанъ съ войскомъ выступилъ къ Адріанополю; но вскорѣ получивъ извѣстіе, что Азовъ сданъ, вновь подтвердилъ миръ на 25 лѣтъ. Между тѣмъ Крымскій Ханъ Нурадинъ, съ Крым-

скими и Кубанскими Татарами и съ Азовскими Турками, въ Малороссійской нашей Украйнѣ великія опустошенія учинили, многія села пожгли, до 14,000 человѣкъ взяли въ полонъ и всякой скотины и лошадей болѣе 90,000 штукъ съ собою угнали.

Донское войско въ вѣденіи Сената. 1716 г.

Вскорѣ послѣ учрежденія Правительствующаго Сената Войско Донское изъ Посольскаго Приказа, переведено въ вѣденіе Сената. Первый Указъ на Донъ, какой мною отысканъ, послѣдовалъ 1716 года 22 Марта; для образца списываю оный отъ слова до слова.

Поселеніе Калмыковъ въ Чугуевѣ.

„Кубанцевъ и иныхъ Турецкихъ перебѣжчиковъ, на Дону никогда отнюдь не принимать; ибо по настоящему съ Султаномъ миру, того дѣлать не надлежитъ, а по сему, приходящихъ или уже принятыхъ возвратить и выслать. Сіе тѣмъ паче довлѣетъ, что сіи выходцы, высмотрѣвъ на Дону, перебѣгаютъ снова на Кубань и вѣсти подаютъ и смуты чинятъ. Калмыка Сергенъ Мергеня съ 21 товарищами, съ женами ихъ и дѣтьми, которые въ Черкаскѣ объявили желаніе воспріять Христіанскую вѣру, отослать въ Чугуевъ, и тамо ихъ крестить, и съ тамошними новообращенными написать въ службу, и жалованье имъ давать противу тѣхъ же; для того что съ Дону могутъ они и крещеніе принявъ паки къ Аюкѣ, или на Кубань уйтить. Тѣхъ Калмыковъ 5 кибитокъ, кои давно отъ Аюки бѣжали, позволить жить по прежнему съ Донскими Казаками. О посвященіи

новопостроенной въ Черкаскомъ каменной Церкви, и о крещеніи переселенныхъ въ Чугуевъ Калмыковъ послать въ Духовный Приказъ память. “

Подлинный указъ подписали Сенаторы: Князь Яковъ Өедор. Долгорукій; Графъ Ив. Алексѣев. Мусинъ-Пушкинъ; Тих. Ник. Стрешневъ; Графъ Пет. Мат. Апраксинъ и Мих. Мих. Самаринъ.

Многіе упрекаютъ Петра Великаго, въ излишнемъ Его пристрастіи къ иноземцамъ; но это не справедливо. Правда, что Государь отличалъ и жаловалъ достойныхъ и болѣе просвѣщенныхъ чужеземцевъ; но ни одинъ изъ нихъ и высшаго чина, кромѣ Лефорта, не имѣлъ главнаго начальства и не предводительствовалъ ни флотомъ, ни арміею; во всѣхъ же правительственныхъ мѣстахъ, Канцлеръ, Градоначальники, Губернаторы, Сенаторы, всѣ были изъ Русскихъ Бояръ именитаго рода.

Разбитіе Бахты-Гирея Султана. 1717 г.

1717 года 19 Августа, Войсковой Атаманъ Василій Фроловъ, узнавъ о приходѣ къ низовымъ городамъ Бахты-Гирея Султана съ Кубанскими Татарами, наскоро собравшись, выступилъ противу него съ 5,000 Казаковъ, и подстѣрожа Султана между Дона и Волги, при урочищѣ на рѣчкѣ Будерлѣ, напалъ на него нечаянно, первымъ ударомъ сбилъ съ поля, 500 Кубанцевъ положилъ на мѣстѣ, многихъ переранилъ и 4 взялъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ одного Азовскаго Бешлея. Въ числѣ же убитыхъ находился братъ Султана. Въ сей схваткѣ мужескаго и женскаго Русскаго

нолону отбито 1,500 человѣкъ, которые отпущены съ проводниками въ прежніе ихъ жилища. Войсковой Атаманъ запретилъ Казакамъ подъ смертнымъ страхомъ, оставлять у себя Русскихъ, кромѣ младенцовъ безсловесныхъ, коихъ позволилъ Казакамъ принять для воспитанія. Получа о семъ донесеніе, Государь похвальною грамотою, писанною того же года отъ 16 Ноября, Атамана и все Войско милостиво за подвигъ похвалилъ и указалъ: „Младенцевъ, за которыми пріѣдутъ отцы или матери отдать безпрекословно. А какъ Султанъ за разбитіе его намѣревается вамъ отмстить, то Мы приказали Бригадиру Гаврилѣ Кропотову, съ 4 драгунскими полками, итти за Пензу; а вамъ Войску Донскому послать къ нему 500 доброконныхъ и оружейныхъ Казаковъ, и всему войску съ Атаманомъ для встрѣчи врага быть готовымъ.“

Изъ жалованной Грамоты отъ 23 Мая 1720 года видно: „По челобитной Войсковаго Атамана Василья Фролова, поданной въ Сенатъ, въ которой написано: что ты Войсковой Атаманъ былъ въ обоихъ Азовскихъ походахъ, потомъ въ Польшѣ въ Калишскомъ сраженіи и въ прочихъ битвахъ; да во время воровскаго на Дону возмущенія, оставя домъ, жену и дѣтей въ Черкаскѣ, бѣжалъ въ Азовъ, откуда надъ бунтовщиками чинилъ поиски; а въ 1713 году съ 1,000 Казаками былъ въ Финляндіи и въ генеральномъ боѣ подъ Вазою поступалъ радѣтельно. Въ 1717 году, въ приходъ 1720 г.

Кубанскаго Бахты-Гирея Султана, съ малымъ числомъ превосходную его силу разбилъ; за каковую службу, по прежнему примѣру, тебя бы Войсковаго Атамана и Войско Донское пожаловать знакомъ милости. И Мы Великій Государь, Наше Царское Величество, васъ Войсковаго Атамана и все Войско Донское за вышепоказанныя службы жалуемъ и милостиво похваляемъ, и во знакъ Нашей Царскаго Величества милости, тебѣ Войсковому Атаману посланъ Нашъ Царскаго Величества портретъ, алмазами украшенный. А какъ Ся Наша Грамота къ вамъ придетъ, вы бы Войсковой Атаманъ и все Войско Донское, Намъ Великому Государю служили во всякой неколебимой вѣрности.“

Персидская война. 1722-1734 г. Вскорѣ по заключеніи въ Нейштатѣ мира съ Швеціею, Петръ Алексѣевичъ помышлялъ уже о новыхъ предпріятіяхъ, долженствовавшихъ доставить Ему средства обогатить южные предѣлы Своей Имперіи торговлею съ Востокомъ. Замѣшательства въ Персіи и убіеніе Русскихъ купцовъ въ Шамахѣ, подали Ему къ тому поводъ. Для обе печенія торговли съ Индіею Императоръ рѣшился занять западныя и южныя берега Каспійскаго моря.

1722 года 18 Іюля, отправилась изъ Астрахани флотилія изъ 274 судовъ съ 22,000 пѣхоты, которая 27 числа вышла на берегъ при Аграханскомъ мысѣ, въ 4 верстахъ ниже устья Койсу, гдѣ и укрѣпилась. Вскорѣ прибыли туда же

9,000 регулярной кавалеріи, и Донское войско вмѣстѣ съ Калмыками, изъ коихъ первое шло морскимъ берегомъ, а послѣдніе прямо степью. Пять тысячь Горцевъ въ одной тѣснинѣ напали на нашу конницу, но не могли остановить ее, по разореніи же деревни ихъ Эндери, разсѣявшись бѣжали.

5го Августа, армія выступила вдоль берега моря. 19го Отемишской Султанъ напалъ на авангардъ нашъ, но былъ отбитъ съ урономъ 600 человѣкъ. 23го армія вступила въ Дербентъ, который, еще до прибытія къ нему арміи, сданъ былъ Персидскимъ Комендантомъ отряду, высаженному со флота. Жители Баку, не согласились принять нашъ гарнизонъ, почему Государь рѣшился взять крѣпость силою; но транспорты съ провіантомъ, разбитые бурею, принудили Его, занять Рящъ 2 баталіонами, и оставя значительный гарнизонъ въ Дербентѣ, возвратиться съ арміею изъ Аграхани моремъ въ Астрахань. Вмѣсто Терки по нездоровому его положенію, на болотистомъ мѣстѣ, Государь приказалъ построить крѣпость Святаго Креста на лѣвомъ берегу Койсы, куда и переведены тысяча Донскихъ Казачьихъ семействъ.

Занимаясь построеніемъ крѣпости, Петръ Алексѣевичь отправилъ Атамана Краснощокова съ 1,000 Донскихъ Казаковъ и 4,000 Калмыковъ, наказать Султана Отемишскаго. Въ пять дней Краснощоковъ разорилъ и пожегъ всѣ селенія, Султану принадлежавшія, и убивъ 500 Горцевъ, 30 Сен-

тября съ богатою добычею и почти безъ урона возвратился къ арміи.

До смерти Петра Великаго, военныя дѣйствія производимыя малыми отрядами, шли медленно, но успѣшно. Въ 1723 году Баку и вся Сальянская область заняты были почти безъ усилія и безъ сопротивленія. Вообще, трусливыя нападенія Персіянъ съ тысячами на сотни Русскихъ, не стоятъ и названія военныхъ дѣйствій. Такъ въ 1725 году 25 Мая, Рящскій Визирь, пришедшій изъ Лишамадана съ многочисленнымъ Корпусомъ, позволилъ разбить себя отряду, состоящему не болѣе какъ изъ 400 пѣхоты и 117 Казаковъ. Всѣ другія Персидскія войска столь же робко нападали, и при всякой встрѣчѣ позволяли бить себя почти безъ сопротивленія.

Дагестанскіе Горцы имѣли не лучшій успѣхъ: 25 Марта 1725 года, 25,000 ихъ армія не могла взять Аграханскаго редута, защищаемаго одною ротою пѣхоты и сотнею Казаковъ, и при первой, сдѣланной симъ малочисленнымъ гарнизономъ вылазкѣ, бѣжала стремглавъ, оставивъ на мѣстѣ битвы 62 человѣка. Шамхалъ Тарханскій жестоко былъ наказанъ за сіе покушеніе: 26 Сентября Генералъ-Маіоръ Кропотовъ съ 11 тысячами, въ числѣ коихъ было болѣе 7,000 человѣкъ иррегулярныхъ войскъ, выступилъ изъ крѣпости Св. Креста и 13 Октября возвратился съ потерею 149 человѣкъ, по совершенномъ разореніи Шамхаловыхъ владѣній.

По усмиренiи Булавинскаго бунта, Петръ Великiй, желая предупредить и впредь могущiя случиться волнованiя, старался о водворенiи на Дону лучшаго порядка и устройства. Въ нетерпѣливой, ревностной любви Своей ко всему полезному и благому, Великiй сей Монархъ нашелъ средства разсѣять существовавшiй хаосъ, уничтожить неурядицу, временемъ и привычкою глубоко укоренившуюся. Доблестный Царь и здѣсь, какъ и вездѣ, не смотря, что Казаки противились всякому урядству и всякое полезное начинанiе, всякую новость почитали за насилiе, нарушающее ихъ права и вольность, все переиначилъ, усмирилъ, устроилъ и улучшилъ. Обозрѣнiе 2-го перiода.

Дабы доставить Казакамъ средства, жить трудами рукъ своихъ, Государь Своимъ иждивенiемъ выписалъ изъ Францiи винодѣловъ, близъ Цымлянской станицы, насадилъ имъ виноградъ, приказалъ по всей Донской земли разводить сады и огороды и сѣять по крайней мѣрѣ столько хлѣба, сколько нужно для домашняго обихода. Для исправленiя же ихъ нравственности и водворенiя между ими тишины и правосудiя, Государь построилъ Церкви и Часовни, далъ все нужное для содержанiя ихъ, приказалъ совершать браки по уставамъ Церкви, а не по старымъ казачьимъ обычаямъ [a]. Важнѣйшее же измѣненiе старины состояло въ преобразованiи ихъ управы: учрежде-

---

(a) Подробности сихъ измѣненiй будутъ пространнѣе изложены въ третьей части.

ніемъ *Правленія Старшинъ*, уничтожены шумныя и безчинныя собранія Войсковаго круга, гдѣ всякой Казакъ имѣлъ равный голосъ; гдѣ Войсковой Атаманъ могъ только предлагать, докладывать и соглашать умы разномыслящей толпы; и гдѣ, посему, всякой вопилъ и требовалъ исполненія того, чего ему хотѣлось. Съ 1700 года, для совѣщанія и сужденія дѣлъ всего Войска, собирались одни только Станичные Атаманы, и по два старика, избираемыхъ отъ каждой станицы, и совокупно съ Войсковымъ Атаманомъ рѣшали дѣла и объявляли приговоры свои. Станичные сборы остались на томъ же основаніи, тамъ, по прежнему кричали и никого не слушали; *Войсковые же круги* сзывались въ случаяхъ особенной важности, и то только тогда, когда Атаманы и Старшины найдутъ то нужнымъ. Такимъ образомъ, непримѣтно, почти нечувствительно для народа, избалованнаго буйствомъ и своеволіемъ, неурядное ихъ *народное правленіе* перешло въ руки немногихъ Атамановъ и Старшинъ, и сдѣлалось *правленіемъ аристократическимъ*, болѣе твердымъ и постояннымъ. Между многими полезными распоряженіями, приказъ, наряжать Казаковъ на службу по очереди, и донынѣ ведется безъ перемѣны. На смѣну полковъ, служившихъ тогда при арміи, въ первую очередь назначены были всѣ гуляки, бездомовные и всѣ Буловинцы, которые по милосердію Царскому были прощены съ тѣмъ, чтобы кровію заслужить вину свою. И сіи буйныя головы служили вѣрно и бились усердно.

Съ окончаніемъ втораго періода Исторіи Донскаго Войска, которое я заключу славнымъ царствованіемъ Петра Великаго, оканчивается духъ буйства и непослушанія Казаковъ; нравы ихъ начинаютъ смягчаться, обычаи принимаютъ лучшее направленіе, и торговля по Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ, наконецъ, избавилась отъ поисковъ и предпріимчивости ихъ. Въ семъ періодѣ, Донское войско дало намъ одного разбойника, ужаснаго Разина; одного Самозванца, простяка Сеньку; и одного бунтовщика, дерзновеннѣйшаго Булавина; напротивъ, мы видѣли то же Донское войско усердно служившее подъ Чигиринымъ, храбро подвизавшееся при осадѣ и покореніи Азова; лодками разбившее Турецкой большой флотъ, честно сражавшагося въ Лифляндіи, Финляндіи, Польшѣ, подъ Лѣснымъ, и усмирившее бунтъ Астраханскихъ Стрѣльцовъ. Словомъ, въ семъ періодѣ добро уже перевѣшиваетъ зло, Казаками учиненное. Буловинскій мятежъ доставилъ Петру Великому предлогъ, заплатить злоумышленному упрямству, добромъ за зло; и съ сего времени, всѣ распоряженія по войску исходили отъ верховной власти, за исполненіемъ же повелѣній, кромѣ Коменданта Монастырскаго ретраншамента, его десятитысячнаго гарнизона и значительнаго флота, Самъ Государь наблюдалъ недремлющимъ окомъ. Отъ дѣятельности и прозорливости Царя, ни малѣйшее безчиніе уже не могло укрыться, и преступнику не было уже способа избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Царской Его волѣ, непреклонной, всег-

да постоянной, и ничѣмъ неизмѣняемой, все долженствовало уступить и покориться: Казаки, волею, а больше того неволею, или, какъ говорили тогда: *Аще хощеши и не хощеши*, повиновались и исполняли велѣнія Его безпрекословно; ибо не было возможности противиться имъ, даже не было возможности и *усомниться* въ полезности и необходимости предписываемаго: столь оно было очевидно и для простаго народа. Такимъ образомъ, не одною строгостію, и не какъ грозный, карательный властитель, но какъ Отецъ и мудрый Наставникъ подданныхъ, Петръ Алексѣевичъ рукою твердою велъ Казаковъ къ предположенной Имъ цѣли, и не только унялъ строптивость ихъ, но вырвалъ ее съ корнемъ. Побуждая и поощряя Казаковъ къ обзаведенію хозяйствомъ, отнимая случаи къ грабежу, прозорливый Государь старался пріучить ихъ къ жизни семейственной, и какъ возможно болѣе пріохотить къ сельскимъ трудамъ и занятіямъ. Всегда уважая ихъ храбрость, старался направить ее къ цѣли болѣе благородной, болѣе свойственной Христіанскимъ витязямъ; и, дабы постепенно, безъ сильныхъ потрясеній, пріучить своеобычныхъ къ службѣ честной, приличной воину и гражданину, показалъ имъ путь, слѣдуя коимъ, могли они отличаться и военными и гражданскими добродѣтелями; могли заслуживать награды, пріобрѣтать богатство и уваженіе къ самимъ себѣ.

Конецъ первой части.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Хотя многіе писатели полагаютъ, что Киргизы принадлежатъ къ Турецкому, а Калмыки къ Монгольскому племени; — но вѣрно ли сіе ихъ показаніе? Я думаю, что Киргизы и Калмыки происходятъ отъ Гунновъ, и вотъ почему. Потомки Азійскихъ варваровъ имѣютъ одну сходную черту въ своихъ характерахъ: пристрастіе къ древнимъ своимъ обычаямъ и привычкамъ. Дѣйствительно, Калмыки и Киргизы, съ того времени, какъ мы съ ними познакомились, не измѣнились, не переняли, ни одного полезнаго ремесла; а какъ великое сходство нарѣчія, коимъ они теперь говорятъ, сходство навыковъ, лица, тѣлосложенія, кочевой, пастушеской ихъ жизни, весьма похожей на жизнь, привычки, даже на самое безобразіе Гунновъ, ведетъ къ болѣе вѣроятному заключенію, что Киргизы и Калмыки должны принадлежать къ одному племени; — должны происходить отъ Гунновъ, а не отъ Турковъ, съ коими не имѣютъ ни малѣйшаго сходства.

2.

Трудолюбивый Лербергъ, въ изслѣдованіяхъ, служащихъ къ объясненію древней Русской Исторіи, говоритъ (стр. 338): Казарскій языкъ есть Турецкій, по

Турецки же *Шерь* значитъ городъ, а *Кил*ъ грязь, глина; слѣдственно *Шеркилъ* значитъ *городъ-глина*, то есть, городъ изъ глины сдѣланный. Если древній Казарскій Шеркилъ, заставить произнесть Татарина и Турка, то первый назоветъ его *Сара-кале*, послѣдній *Сары-кале*. Оба сіи названія на нынѣшнемъ Турецкомъ и Татарскомъ языкѣ, значатъ *Желтый-городъ*. Великій Князь Святославъ, по покореніи *Шеркила*, по причинѣ окружающихъ его мѣловыхъ холмовъ, назвалъ его *Бѣлою-вежею*, то есть, бѣлымъ городомъ. Греки, по тому же сходству, назвали его *Саркеломъ*, т. е. бѣлымъ же городомъ. Такимъ образомъ, по случайному сближенію, Русское и Греческое имя города приняло одно значеніе; а какъ Греческое имя въ произношеніи подходило къ Казарскому его званію, то Европейскіе писатели, послѣдуя Византійскимъ Историкамъ, стали называть его *Саркеломъ*, не обращая вниманія на то, что Казары называли его городъ-глина или желтымъ городомъ; а Русскіе и Греки бѣлымъ городомъ.

Лербергъ, по обстоятельнѣйшему изслѣдованію, отъискалъ, что Саркелъ долженъ былъ существовать на Дону; но гдѣ? съ точностію не опредѣлилъ. Поищемъ, не льзя ли будетъ, хотя приближенно, указать то мѣсто, на коемъ городъ сей былъ построенъ.

Митрополитъ Пименъ, въ 1389 году, плывя по Дону, когда Донской край представлялъ уже пустыню безлюдную, видѣлъ ниже устья Медвѣдицы, близъ нынѣшней Качалинской станицы, развалины древняго града *Черклій*. Не Саркелъ ли это? Думаю, что нѣтъ. Пимену не у кого было спросить, чьи онъ видитъ развалины? и потому назвалъ ихъ въ своей путевой запискѣ на угадъ, только по вѣроятности.

Посмотримъ теперь, не принадлежатъ ли сему древнему граду развалины и доселѣ примѣтныя, лежащія на лѣвомъ берегу Дона противъ Цымлянской станицы?

При построеніи Саркела въ 834 году, Казарскіе владѣнія простирались по обѣ стороны низоваго Дона, и далѣе къ Югу между Азовскимъ и Каспійскимъ морями; въ верховьяхъ Дона и Донца кочевали Печенѣги; къ Востоку отъ Волги Язы; къ Сѣверу отъ Печенеговъ обитали воинственные Руссы. Главный торговый путь шелъ тогда чрезъ Танаисъ по Дону къ Астрахани, чрезъ Ахтубу, Сарайчикъ и далѣе въ Бухару. Слѣдственно, торговый Саркелъ должно искать на сей большой торговой дорогѣ въ низовыхъ частяхъ Дона; и, скорѣе противу Цымлянской станицы, нежели близъ Качалинской, по слѣдующимъ причинамъ. Въ первомъ случаѣ, Саркелъ на мѣстѣ Цымлянска, положеніемъ своимъ удобнѣе могъ защищать Казарскія владѣнія простиравшіяся на Югъ; и находясь въ близкой связи съ Ахасомъ и Танаисомъ, удобнѣе могъ прикрывать торговыя караваны отъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей. Въ послѣднемъ, положеніе Саркела при Качалинѣ, хотя представляетъ ближайшее водяное сообщеніе съ Волгою; но тутъ судоходство по рѣкѣ, по слитій вешней воды, большую часть года затруднительно, и притомъ купцы подвергались бы на семъ пути болѣе частымъ грабежамъ. Къ симъ доводамъ можно прибавить еще и слѣдующія: мѣловыя горы начинаются ниже Качалина отъ Паншина городка (нынѣ Трехъ-островинская станица) и продолжаются до Цымлянской станицы; а около Качалина и выше къ Медвѣдицѣ были лѣса. Строитель Саркела, Грекъ Петронъ, не нашедъ на мѣстѣ ни лѣсу, ни камня, принужденъ былъ, какъ

говоритъ лѣтопись, возводить стѣны изъ кирпича; и, теперь въ окрестностяхъ Цымлянской станицы много глины и известковаго мергеля, а лѣсу ни хлыста. Если бы Петронъ строилъ городъ на мѣстѣ Качалина, то безъ сомнѣнія онъ обнесъ бы его деревянною стѣною, каковой до изобрѣтенія пороха, было весьма достаточно для обороны города отъ набѣговъ легкой конницы, и отъ народовъ, не вѣдавшихъ искуства осаждать города.

Сблизивъ названія города, изъ глины сдѣланнаго, и бѣлаго города, какимъ наименовалъ его Святославъ, по окружавшимъ его мѣловымъ горамъ, выдеть, что развалины, лежащія противу Цымлянской станицы, должны принадлежать древнему Саркелу; ибо слѣды кирпичныхъ его стѣнъ и теперь еще довольно примѣтны, и занимаютъ большое пространство. Напротивъ у Качалина, гдѣ укрѣпленія были, вѣроятно, деревянныя, нынѣ и малѣйшаго слѣда бывшаго строенія не видно. Одинъ изъ жителей Черкаска, страстный любитель своихъ древностей, сказывалъ мнѣ, что въ сихъ развалинахъ нашли камень съ Генуезскою надписью; если это правда, то Цымлянскіе развалины, рѣшительно, принадлежатъ древнему Саркелу. Желательно, чтобы досужіе Антикваріи порылись въ нихъ: они безсомнѣнія найдутъ или вѣрное доказательство, или вѣрное опровержение моимъ догадкамъ. Всякое открытіе будетъ драгоцѣнно для Исторіи Донской.

3.

Для доказательства, что *Калла*, не *Кагальникъ*, а *Калміусъ*, къ тому, что уже сказано Г. Бутковымъ (см. Вѣст. Европы часть CXXI. 1821 г. стр. 51—53 и слѣд.) я прибавлю еще слѣдующее:

1) Изъ описанія, почти съ буквальною точностію мною въ текстъ переложеннаго съ Кіевскаго Лѣтописца (см. Ист. Гос. Рос. томъ 3, прим. 69 и 70), не видно, чтобы Русское войско переправилось чрезъ Донъ; сказано только, что оно пошло къ Дону. Въ началѣ Мая Донъ разливается верстъ на 15: невозможно, чтобы о столь трудной переправѣ Лѣтописецъ умолчалъ, когда въ походѣ Мономаха, 1111 года, ясно упомянуто о переправѣ чрезъ Донъ 19 Марта, когда рѣка сія бываетъ еще покрыта льдомъ. Изъ сего умолчанія слѣдуетъ, что рѣчка *Сальница*, упоминаемая въ походѣ Игоря, не есть нынѣшній *Салъ*, впадающій въ Донъ близъ Семикараковской станицы; а та *Сальница* (т. е. соль дающая), которая на большомъ чертежѣ, (см. Ист. Гос. Рос. томъ 2 въ прим. 204 стр. 107) показана впадающею въ Донецъ ниже Изюма. Сія Сальница, нынѣ называется *Торецъ* [а] впадаетъ въ Торъ въ 4 верстахъ отъ Донца. При устьѣ Торца и теперь есть четыре соляныхъ озерка, изъ которыхъ еще недавно соль доставали.

2) Лѣтописецъ говоритъ, что въ первомъ сраженіи оба войска „*нѣсколько времени перестрѣливались чрезъ рѣку Сюурлію* [б].“ Если, слѣдуя Карамзину, принять Сальницу за Салъ, то судя по мѣстоположенію, *Сюурлія* выйдетъ *Манычъ;* но Манычъ при устьѣ

(а) Три ручья сліяніемъ своимъ составляютъ небольшую рѣчку; на одномъ изъ ручьевъ построена деревня, Голая долина нынѣ называемая.

(б) Въ Исторіи Русскаго народа Сюурлія названа Сурою, впадающею въ Волгу. Если принять, что Г. Полевой, по ошибкѣ, вмѣсто Сулы поставилъ Суру, то и Сула въ сіе время текла близъ границы Россійской, и Игорю, слѣдовавшему чрезъ Путивль къ Изюму и внизъ по Донцу, не было нужды переходить чрезъ Сулу, на которой въ повѣствуемое время не было Половецкихъ Вежей.

такъ широкъ, что стрѣлу перебросить чрезъ него не возможно. Слѣдственно, *Сюурлія* есть нынѣшній *Торъ* [a] впадающій въ Донецъ; ибо чрезъ Торъ и теперь можно перебросить камень.

3) Если принять Сальницу за Салъ, то Игорь, слѣдуя безводною степью, *день и ночь сражаясь*, могъ въ продолженіе сего времени прибыть только къ Манычу, а прибывъ къ нему не было никакой нужды переправляться чрезъ него въ присутствіи непріятеля, и итти *къ Кагальнику*, который *отъ Салы* находится на пять усиленныхъ переходовъ. Напротивъ, между *Торцемъ*, гдѣ было *первое сраженіе*, и вершиною *Калміуса*, гдѣ погибли полки Игоревы, не болѣе одного хорошаго перехода. А какъ къ тому, Русское войско на переходѣ отъ Сюурлія къ Каялѣ, не переходило никакой рѣки, а на переходѣ отъ Салы къ Кагальнику, надобно переправляться чрезъ Манычь, то очевидно, что *Каяла* есть *Калміусъ*, а не *Кагальникъ*. Въ подкрѣпленіе сего довода, можно прибавить еще слѣдующій: въ словѣ о полку Игоревомъ, также какъ и въ простомъ расказѣ Лѣтописца, Каяла названа *быстрою:* — Салъ, Манычь и *Кагальникъ*, протекая ровною степью, почти не имѣютъ теченія; а *Кальміусъ*, вытекая съ горъ, для степи замѣтно крутыхъ и высокихъ, дѣйствительно и теперь имѣетъ довольно *быстрое* теченіе.

4) Игорь, бѣжавъ изъ плѣна, чрезъ 11 дней прибылъ въ Донецъ, первой пограничной городокъ. Для 11 дней переходъ изъ Славенска возможенъ; но отъ Кагальника не возможенъ, потому что тутъ для того же времени придется перейти верстъ съ 400 лишнихъ.

---

[a] Торъ протекаетъ чрезъ Славенку, нынѣ заштатный городъ.

5) Мономахъ, въ 1111 году, переходилъ за Донъ по льду, съ силами всѣхъ Русскихъ Князей; Игорь съ полками одного своего Княжества, во время разлитія рѣкъ, не могъ далеко углубиться въ непріятельскую землю. Совѣтъ, тотчасъ по одержаніи побѣды, отступить назадъ, доказываетъ, что Игоревы силы были такъ незначительны, что должно было ограничить дѣйствія свои однимъ наѣздомъ, и послѣ первой стычки тотчасъ итти назадъ.

6) Вникая въ смыслъ и слѣдуя порядку происшествій, описанныхъ въ Кіев. Лѣтописцѣ, видно, что 1-го Мая въ Четвергъ было затмѣніе, а въ Воскресенье, т. е. 5-го Мая пали стяги Игоревы. За неимѣніемъ въ степи прямыхъ дорогъ, войска обыкновенно ходили по берегамъ рѣкъ. Отъ устья Оскола, слѣдуя внизъ по изгибамъ Донца, потомъ переправившись чрезъ Донъ, Салъ и Манычъ до Кагальника, выйдетъ не менѣе 600 верстъ — такое разстояніе въ четверо сутокъ ни пѣшему, ни конному, перейти невозможно.

4.

Черные Клобуки, такъ названные отъ черныхъ шапокъ, было общимъ именемъ для всѣхъ народовъ, изгнанныхъ Половцами изъ Донской земли и поселившихся въ Малороссіи. Сіи черные клобуки назывались *Черкесами* (см. Воскресен. Лѣтоп. 11, 21). Между нынѣшними Каракалпаками существуетъ преданіе, что они нѣкогда обитали въ Россіи Восточной (см. Рычкова Оренбург. Топогр. 1, 173 — 174).

5.

Къ подтвержденію, что Казаки назывались Черкасами, и что слово сіе означаетъ Черкеса, можетъ

служитъ то, что Донцы лучшихъ, удалыхъ своихъ наѣздниковъ въ похвалу и теперь называютъ *Черкесомъ*.

6.

Для любопытныхъ, я выписываю маршрутъ, по коему войска шли изъ разныхъ городовъ подъ Азовъ. Путевая сія записка покажетъ читателямъ, въ какомъ положеніи находился за 137 лѣтъ Донской край, и какъ оный былъ тогда населенъ.

Корпусъ Генерала Ригимона выступилъ изъ Тамбова, и переправясь чрезъ Донъ у Паншина городка, прямо степью прибылъ въ Черкаскъ 1-го Мая прежде всѣхъ. Главный боевый Корпусъ, подъ начальствомъ Боярина Шеина, выступилъ изъ Москвы 15-го Марта и малыми переходами, проходя проселочными дорогами, у села Горокъ переправился чрезъ Оку къ селу Накипалову, Каширскаго уѣзда; откуда также проселочными дорогами, чрезъ села и города: Толстыя, Подосинники, Проню, Епифанъ; Покровское, Данковъ, Лебедянь, Ржавое, Животинное, въ Воронежъ, куда прибылъ 31 Марта; всего переходу по симъ станамъ 325 верстъ. Въ Воронежѣ и въ ближнихъ городахъ для плавнаго ходу по Дону построено было 1300 струговъ. Нагрузивъ оныя всякими запасами, артиллеріею и снарядами, и отпустивъ предъ собою: 23-го Апрѣля полкъ Пет. Ив. Гордона, 25-го Солдатскія и Стрелецкія полки Авт. Мих. Головина; самъ Бояринъ Шеинъ отплылъ изъ Воронежа 26-го Апрѣля.

Караванъ Боярина Шеина рѣками Воронежемъ и Дономъ, мимо Костенска, Урыву, Коротояка, къ Дивногорскому Монастырю прибылъ въ 5-й день. Отъ монастыря плыли Дономъ, въ теченіи пяти дней пу-

стыми мѣстами, не встрѣчая ни одного селенія; 6-го Мая пристали къ первому Казачьему городку. Отъ сего перваго городка проходили слѣдующія Казачьи селенія: Микулинъ, Тишанку, Решетовъ, Векши, Хоперскій городокъ при впаденіи Хопра, Медвѣдицкой, при впаденіи Медвѣдицы; за симъ, Распопинъ, Клецкой, Кременкой, Григорьевской, Сиротинъ, Илавлу, Кочалинъ, Паншинъ (нынѣ Трехъ-островянская станица). Здѣсь начались мѣловыя горы, а далѣе проходили городки: Голубинъ, первой и другой Чиръ, Кобылинъ, Ясауловъ, Зимовейка, Верхній Курмоаръ, Наговкинъ, Нижній Курмоаръ, Гугнинъ, Перелыгинъ (нынѣ Филиповской), Терновой, Цымлу, Кумышатицкъ, Романовской, Верхній Коргалъ, Камышниковъ, Быстрянской, Нижній Коргалъ, первой и второй Михалевъ, Троилинъ, Кагальникъ, Ведерниковъ, Бабей, Золотой, Кочетовъ, Семикаракоръ, Раздоры, что на устьѣ Донца, Мелеховъ, Бесергеневъ на устьѣ Маныча, Манычь и Багаевъ. Наконецъ Мая 19, прошедъ 48 Казачьихъ городковъ или селеній, прибыли въ главный войсковой городокъ Черкаскъ.

Шеинъ на возвратномъ походѣ изъ Азова въ Москву, шелъ прямо степью; и

На 1-мъ станѣ, 16го Августа остановился у рѣчки Косуги, перешедъ 8 верстъ.

На 2-мъ станѣ, остановился у Кургана, прошедъ 10 верстъ.

На 3-мъ станѣ у рѣчьки Ерикъ, прошедъ 10 верстъ.

Потомъ переправившись чрезъ Донъ противъ устья Маныча и перешедъ по мосту чрезъ Аксай, вышли на степь. Проходя оную останавливались, для отдыха и ночлеговъ у рѣчекъ: Керчика, Малой Кундрючи,

Ольшаной, Каменки, Донца, Колодезя Гричики, Рѣчки Митякинъ колодезь, Дерколовъ, Ясугѣ, Айдару, Бѣлой, Уразова.

Отъ Уразова пришли на Валуйку, съ Валуйка на городъ Корочу, Курскъ; и перешедъ Оку, близъ села Богоявленскаго, пришли къ Одоеву, оттуда въ Крапивну къ рѣкѣ Соловой; за тѣмъ вновь перешли Оку у села Горокъ, и Сент. 1 пришли подъ Коломенское [а].

Въ царствованіе Петра Великаго, Казачьихъ городковъ, или станицъ считалось 121, изъ коихъ 30 лежали по Донцу, 20 по Хопру, 11 по Медвѣдицѣ, 10 по Бузулуку, прочія по Дону. Въ сіе же время, народонаселеніе Черкаска и 121 городка простиралось до 60.000 человѣкъ, годныхъ носить оружіе. Въ мирное время только 10,000 изъ нихъ, а въ военное отъ 15 до 20,000 отправляли службу. Съ 1711 года, при объявленіи Турціи войны, 14,266 человѣкъ бывшихъ на службѣ, стали получать содержаніе отъ казны [б].

(а) Изъ Журнала Петра Великаго.

(б) Голиковъ. Дополн. XVII. 264.

7.

СПИСОКЪ
военныхъ кораблей, построенныхъ на Воронежской Верфи въ царствованіе Императора Петра Великаго, иждивеніемъ знатнѣйшихъ фамилій.

Военные корабли.	Имена кораблей.	Имена Строителей.	Длина.	Ширина.	Глубина.	Пушки.	Люди.
			Футы.				
Перваго ранга.							
1	Корол. Солнце	На собственный счетъ Его Царскаго Величества	133	33	11	60	500
2	Царь и Король Польскій, оба Корол. брата	— „ —	150	36	11	60	500
3	Царевичь Алексѣй Петровичь.	— „ —	139	37	11	60	500
4	Велик. Монархъ	— „ —	136	37	11	60	500
5	Непобѣдимый . .	— „ —	135	37	11	60	500
6	Торжествующій	— „ —	135	37	11	60	500
7	Викторія	— „ —	135	37	11	60	500
8	Отважный	— „ —	135	35	11	60	500
9	Воинъ Гунніядъ.	— „ —	135	35	11	60	500
						540	4500
Втораго ранга.							
1	Геркулесъ	Кн. Мих. Легук. Черкаской . . .	136	$29\frac{1}{2}$	$9\frac{1}{2}$	50	360
2	Марсъ	Кн. Θед. Иван. Троекуровъ . .	136	$29\frac{1}{2}$	$9\frac{1}{2}$	50	360
3	Юпитеръ	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350
4	Меркурій	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350
5	Луна	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350
6	Утренняя звѣзда	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350
7	Нептунъ	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350

Военные корабли.	Имена кораблей.	Имена Строителей.	Длина.	Ширина.	Глубина.	Пушки.	Люди.
			Футы.				
8	Язонъ........	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350
9	Александръ Вел.	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350
10	Тамерланъ Вел.	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350
11	Юлій Кесарь...	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350
12	Оборона......	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	48	350
13	Надежда......	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	50	360
14	Вѣра.........	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	50	360
15	Любовь.......	Патріархъ Адріанъ.........	124	34	$13\frac{1}{2}$	50	360
16	Щастіе.......	— „ —	124	34	$13\frac{1}{2}$	50	360
17	За отечество..	— „ —	124	34	$13\frac{1}{2}$	50	360
18	Правосудіе....	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	50	360
19	Азовъ........	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	50	360
20	Астрахань.....	— „ —	123	34	$13\frac{1}{2}$	50	360
Третьяго ранга.						980	7100
1	Казанъ.......	— „ —	139	29	$11\frac{1}{4}$	42	250
2	Новгородъ.....	— „ —	136	28	$10\frac{1}{2}$	42	250
3	Орелъ........	Избрандъ......	126	$27\frac{1}{2}$	10	40	240
4	Соколъ.......	— „ —	126	$27\frac{1}{2}$	10	40	240
5	Ястребъ......	— „ —	126	$27\frac{1}{2}$	10	40	240
Четвертаго ранга.						204	1220
1	Вѣнчанн. птица	Кн. Мих. Алекс. Черкаской...	125	$26\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$	34	180
2	Слонъ........	— „ —	125	$26\frac{1}{2}$	10	34	180
3	Барсъ........	— „ —	125	$26\frac{1}{2}$	$9\frac{3}{4}$	34	180
4	Левъ.........	Кн. Мих. Чирковъ........	125	$26\frac{1}{2}$	$10\frac{1}{2}$	34	180
5	Медвѣдь.......	Кн. Петръ Иван. Прозоровскій.	125	$26\frac{1}{2}$	10	34	180
6	Волкъ........	Вас. Ѳед. Салтыковъ........	125	$26\frac{1}{2}$	10	34	180
7	Лисица.......	Кн. Троекуровъ	125	$26\frac{1}{2}$	10	34	180
8	Вертогузъ.....	Кн. Петръ Хованской......	125	$26\frac{1}{2}$	10	34	180

Военные корабли.	Имена кораблей.	Имена Строителей.	Мортиры.	Длина.	Ширина.	Глубина.	Пушки.	Люди.
				Футы.				
9	.....No......	Окольн. Траханіотовъ......		125	26½	9½	32	160
10	.....No......	Федоръ Зыковъ		125	26½	9½	32	160
11	.....No......	Кн. Долгорукой		125	26	9	30	150
12	.....No......	Кн. Ромадановскій.........		125	26	9	30	150
13	.....No......	— „ —		125	26	9	30	150
14	.....No......	— „ —		125	26	9	30	150
15	.....No......	— „ —		125	26	9½	34	180
16	.....No......	— „ —		125	26	9½	34	180
17	.....No......	— „ —		125	26	9½	34	180
18	.....No......	— „ —		125	26	9½	34	180
19	.....No......	— „ —		125	26	9½	34	180
							626	3260
Пятаго ранга. 1	.....No......	Царь Петръ Алексѣевичь.....		105	28	10	26	120
2	.....No......	Кн. Ромадановъ.		106	26	9	24	120
							50	240
Брандеры. 1	Вулканъ......	Кунцы......		80	24	10½	8	26
2	Этна.........	— „ —		80	24	10½	8	26
3	Везувій.......	— „ —		80	24	10½	8	26
4	Саламандръ....	— „ —		80	24	10½	8	26
							32	104
Бомбардирныя суда. 1	Сатурнъ......	Кунцы....	2	91	29	11	18	60
2	Громъ........	— „ —	2	95	29	11	18	60
3	Молнія........	— „ —	2	101	29	11	18	60
4	Градъ.........	— „ —	2	101	29	11	18	60
5	Сила.........	— „ —	1	101	30	12	14	50
6	Страшный.....	— „ —	1	101	30	12	14	50
7	Берега желающ.	— „ —	1	101	30	12	14	50
			11				114	350

Итого 66 кор., 18 Стр., 2538 пуш., 11 мор. и 16.814 матр.

8.

Черкаскъ, какъ мы уже сказали, построенъ въ 1570 году отважнѣйшими изъ Запорожскихъ выходцевъ, на правомъ берегу Дона, въ 60 верстахъ отъ устья ея, подъ 47° 18′ 34″ сѣв. широты и 51° 36′ вост. долготы. При первоначальномъ его построеніи въ немъ не было постоянныхъ жилищъ; онъ состоялъ тогда изъ землянокъ, въ коихъ, какъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, нѣсколько удальцевъ жили для грабежа и для наблюденія непріятельскихъ движеній. Во время смутъ Лжедимитріевыхъ, когда число Донскихъ Казаковъ умножилось значительнымъ числомъ новыхъ пришельцевъ изъ разныхъ областей Россіи, то (около 1593 г.) между Раздорами и Азовомъ построено было еще нѣсколько временныхъ становъ, изъ коихъ *Монастырскій*, построенный на правомъ берегу Дона, въ 7 верстахъ отъ Черкаскаго, былъ самымъ нижнимъ, пограничнымъ становищемъ. Монастырскій, также какъ и Черкаской, былъ построенъ Запорожскими выходцами; въ немъ, какъ въ пограничномъ селеніи къ бусурманской сторонѣ, собирались одни *отваги*, люди холостые и бездомовные для вольныхъ промысловъ, для своихъ *охотничьихъ* поисковъ. Монастырской, какъ по современнымъ актамъ судить можно, былъ всегда частнымъ городкомъ [a]; ибо Главное Правленіе, гдѣ жилъ Войсковой Атаманъ, и гдѣ Донцы собирались по нарядамъ для службы Царской, всегда оставалось въ Раздорахъ, а потомъ въ Черкаскомъ.

(a) Г. Сухоруковъ (см. Сѣв. Арх. 1823 г, час. 8, стр. 87 и слѣд.) въ Историческомъ извѣстіи о Черкаскѣ, изъ котораго и мы заимствуемъ сіе, хотя и утверждаетъ, что изъ Раздоръ было перенесено Главное Правленіе въ Монастырское; но въ Госуд. актахъ ни гдѣ о томъ не упоминается.

Не льзя опредѣлить съ совершенною точностію времени, когда Главное Правленіе перенесено изъ Раздоръ въ Черкаскъ, но думаемъ, что оное случилось въ исходѣ XVI столѣтія, или, въ первыхъ годахъ Царствованія Михаила Өеодоровича; ибо ясное свидѣтельство о томъ, что Черкаскъ былъ уже главнымъ городкомъ на Дону, находимъ въ донесеніи посла Андрея Савина о убіеніи Казаками Воеводы Карамышева въ 1630 году. Монастырскій городокъ существовалъ не долго; оный, какъ по преданіямъ извѣстно, сожженъ вновь пришедшими Азовскими Турками послѣ 1642 года, когда по указу Царскому Азовъ, взятый Казаками, возвращенъ былъ Султану.

Съ того времени, какъ Черкаскъ сдѣлался главнымъ и вмѣстѣ пограничнымъ городкомъ на Дону, населеніе его стало быстро умножаться; такъ что въ Разинскіе времена, въ 1670 году, Черкаскъ состоялъ уже изъ пяти городковъ или станицъ, одна къ другой пристроенныхъ, именно: *Черкаская*, *Прибылянская*, *Дурновская*, *Скородумовская* и пятую полагать должно *Среднюю*, въ которой родился Разинъ. При Буловинѣ, въ 1708 году, находилось уже 11 станицъ; вновь заселенныя назывались: *Татарская* [a], *Ратинская*, *Путеревская* и три *Рыковскихъ*: Верхняя, Средная и Нижняя. По покореніи Азова, въ 1696 году, Петръ Великій запретилъ Казакамъ принимать воль-

(а) Жители сей станицы суть коренные Татара, и по нынѣ сохранившіе свою вѣру и обычаи. Съ достовѣрностію не извѣстно когда сіи Татара вошли въ составъ Донскаго войска, и когда построили они свою станицу въ Черкаскѣ; но они сами думаютъ, что живутъ здѣсь искони, и поселились на Дону еще въ то время, когда между Раздорами и Азовомъ никакихъ Казачьихъ жилищъ не было.

ницу; а какъ къ тому въ мирное время не позволялось ходить на морѣ для поисковъ противъ Турокъ, то по сей причинѣ, въ теченіе слѣдующихъ 100 лѣтъ, не прибавилось въ Черкаскѣ ни одной станицы, а только прежніе умножились числомъ постоянныхъ жителей и строеній.

При построеніи Черкаска оный, какъ и всѣ другіе Казачьи городки, обнесенъ былъ полисадникомъ, съ присыпаннымъ позади небольшимъ валомъ. Такого укрѣпленія было слишкомъ достаточно для обезпеченія города отъ набѣговъ непріятельской легкой конницы, часто вторгавшейся въ Донскую землю, для грабежа, а не для покоренія укрѣпленныхъ городковъ. Мѣстное положеніе защищало его лучше укрѣпленій: находясь на островѣ, образуемомъ Дономъ, и многими рукавами его, какъ среди самаго города, такъ и внѣ онаго въ разныхъ направленіяхъ протекавшими, во время водополи и долго спустя по слитіи вешней воды, по причинѣ низкаго его положенія и остающихся топкихъ мѣстъ, дѣлалъ его совершенно почти неприступнымъ. А какъ Казаки должны были ожидать, что Азовскіе Турки постараются отмстить имъ за взятіе Азова и посрамленіе ихъ оружія при защитѣ онаго, то вскорѣ послѣ 1642 года, Черкаскъ обнесенъ былъ двойною деревянною стѣною, внутри набитою землею, съ 10 бастіонами, коихъ куртины, въ неопасныхъ мѣстахъ, состояли изъ двойнаго полисадника, обвѣшеннаго терномъ. Бастіоны вооружены были достаточнымъ числомъ пушекъ [a]. Въ городѣ считалось четверо главныхъ воротъ: *Богоявлен-*

(a) Надобно замѣтить, что Казакамъ какъ Донскимъ, такъ и Запорожскимъ, хотя отпускали изъ казны порохъ и свинецъ, но пушекъ много не давали.

скіе, Прибылянскіе, Родіоновскіе и *Московскіе* и сверхъ того болѣе 10 калитокъ.

Не смотря на набожность Казаковъ, они долго не имѣли церквей, даже неизвѣстно когда первая была построена. Вѣроятно однакожъ, что вскорѣ послѣ покоренія Азова (1637), когда гражданственность начала между ими проявляться. Извѣстно только то, что при возшествіи на престолъ Алексѣя Михаиловича, въ Черкаскѣ и въ другихъ городкахъ были уже часовни. Пойманный въ 1671 году Разинъ былъ цѣпью прикованъ къ дверямъ Соборной церкви Воскресенія, которая почитается на Дону древнѣйшею. Изъ актовъ, 1694 году принадлежащихъ, видно: что Войсковому Атаману Фролу Миняеву, ѣздившему въ Москву, на Черкаскую Церковь къ прежнимъ въ прибавку отпущено было 100 рублей, да Кагальницкому Священнику на построеніе станичной церкви 50 руб. Въ 1706 году, при Атаманѣ Максимовѣ, по повелѣнію Государя Петра Алексѣевича вмѣсто деревяннаго заложенъ въ Черкаскѣ большой каменный Соборъ, который оконченъ и освященъ 1719 года 1-го Февраля. Для построенія сего Собора присланы были мастера, два колокола, связное желѣзо, книги, утварь и все потребное. Въ 1715 году Государь, по просьбѣ Татаръ, пожаловалъ имъ будару (барку) для построенія вмѣсто сгорѣвшей, новой деревянной мечети. Въ началѣ XVIII столѣтія въ Черкаскѣ, кромѣ Соборной во имя Воскресенія, были уже построены церкви: Св. Апостоловъ Петра и Павла, Св. Николая и Преображенская.

Во времена Петра Великаго, Черкаскъ [a] построенъ

(a) И нынѣ большая часть старыхъ станицъ представляютъ кучу домовъ, тѣсно построенныхъ, и кривыми переулками перепутанныхъ.

былъ по Азіятски, т. е. тѣсными кривыми улицами, или лучше сказать кое-какъ, какъ кому вздумалось, на сваяхъ съ тѣсными дворами. А какъ строеніе все было деревянное, то пожары весьма часто причиняли гибельныя опустошенія. Самый ужаснѣйшій пожаръ былъ въ 1744 году 12го Августа, которымъ менѣе нежели въ два часа весь городъ, кромѣ трехъ Рыковскихъ и Скородумовской станицы обращенъ въ пепелъ. Въ семъ-то пожарѣ, испепелившемъ 7 станицъ городскихъ, Войсковой Архивъ, со многими жалованными Казакамъ отъ разныхъ Государей грамотами и знаменами были жертвою пламени; и многіе нужнѣйшіе акты, долженствовавшіе объяснить Исторію Донскаго войска погибли невозвратно.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

Отъ восшествія на престолъ Царя Алексѣя Михайловича *до смерти* Петра Великаго *отъ* 1645 *по* 1725 *годъ.*

Глава IV.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

Глава V.

Царствованіе Өеодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей.

1676 — 1696.

Глава VI.

Царствованіе Петра Алесѣевича.

1696 — 1707.

Глава VII.

Царствованіе Петра Великаго.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

				Вмѣсто:	*читай:*
Стран.	21	на выноскѣ.		1224—1506 г.	1224—1500 г.
	54	строка	25	Меги	Мечи
	61	на выноскѣ.		Уральскихъ	Яикскихъ
	90	строка	7	по домамь.	по домамъ
	152	—	18	съ непріяге-лями	съ непріяте-лями
	171	—	16	версгъ	верстъ
	174	на выноскѣ.		1761 г.	1671 г.
	229	строка	8	30 пушечн.	40 пушечномъ